

Золотой век (AUREA SAECULA) – 3. Золотой полдень

Тит Антонин Пий

Т Е Н И   в   Р И М Е

метаисторический роман

Удивительная история случилась с этим сочинением, которым я рассчитывал закончить серию романов о «Золотом веке».

Роман о наследнике Адриана Антонине Пие был на три четверти готов, когда я начал внезапно, с исступлением маньяка *«вырезать»*, а не *«копировать»* требующий сохранения текст.

Все файлы подряд!..

Будто из тени подтолкнули!

Довырезался до того, что, когда перенес на домашний компьютер все сопутствующие материалы с других процессоров, жесткий диск возьми и сломайся. Так до сих пор и лежит у меня на полке. Оживить его даже самым опытным профессионалам оказалось не под силу, так что у меня исчезло все, что было связано с этим персонажем – от черновиков и вспомогательных записей до окончательного варианта текста.

Самое время задуматься...

Я задумался!

Вот что тогда пришло в голову – это был ответный, расчетливый удар таинственной незримой силы. Для такого вывода у меня были все основания, ведь всего за год до этого судьба с тем же изощренным коварством улыбнулась мне.

...работая над предыдущим романом о императоре Адриане,¹ мне отчаянно не хватало материала. В библиографии я наткнулся на роман известной французской писательницы М.Юрсенар «Воспоминания Адриана», а также на сочинение малоизвестного у нас немецкого писателя Г.Эберса «Император». Текст М. Юрсенар я нашел, а вот отыскать «Императора» мне так и не удалось.

Казалось, придется смириться с неудачей.

...как-то на Троицу я отправился на рынок. Не берусь судить, кто или что подтолкнуло меня под руку, только в ряду книжных развалов я притормозил возле одной из длинного ряда старушек, добавлявших к своим пенсиям несколько десятков рублей продажей книг из домашних библиотек.

---

¹ Ишков. «Адриан». Изд-ва «Астрель» 2007, «Вече» 2018

Взгляд остановился на темно-зеленом томике. Названия на потертом переплете не было. Суперобложка, на которой должно было название, тоже утеряна...

Я поднял книгу, открыл и вздрогнул – Георг Эберс «Император»...

Спустя год – обвал с Антонином Пием...

Гибель самого дорогого на тот момент, неоконченного текста могла быть связана либо с очередными происками судьбы, либо с признанием очевидной близости потустороннего мира, на границе с которым мы вынуждены существовать. Но поскольку судьба слепа, я остановился на втором варианте, животрепещущем более, чем бездумные удары равнодушной к нашим деяниям фортуны.

Я бы назвал эту границу «сумерками», неким размытым прогалом между светом и тьмою, ведь каждая из этих реальностей не подсчитываемо часто напоминает о себе. Мне представилось, будто каждому из нас, оказавшемуся в сумеречном состоянии, предлагается сделать выбор, и этот выбор всегда непрост. За него еще придется побороться.

Я решил принять бой. Не для того я взялся за жизнеописание самого добродетельного из всех добродетельных императоров, чтобы опустить руки при встрече с Тенью. Это было нелегкое решение, ведь тень многолика. Она бьет резко, наотмашь, только успевай уворачиваться.

Зло прячется в тени.

К тому же было боязно за читателей. Не дай Бог, если кто-то, прочитав роман, решит сегодня стать лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня.

Это будет самокатастрофа, сходная с той, какая случилась с автором, а также с главным героем романа, ведь каждый из нас, замкнувшись в кругу своего ограниченного понимания мира, приучен упорно отрицать совершенно очевидное. Горе тому, кто предьявит убедительный довод в пользу добра, которым можно было бы переубедить его. И вообще – если человек окаменел во внушенном извне, есть ли смысл воздействовать на него доводом?

Кто мог бы, взяв человека за руку, вывести его на свет Божий? Помог бы раскрыть глаза и убедиться – мир это не пляски *теней* на стенах пещеры.

Это – мир...

Это объективная реальность.

Мне повезло – я встретил Антонина Пия.

Он оказался надежным и доброжелательным попутчиком. Он подал смутную надежду на возвращение Золотого века. Он приоткрыл тайну маршрута, следуя которым можно, вспомнив вещие слова Гайто Газданова, «что-то понять в жизни».

Не удивляйтесь, доброжелательные люди встречаются даже на императорском посту.

Я решил последовать совету Серена Кьеркегора – «...люди объезжают кругом весь свет, чтобы увидеть разные реки, горы, новые звезды, редких птиц, уродливых рыб, нелепых существ и воображают, будто видели нечто особенное.

Меня это не занимает.

Но знай я, где найти добродетельного человека, я бы пешком пошел за ним хоть на край света. И я бы уж ни на минуту не выпустил его из виду... Я бы только и делал, что с благоговением наблюдал за ним, подражал ему, упражняясь в тех же поступках. И хотя я еще не нашел такого человека, но вполне могу представить его...»

Самое возмутительное, говорил Антонин, если кто-то «объедает государство, не принося ему никакой пользы своим трудом». Доходы со своего имущества он подарил государству. В память об умершей жене взял на содержание государства девочек-сирот по всей Италии.

Высокий рост придавал ему представительность, но к старости, когда стан его согнулся, он, чтобы ходить прямо, привязывал на грудь липовые доски. Будучи стариком, он, прежде чем принимать посетителей, ел для поддержания сил хлеб всухомятку.

Даже умер без затей, в семидесятилетнем возрасте. Поел на ночь альпийского сыра «банон», утром почувствовал себя плохо и к вечеру без спешки, отдав все необходимые распоряжения, объявил страже пароль на будущую ночь – «самообладание» – скончался.

Должно быть, вкусный был сыр, если человек, всю жизнь придерживающийся умеренности, съел лишний кусочек.

Глянешь на такого и невольно воскликнешь – боже правый, да император ли это? Ни дать, ни взять – пенсионер-садовод.

Тем не менее, это он.

...кое-кто пытается доказать, что конечное несоизмеримо с бесконечным!

Это досужая сентенция не относится к моему герою. Он в высшей степени цельный, солидный человек. Заботливый дедушка. Ни один разряженный горожанин, отправляющийся на воскресную прогулку, не шагает более твердой поступью. Он весь принадлежит миру сему. Ничто не выдает его: ни взгляд, устремленный в небо, ни досужие разговоры, есть ли жизнь на Марсе, или насчет морального закона – как он там кувыркается во мне; ни желание критиковать власти. Его громкое пение (после рюмки-другой) доказывает самое большее, что у него здоровые легкие.

И все-таки именно такие люди ежеминутно подталкивают движение космоса. В бесконечном смирении они черпают глубокую грусть бытия и непоколебимость доброго нрава.

Их пребывание в конечном мире не носит ни малейших следов забитости, робости или покорности дрессированного животного. Им тоже известно блаженство. Они спокойны, уверенно наслаждаются этим миром, не унижая других, не тыча в глаза самодовольством или наглостью, как будто конечное навеки обеспечено за ними.

И все же, все же...

Теперь, закончив роман, я уверен, что заинтересованность судьбой и деяниями Антонина Пия, мой пламенный задор, не только ярче всего характеризует мои авторские пристрастия, но также и объективную роль этого ключевого для Золотого века императора, сыгравшего решающую роль в становлении непривычного нам, будущего миропорядка, который я условно назвал бы *бытием в согласии*.

Еще Т.Момзен утверждал: «...император Пий не обижал своих соседей, ни сильных, ни слабых, и ценил мир, может быть, даже больше, чем следовало».²

Некоторые современные историки вообще отказывают Антонину в исторической значимости. Например, одна из исследовательниц пишет: «...можно согласиться с точкой зрения Э. Грима³, что Антонин не оставил после себя никакого индивидуального следа в истории государственных учреждений, и в период его правления наблюдается отсутствие настоящей мысли и настоящей энергии».

Другие историки (Энтони Бирли), подвергают Антонина критике за его чрезмерную пассивность.

Д.Б.Дьюри (из Википедии) вообще отказывает Антонину Пию в праве на состоятельность как правителя, тем более великого правителя: «...как бы высоко не ставить его добродетели, Антонина никак нельзя назвать образцом выдающегося государственного деятеля. Спокойствие, которым империя наслаждалась под его властью, достигнуто было исключительно стараниями Адриана, и отнюдь не его собственными усилиями; с другой стороны, в своих стараниях сохранить мир любой ценой он зашёл так далеко, что после его смерти это вылилось для империи в череду несчастий. В его стиле правления не было ни особой оригинальности, ни новизны, более того, у него не достало даже проницательности или смелости, чтобы развить то, что было ранее намечено Адрианом».

Подобная безапелляционная оценка удивления не вызывает. Мы уже досыта наслушались нравоучений, ультимативно навязываемых Западом. Особенно нетерпимы они в оценке исторических личностей. Как видно из приведенных отрывков, для представителей западного направления в исторической науке важнее любой ценой сохранить добытые силой в течении нескольких последних столетий материальные преимущества, чем попытаться различить зарю будущего нового мира. По моему мнению, любая попытка в этом направлении без презентации и оценки таких людей, как Антонин Пий – подчеркиваю, *людей*, наших с вами сородичей – будет обречена на неудачу.

Это эмоции...

Что касается научной оценки подобных высказываний позволю себе привести еще одну цитату:

«Удивительны загадки истории – династия, которую основал Марк Ульпий Траян и в которой огромную роль играла семья Элиев, уже в самой римской историографии получила название эпохи Антонинов. При этом все, похваливая Антонина Пия, подчеркивали и подчеркивают якобы отсутствие у него ярких государственных дарований, «незлобивость», скромность, и, в первую очередь, *склонность к согласию*».

История, к счастью, беспристрастна и объективна, и в этом романе я изо всех сил старался придерживаться этого принципа. Но это *роман*, то есть художественное жизнеописание наделенного властными полномочиями

---

² Т.Момзен. История Рима. кн. 8, гл. 6. Война с маркоманами.

³ Гримм Эрвин Давидович (Эрвин-Александр) (1870–1940 гг.) – российский историк, профессор Санкт-Петербургского университета, последний в истории Российской империи ректор университета (1911—1918)

человека, всегда готового прийти на помощь каждому из нас – его современникам и потомкам.

Этого мало?..

Вспомните, как это бывает, когда на садовом участке, ощущая приближение грозы, стараешься успеть сделать то, доделать это. Воздух становится тяжел и невкусен, нет покоя сердцу, мыслям. Невольно спрашиваешь себя – зачем мне это? Куда спешишь, хрен с ней с пленкой, да пропади оно все пропадом! Убудет, что ли, от дождя? И сам не можешь объяснить себе, что такое это *это*? Прошла гроза, забылась немощь от незнания, но то и дело жизнь напоминает о существовании *этого*.

Назовем его *отчаянием*.

Я призываю каждого, кому знакомо отчаяние, у кого *конечное* до предела стиснуло душу и напрочь выжгло желание заглянуть в *бесконечное*, полюбоваться на такого человека, пусть даже весь его земной облик абсурден.

Глядя на него, так и хочется воскликнуть – не верь глазам своим!

О встрече с таким человеком мечтал Серен Кьеркегор.

Только с помощью таких людей можно одолеть разделяющие нас тени.

Пролог

Берег был уныл, желт.

Великая река, огибающая холмы, делала в тех местах огромную петлю. К самому началу петли, к обрыву приткнулось небольшое поселение, которое и городом назвать трудно. Издали, с того места, где в тени финиковых пальм остановилась императорская галера, можно было разглядеть храмовую колоннаду, а также невысокие глинистые стены, за которыми располагалось святилище.

Рабы вынесли императрицу на верхнюю палубу. Она оглядела окрестности и выразилась кратко и язвительно.

– Проклятый Египет! – затем указала пальчиком на полуразрушенный храм. – В этом рассеченном Нилом пекле я не встречала поселения, где не было бы храмовых развалин. Эти кому посвящены?

Грек Артемион, нанятый в Александрии переводчиком и краеведом, поспешно шагнул вперед.

– Это поселение называется Хмун. Храм посвящен богу Кеку и его супруге Каукет, властительнице Тьмы и сопровождающих её теней, а также восьмерке, или *огдоаде*, сотворивших мир богов.

– Восемь богов?! – удивилась императрица, и с нескрываемой грустью заключила. – Значит, и здесь начнут клянчить... Нет, я останусь на корабле...

В этот момент на палубу поднялся центурион почетной стражи Публий Теренций Фирм и сообщил, что делегация местных жрецов – все как подбор бритые, лысые и донельзя тощие, – умоляют великую супругу великого Адриана принять их.

– Что я говорила! – с нескрываемой радостью объявила Сабина. – Чего они желают? Милостей, даров или присвоения мне титула «божественная»?

– Одно, великодушная, вовсе не исключает другое! – воскликнул опершийся на перила недавно назначенный претором Луций Цейоний Коммод, сопровождавший императрицу в путешествии по Нилу.

Теренций добавил.

– Они приглашают проникательную осчастливить их своим посещением. Настаивают убедительно – будто в храме ей будут представлены чудеса, совершаемые божественными кошками, служительницами Бастет.

Стоявший у перил Цейоний Коммод напомнил императрице, что принцепс рекомендовал ей не пренебрегать мольбами жрецов и постараться пересилить себя ради государственных интересов.

– ...о Бастет рассказывают много интересного, – добавил он. – Но еще более умалчивают. Например о всякого рода магиях и мрачных чудесах, которые случаются в этих местах.

Сабина поморщилась.

– В такую жару интересоваться чудесами – дурной тон, Луций. Царство магии ночь, а чудеса необходимы исступленным и паломникам. Они без них жить не могут! Что за торжественная процессия без чудес! Впрочем, если желаешь, можешь отправляться на берег. Потом расскажешь, что сотворила с тобой божественная кошка.

– Нет, нет, – засмеялся Луций. – Я согласен с тобой, несравненная – дурной тон интересоваться чудесами в такую жару. Пусть Теренций в сопровождении ликторов откликнется на их просьбу.

– Я что? – усмехнулся Теренций. – Я готов. Я не боюсь кошек, даже самых божественных.

– Не кощунствуй, Теренций. Отправляйся на тот берег, потом расскажешь... Когда спадет жара.

* * *

Теренций Фирм вернулся после полудня.

Его провели в надстройку на корме, где в богато украшенном зале, на ложе отдыхала императрица. Фирм доложил, что дары переданы, благодарности получены. Город сам по себе дрянь.

– ...более унылого уголка я в своей жизни не встречал, – добавил Тиберий. – Что касается чудес, ничего сказать не могу, однако фокусников и жонглеров там полным-полно. Есть даже забавные. Возле одного из полуразрушенных домов мы наткнулись на старикашку. Я обратился к нему на латинском – как пройти к пристани? Он ответил на чистейшем римском говоре.

– Наверное, какой-нибудь беглый, – вздохнула Сабина. – Они как тараканы прячутся по всем углам империи. Затаились в тени...

– Я тоже так решил, несравненная, однако старик оказался прилично одет, у него в услужении громадный негр и какой-то мальчишка, но самое удивительное, он попросил меня держаться подальше от его тени. Я спросил, ты кому указываешь, негодяй? Римскому центуриону? Он не испугался и заявил, что не имел намерения оскорбить меня. Тогда причем здесь тень? Он начал объяснять, якобы в тени таится великая сила, с тенью надо обращаться с осторожностью, иначе... Я спросил его – к чему ты клонишь?

Старикашка приказал своему слуге снять с забора один из глиняных горшков и поставить возле себя. Затем он взмахнул посохом и ударил по тени, которую отбрасывал сосуд. Вообразите, от удара сосуд разлетелся на мелкие кусочки.

Я уверил старика, что и не таких фокусов навидался!.. Горшок, наверное, был надтреснут... Старик предложил мне самому выбрать сосуд, из тех, что висели на плетне, но за это я должен заплатить ему десять сестерциев. Не многовато ли будет? – спросил я. На это старик ответил – в самый раз, иначе он якобы может невзначай задеть мою тень... Каков наглец! – возмутился центурион.

Сабина заинтересованно спросила.

– Ты дал ему десять сестерциев?

Центурион кивнул, потом развел руками.

– Все-таки интересно... Я лично выбрал горшок. Он был толстостенный и при щелчке звенел как оглашенный. Действительно, ни трещинки ни скола...

– И?..

– Горшок тоже разлетелся вдребезги!!

– Забавно! – откликнулся Луций.

Императрица захлопала в ладоши.

– Я хочу видеть этого старика. Сегодня нас ждет интересный вечер. Пусть он устроит представление с теньями. Как его звать?

– Он назвался Антиархом.

– Пошли за ним, Теренций. А ты, Луций, постарайся узнать, когда нам ждать императора? Он обещался прибыть с охоты сегодня вечером, так что все к одному.

* * *

Гвардейцы, посланные за Антиархом, привезли старика, когда пронзительное египетское солнце уже склонялось к вершинам западной гряды, отделявшей речную долину от пустыни.

Между тем на восточной стороне небосвода копились грозные облака.

Вместе со стариком прибыла и его свита, состоявшая из громадного мускулистого негра, подозрительного подростка с обмякшим лицом, а также прелестной девицы, закутанной в плащ, из-под которого впечатляюще выступали некоторые ее прелести.

Цейоний Коммод заинтересованно, не без нарочитого смакования оглядел девицу.

– Луций!.. – предостерегла императрица и погрозила претору веером.

Представление было решено устроить на верхней палубе, в надстройке, служившей столовой. Здесь принимали гостей. Рабы вынесли кушетки, на которых во время торжественных обедов укладывались гости, низенькие столы, на которые ставились блюда. Затем, не без некоторой нарочитой торжественности внесли ложи, на которых устроились те, кто сопровождал императрицу в путешествии по Нилу.

Их всего было несколько человек. В это путешествие по диким, пусть даже и очень древним местам Сабина отправилась неохотно, уступая исключительно настояниям супруга.

Адриан, как всегда вольно обращавшийся с церемониями, вместо того, чтобы представлять в этом забитом песками уголке необоримую и доброжелательную мощь империи, – позволял себе отлучаться на охоту, на посещение каких-то набитых магическими предметами древних развалин, на всякие прочие диковинки природы. Он предпочитал осматривать, изучать и стараться приобщить к сокровищам государства все редкости и нелепости, которых, по мнению его супруги, с избытком хватало в подлунном мире. Свалив на императрицу заботы о поддержании добрых отношений с местными правителями и, прежде всего, с обнищавшими до предела служителями древних храмов, Сабина испытывала постоянную меланхолию. Впрочем, она всегда отличалась избытком уныния, что не позволяло ей вписаться в активный поиск нового – новых административных учреждений, новых архитектурных форм, новых отношений между разными частями империи, – которыми отличался ее супруг.

Что уж говорить о семейной жизни, счастье которой было разрушено в самом начале их брака, после того Сабина, не простившая молодому супругу насилия в первую брачную ночь, постаралась сделать так, чтобы у нее случился выкидыш.

Со временем боль нескладывающихся семейных отношений сгладилась. Между супругами возникло что-то вроде взаимопонимания и теплых чувств, однако прежний страх настолько глубоко впитался в Сабину, что на мир она уже долгие годы смотрела мрачно, постоянно ждала неприятностей, часто уступала своим капризам, одним из которых являлся отказ от посещения местных храмов.

Ей претили пустопорожние оповещения о ее «божественности», на которые не скупилась местные жрецы. В какой только сонм египетских богов ее не помещали, чьим воплощением не объявляли, а толку – как однажды она призналась Луцию, ее любимцу и в какой-то степени приемному сыну, – чуть...

Никто из этих обветшавших, худющих, бритых, а часто и слепых небесных посланцев не смог вернуть ей утерянное счастье материнства.

Вряд ли она в ее годы приняла бы такой дар, но предложить-то можно!

Хотя бы догадаться, чего желает «божественная»!..

Теперь еще оказаться в составе «огдоады»? Или возродиться как воплощение Бастет, кошачьей богини, чьи подвластные создания, плодятся и размножаются с такой быстротой, что никаким богам или «божественным императрицам» за ними не угнаться.

Спасибо, не надо.

* * *

Старикашка появился в зале, когда на Реку надвинулись темные облака и небо заметно померкло. Вбежал в тот самый момент, когда с восточной стороны долетели гроыхающие грозовые раскаты.

Императрица лукаво улыбнулась поспешившему к ее ложу старику.

– Ты специально поджидал, когда ударит гром?

Старик поклонился.

– Нет, венценосная. Гром и молнии – это моя стихия...

Он поднял руки над головой. Раздался сухой треск, и между его ладонями внезапно полыхнул разряд.

Сабина отпрянула к спинке ложа. Кто-то из гостей испуганно вскрикнул. Луций подался вперед и потребовал.

– Повтори!..

Старикашка еще раз вскинул руки, и между ладонями вновь пробежала молния.

В сумеречном, заметно помертвевшем зале наступила тишина.

Антиарх, овладев вниманием присутствующих и не желая терять инициативу, воскликнул.

– Здесь слишком много света, драгоценная, а я повелеваю миром из мрака. Повелеваю невидимый и неслышимый!..

Затем, не дожидаясь разрешения, подбежал к одному из факелов на левом входе и, схватив пламя обеими руками, придушил огонь. Так он поступил еще с тремя факелами.

Зал погрузился в сумерки. Неожиданно со стороны входа, забранного тканями и деревянными, покрытыми резьбой пилястрами, выдвинулась громадная размытая тень. В ее верхней части обозначился низкий треугольный столик. Тень с поклоном донесла его до середины зала, поставила и также с поклоном удалилась.

Сабина перевела дыхание и, стараясь не терять присутствия духа, поинтересовалась.

– Ты повелеваешь миром из мрака? В таком случае ты бог? Отвечай?! И не придумывай самые пошлые прозвища, обращаясь ко мне. Называй просто – госпожа.

– Нет, несравн... госпожа, я всего лишь сын небожителя. В моей власти мрак и все, что творится во мраке. Твой супруг и ты, госпожа, повелеваете светом, а мой удел, мои владения – места, где свет отсутствует.

– Даже ночь? – иронично поинтересовался Луций.

– Нет, претор! Позволю себе напомнить, ночь редко – очень редко! – бывает темна до полного отсутствия света. До его неприятия!.. В ночи всегда что-то светится – например, звезды. Я уж не говорю о луне.

Луций, стоявший у распахнутого окна, улыбнулся.

– Я слыхал о мошеннике, который объявил себя супругом луны. Кстати, он даже ухитрился выдать свою дочь за римского патриция. Я бы назвал этот брак совершённым по воле небес, если бы патрицию не стукнуло шестьдесят, а дочери Луны пятнадцать. Интересно, чем они занимаются по ночам? Вероятно, патриций обращается к свекрови с мольбой о даровании ему мужской силы.

Все присутствующие заулыбались.

Луций, доказавший, что он оказался единственным, кто не растерялся в присутствии местного фокусника, изящно поигрывал цветком лотоса. Он то принимался к его аромату, то выписывал божественным цветком замысловатые фигуры.

Старик неожиданно и охотно подтвердил.

– Я тоже слыхал о Александре из Абинотеа. Вся разница между мной и этим лжепророком в том, что я не беру деньги за пророчества, которые

произносит прирученная им змея с человеческой головой. Я также не требую неземных почестей и не торгую своими приверженцами.

– На что же ты живешь, Антиарх?

– Я довольствуюсь малым. Жизнь научила меня довольствоваться куском вчерашней лепешки и глотком молока, на которые не скупятся люди.

– Каким же образом ты ухитряешься выманить у наших бессердечных, не знающих слова «жалость» подданных несколько асов на кусок засохшей лепешки и чашку молока.

– Я помогаю им приручить свои тени.

– И каковы успехи?

– Я готов продемонстрировать тебе, госпожа, что тень не такая безобидная вещь, как нам кажется. Тень прочно связана с хозяином...

– Мне рассказывали, что ты, ударив по тени, разбил глиняный горшок.

– Это пустое, госпожа. Если правильно обращаться с тенью, она способна поведать своему хозяину о нем самом и о тех, кто его окружает, куда больше, чем самый яркий светильник.

– Этот громадный верзила, который поставил столик, и есть твоя тень?

– Нет, это мой раб Исфаил. Он подобен тени, но он всего лишь человек.

– Хорошо, пока оставим Исфаила в покое. Что могла бы рассказать мне моя тень?

– О той опасности, госпожа, которая угрожает тебе и претору Луцию Веру.

Луций удивился.

– Ты, оказывается, куда бóльший пронира, чем я предполагал. Как ты сумел узнать мое имя?

– Твоя слава, претор, летит впереди тебя.

– Не уходи от ответа. Я сначала посчитал тебя беглым преступником, каких немало прячется по дальним закоулкам империи, однако я ошибся. Давно ли ты поселился в этом забытом богами месте?

– Я живу здесь уже почти семь лет. Здесь мрак особенно глубок и мудр. Отсюда мне видно все, что творится в подлунном мире.

Затем он обратился к Сабине.

– Я также сведущ в тайных делах, которые творятся в Вечном городе, как назвал великий Рим твой супруг, божественный Адриан.

– Какими же тайнами поделился с тобой местный египетский мрак?

– Мрак, госпожа, не бывает местный или римский. Мрак везде мрак и чем он гуще, тем изобильнее просветления. Поверь старому *мракофилу* – именно эта субстанция устроила нашу встречу. Не огонь, вода, воздух или земля, а именно тьма. Мне есть что рассказать тебе, госпожа, и тебе, претор Луций Вер, но для этого мы должны остаться одни.

Центурион Теренций подал голос.

– Думай, что говоришь, Антиарх, и не веди себя нагло.

– Не спеши обвинять меня в наглости, Теренций. Пророчества – это мое любимое развлечение. Оставь нас и уведи охрану. И заодно присмотри за этим мрачным Исфаилом...

Сабина спросила.

– Откуда он родом, Антиарх?

– Из Эфиопии. Исфаил – самый темный негр, которого можно найти в Африке.

Антиарх окликнул.

– Исфаил? Подойди и представься госпоже.

Из темного угла зала совершенно беззвучно выдвинулся человек в черном одеянии и с черной накидкой на голове. Приблизившись, он скинул накидку, затем оскалился.

Невероятно белые зубы высветились в вечернем полумраке.

Антиарх вздохнул.

– Никак не могу добиться от него согласия избавиться от этих исчадий света. Они никак не подходят его черной душе.

Сабина и Луций рассмеялись. Даже Теренций улыбнулся.

Претор укорил старика.

– Не наводи тень на плетень, старик. Я полагаю, когда потребуются, зубы его станут темнее ночи.

Затем он подал знак Теренцию.

Центурион приказал.

– Пойдешь со мной, эфиоп. И учти, если твой хозяин начнет настаивать, мои молодцы в несколько секунд избавят тебя от этого недостатка.

– Нет, Теренций, – возразил Антиарх. – Этого не надо. Он будет плакать. Это, доложу я вам, такое зрелище, которое лучше не видеть верному служаке и почтенному отцу многочисленного семейства.

Теренций остановился.

– Ты и про меня успел разузнать?! Сколько же у меня детей, Антиарх?

– Восемь, центурион.

Теренций нахмурился.

– Тебе не кажется, что ты слишком много знаешь?

– Таково мое предназначение, Теренций.

Теренций еще более помрачнел.

– Разве ты свободный гражданин, чтобы обращаться ко мне по имени?

– Да, центурион. Я родом из Антиохи⁴, из семьи римских переселенцев. Исфаил, расставь кубки.

Раб молча выполнил указания хозяина и поставил три кубка на низенький столик.

– Я хочу попросить тебя, Теренций, зажечь эти кубки.

Теренций, повинувшись жесту Сабины, взял со стены один из еще горевших факелов и поднес его к первому кубку.

Оттуда с шипением вырвалось невысокое, но очень яркое пламя. То же самое проделал с оставшимися двумя, после чего, повинувшись указующему жесту императрицы, толкнув Исфаила, вышел из зала. Вслед за ними вышел Артемион, поэтесса Бальбила и два других стража.

Антиарх скинул плащ и ловко вытащил из обмякшей на полу накидки три медные дощечки с прорезями. Он разместил дощечки так, чтобы тени от них падали в центр стола. Когда совмещенные прорези образовали крестообразную фигуру, свет внутри нее, теряя и обретая яркость, начал переливаться от светлого до темного.

Луций Коммод подошел ближе.

---

⁴ Столица провинции Сирия, третий по величине город в империи после Рима и Александрии.

– Я слушаю, – сурово выговорил он.
– Тебе грозит беда, претор.
– С того момента, как император дал согласие объявить его цезарем, – подала голос Сабина, – наследнику всегда грозят опасности.
– Это так... госпожа. Однако я имею в виду опасность другого рода. Она не имеет отношения к неблагоприятному астрологическому прогнозу, который собственноручно добыл император. Я имею в виду редкого по красоте несмышленьша, которого император тоже пытается приобщить к таинствам астрологии...
– Ты хочешь сказать?.. – воскликнул Луций.
Антиарх резко прервал его.
– Не будем называть имен!
– Что именно ты имеешь в виду? – повысила голос императрица.
– Величайший уже принял решение. Он желает усыновить его и также, как Луция, объявить наследником. Несмышленьш молод и хитер...
Императрица резко выпрямилась и села, спустив ноги на пол. Луций приблизился к ней. Они некоторое время многозначительно смотрели друг на друга, после чего Луций произнес.
– Ты играешь с огнем, старик. Я прикажу заковать тебя в цепи, и ты будешь сидеть в трюме до того самого момента, пока не выдашь, кто подучил тебя огласить эту отвратительную клевету.
– Меня трудно заковать в цепи, – ответил Антиарх. – Разве что придется лишиться всякого намека на мрак. Однако изобилие света, претор, куда страшнее, чем его отсутствие.
– Не играй пустыми софизмами, старик. Лучше признайся, кто подослал тебя возвести напраслину на самую занимательную... игрушку императора.
– Вряд ли на всей ойкумене найдется человек, который решился бы использовать меня в качестве доносчика или тем более клеветника. Я настаиваю на своих словах. Я уверен, что кроме меня, никто не сможет избавить тебя от этой напасти.
– Этот фокус может дорого обойтись тебе, Антиарх, – предупредила Сабина.

* * *

В этот момент с верхней палубы донеслись радостные возгласы, шум, крики, обратившиеся в радостные возгласы.

Дверь распахнулась, и в зал вбежал крепко сложенный юнец в медном шлеме с крылышками, в тунике и львиной шкуре наброшенной на плечи.

Он бросился к императрице, преклонил колени и воскликнул.

– Радуйся, Сабина!.. С минуты на минуту император будет здесь. Я решил заранее предупредить тебя. Принцепс скучает по тебе. Он решил сократить охоту на сутки и уже мчится к месту стоянки твоей галеры.

Юноша неожиданно огляделся и воскликнул.

– Почему здесь так темно?

К тому моменту волшебное пламя в кубках совсем угасло.

Юнец схватил ближайший факел и принялся зажигать потушенные светильники. В следующий момент он обернулся и застыл на месте. На его

до прелести симпатичном лице обозначилось неподдельное удивление, смешанное с ужасом.

– Сацердата! Ты что здесь делаешь?!

С обескураживающим проворством старик метнулся к выходу и выскочил из зала.

Сабина вскочила

– Какой Сацердата! Где ты здесь видишь Сацердату, Антиной? Это всего лишь местный фокусник. Он устраивал представление для нас. Почему ты считаешь возможным ворваться в мои покои без предупреждения?

Луций Цейоний Коммод жестом остановил императрицу. Он обратился к Антиною.

– Ты уверен, что это Сацердата? Он назвался Антиархом.

– У него множество имен, драгоценный Луций! Он может назваться кем угодно, вплоть до погибшего на кресте назаретянина. Его нужно задержать. Он опасен.

Луций задумался.

– Я слышал о Сацердате. Это был тот еще разбойник! Подручный Регула... Эй, стража!

– Объясните же наконец, – раздраженно воскликнула Сабина, – что здесь происходит? Кто разбойник, кто фокусник? Он грозился раскрыть какую-то тайну.

– Этих тайн у него великое множество! – всплеснул руками Антиной. – Сейчас его надо задержать. Его ловят по всей империи. Он украл меня у матери и увез в Вифинию. Если бы не твой супруг, госпожа, меня бы уже на свете не было. Император спас меня.

– Ты хочешь сказать, что он повинен в смерти Тимофеи, так нелепо погибшей из-за своего суеверия?

– Да, госпожа. К тому же он уже покушался на Адриана. В Антиохии.

– Тогда его надо задержать! – возмутилась Сабина. – Теренций!..

Центурион словно ждал за дверью. Он быстрым шагом вошел в залу.

– Слушаю, повелительница.

– Где этот... Антиарх? Его надо немедленно схватить.

– Поздно, госпожа. Он успел спрыгнуть в лодку. Его мелкий раб, а также эта девица, что куталась в плащ, погнали ее на ту сторону реки.

– Его надо немедленно догнать!

– Как же, догонишь! Этот гаденыш оказался на редкость пронырлив. Пока его подружка строила глазки гвардейцам, этот негодяй ухитрился продырявить обе наши лодки. В целости только маленький ялик.

– Я поплыву на нем! – закричал Антиной. – Он не уйдет от меня!

– Как же, не уйдет! – усмехнулся Теренций.

– А где Исфайл? – поинтересовался Луций.

Претор уже успокоился и по привычке принялся обмахиваться цветком.

– Этого задержали, – не без удовольствия доложил Теренций. – Парень он оказался смиренный. Брошенный Антиархом, принялся плакать.

– Вы хотя бы связали его?

– А то как же! – хмыкнул Теренций. – Обыскали, связали и прикрутили к борту.

В этот момент со стороны берега донесся звук боевой трубы, следом посыпались отрывистые команды «сбросить трап», «принять на борт» и – неожиданно! – невероятной силы звериный рык.

Антиной обрадовался.

– Я же говорил! Я принес весть.

Договорить он не успел. Створки правой и левой двери, ведущие в зал, распахнулись, и в через левый вход в комнату, стараясь вырваться и освободиться от ошейника, вбежал громадный лев. Трое мужчин в охотничьих нарядах держали его на привязи. Вслед за хищником через правый вход в зал вошел высокий бородатый мужчина в кожаном жилете, на который был наброшен плащ, стянутый застежкой под правым плечом, и в боевой, тоже кожаной, с нашитыми медными бляхами юбке.

Он с ходу поинтересовался.

– Что здесь происходит? Кого ловим?

Антиной бросился к нему.

– Повелитель, здесь только что был Сацердата! Он выдает себя за фокусника.

– Сацердата-а-а-а?! Вот это новость! – недобро усмехнулся Адриан и перевел взгляд на своего раба Мацеста, вбежавшего через левый вход. – Взять преступника и посадить на цепь!

Мацест ответил.

– Я как раз пришел доложить, что какой-то негодяй поспешно отплыл, государь. Я потребовал объяснений, но он даже не выслушал меня – спрыгнул в лодку и схватился за весла. С ним было двое – какой-то подозрительный мальчишка и девица.

– Тогда догнать!!

– Не на чем, государь, – с виноватым видом доложил Теренций.

– Не понял? – с угрожающим видом выговорил император.

Луций решил поддержать центуриона.

– Обе наши лодки – большая для парадных выездов и малая, для прогулок, испорчены.

Адриан сбросил плащ и подозвал Теренция поближе.

Антиной, стараясь остаться незамеченным, пробрался к выходу и выскочил на палубу. Вслед за ним через противоположный выход зал покинул Мацест.

– Как же ты, центурион, охраняешь императрицу? Как этот негодяй получил доступ в ее личные покои?!

– Это по моей вине! – ответила Сабина.

– И по моей тоже! – подхватил Луций.

– Я тоже прошляпил, – сознался центурион. – Надо было держать его на привязи...

– Теперь поздно вздыхать – прервал его император. – Немедленно отыскать переправочное средство, отправить людей на противоположный берег, перекрыть все дороги ведущие из Хмуна. Утром устроим облаву.

Теренций торопливо покинул зал.

Император, не переводя дыхание, похвалился плененным зверем.

– Что, хорош?! Ему еще года нет, а как он ужасен и свиреп. Я постараюсь приручить его. Он будет послушен мне как мой пес Верный!

– Это невозможно, государь! – заявил вошедший вслед за императором Артемион. – В таком возрасте дикого зверя нельзя отучить от природной жестокости. Как утверждают знатоки, приручить дикого зверя – невероятно трудная задача. Философы настаивают, что в таком возрасте ему уже невозможно доказать, что жить страстями – самая худшая участь, которая может ожидать живое существо, тем более обладающее зачатками разума. Если бы взяться за него в молочном возрасте...

Артемион с интересом глянул на льва и даже попытался погладить его по намечавшей к росту гриве.

Зверь попытался схватить его руку.

– Да, – с сожалением констатировал ритор, – уже поздно. Его природа дика и необузданна.

– Ничего, обуздаем, – пообещал император. – Для начала свяжите ему пасть. Впрочем, сначала накормите его и начинайте подавать обед.

Он неожиданно обвел взглядом присутствующих и удивленно спросил.

– Где Антиной? Где этот неслух, которого я вчера спас от хищного зверя, вероятного отца этого чудовища? – он кивнул в сторону молодого льва, которого трое охотников с трудом сумели оттащить к двери. – Еще вчера он пообещал отвратить от меня любую беду, которую якобы сулят нам боги.

– Прежде всего, мрак и порожденную им тень, – возразил Луций. – Этот Антиарх... то есть Сацердата... то есть Епифаний...

Император продолжил список.

– Он же Марк-потрошитель... Это имя он носил до того, как дезертировал из Десятого вспомогательного легиона, а Епифанием стал, когда покушался на меня в Антиохии.

– Теперь он подался в чародеи, – ответил Луций, – а то и в небожители.

Адриан удивился.

– Ишь куда замахнулся!..

Затем император неожиданно напрягся, повысил голос.

– И все же, где Антиной?!

В этот момент вбежавший Мацест доложил, что юноша, выскочив из зала, заявил, что император повелел ему проследить за Антиархом.

– Как это? – изумился император.

Мацест доложил.

– Антиной отвязал ялик и бросился в погоню за преступником.

– Он с ума сошел?! Вернуть немедленно!!!

Император бросился к выходу.

Все толпой устремилась за ним.

* * *

Выбравшись на верхнюю палубу, император бросился к правому борту, обращенному в сторону реки. Мацест указал ему на парус, поднятый на ялике, который, убыстряя ход, двигался к противоположному берегу.

Адриан бросился вдоль борта

– Немедленно раздобыть лодки и в погоню!

Он перебежал к противоположному борту и неожиданно наткнулся на сидевшего на корточках негра.

– Кто это? – закричал император.

– Раб Антиарха...

– Пытать огнем!

В следующее мгновение Исфаил неожиданно выпрямился, скинул темную накидку, отчего вокруг стало еще темнее, выхватил нож. Обрезав веревки, он оттолкнул императора. Два гвардейца, бросившиеся ему наперез, не сумели задержать его.

Негр с разгону, ногами вперед, бросился в воду.

– Лук!!! – закричал император. – Луки, стрелы...

– Все готово! – доложи Теренций, затем скомандовал. – Наложить стрелы. Цель в воде.

Два лучника в поисках спрыгнувшего раба, даже перегнулись через борт, однако Исфаил вынырнул на таком неожиданно большом расстоянии от галеры, что стрелки на мгновение опешили.

Со скоростью крокодила негр мчался вдогонку за яликом. Пока лучники меняли прицел, тот сумел отплыть на значительное расстояние.

Что могли поделать с негодяем две стрелы, даже пущенные самыми опытными стрелками, с рассекающей воду, едва угадываемой на поверхности воды тенью?

Адриан, вцепившись в поручни, напряженно вглядывался в темноту.

Наступила протяжная угнетающая тишина.

Вот колебания воды и светлые пузырьки настигли ялик. Тот неожиданно качнулся, затем парус нехотя лег на воду.

– Не-е-ет! – закричал Адриан. – На помощь!! Теренций, поднимай якоря!..

Теренций отвел глаза. К императору бросился один из легионеров и доложил.

– Мы подогнали лодку, государь. Гребцы готовы.

– Вперед! – закричал Адриан и первым побежал к лодке.

* * *

Толпа, вначале активно сочувствующая поиску утонувшего в Ниле мальчишки, спустя некоторое время, начала расходиться. Сабина, поддерживаемая Луцием, спустилась в свои покои.

У дверей она поинтересовалась у претора.

– Что этот противный старикашка твердил насчет судьбы, которая якобы будет немилостива к императору?

Луций доверительно объяснил.

– Несколько дней назад, в одном из дальних храмов императору было вынесено предупреждение о подстерегающей его опасности. Отвратить ее можно только в том случае, если кто-то из самых близких его друзей или воспитанников не отважится принести себя в жертву.

Сабина задумалась, потом кивнул.

– Пророчество сбылось. Об этом надо оповестить Рим. И заодно, – приказала императрица, – прими меры, чтобы ни ты, ни я не были замараны этой историей.

Потом с едва скрываемым облегчением добавила.

– Теперь у тебя, Луций, нет соперников.
– Живых – да, а вот мертвых...
– Ты полагаешь...
– Да, государыня, я полагаю, что эта смерть мало что решает в смысле астрологического прогноза.

* * *

Из письма Императора Цезаря Траяна Адриана Августа вольноотпущеннику Аквилию Регулу Люпусу:

« ...прощай, мой друг. Разлука печалит меня, но ты прав – прошлое не вернешь. Ты писал, что при виде бездыханного тела твоей возлюбленной прежние увлечения перестали волновать тебя. Я сочувствовал твоему горю, Лупа.

Посочувствуй и ты моему.

Всего несколько дней назад я был счастлив, как может быть счастлив человек, излечившийся от болезни и защитивший самое дорогое существо, которое ему доверила судьба. Мы охотились, и я заслони собой Антиноя, когда тот споткнулся и упал на землю, а обезумевший от ран лев бросился на него. Я принял дерзкого хищника на копье и свалил наземь.

Антиной очень повзрослел за это время. Лицом – Александр, но без той жуткой гримасы, которая портила черты лица Македонца и внушала присутствующим ужас. Фигурой – олимпийский чемпион. После случая на охоте он по секрету признался, если случится худшее, и ему придется вступить во взрослую жизнь, он сразу примет участие в олимпийских играх.

Это решение подтверждало пророчество, которое открыли мне звезды. Тебе известно, насколько я преуспел в составлении астрологических прогнозов.

Лучше я никогда бы не вглядывался в ночное небо и не брал в руки грифель!..

...прогноз оказался неутешительным – срок жизни моего избранника Луция Цейония Коммода исчисляется не десятилетиями, а годами. Это слишком малый срок для успешного завершения строительства нового государства, в котором все получают римское гражданство и будут равны перед законом.

Признаюсь, я тогда уже всерьез задумался над тем, чтобы подобрать Луцию более молодого и надежного помощника, который мог бы со временем подхватить начатое.

...ты догадался? Да, я имел в виду Антиноя, как бы безумно это не звучит для римского уха. У меня имеются сведения, что старые пни, закосневшие в римском высокомерии, ни в коем случае не примут мой выбор, но мне было наплевать!

Я умею добиваться своего!..

...боги жестоки, дружок. Горько стоять у останков любимого человека, внимать воплям плакальщиц, и не иметь возможности вернуть то, что уже растаяло в небесной вышине. Счастья больше нет. Есть горе. Есть раскаяние. Есть невозможность жить. Беда подкралась как тень в ночи, неслышно и незримо.

...у меня сейчас избыток слов. Душа полна, но не к кому обратиться. Не с кем разделить свое горе, некому обнажить свои слезы. Вокруг меня множество людей, еще больше сочувствующих и любопытствующих, желающих взглянуть на страдающего «как женщина» правителя. А ты далеко. Говорят, ты похоронил свою Тею по варварскому обычаю – опустил ее в землю, насыпал бугорок и теперь часто приходишь на могилу, сидишь возле бугорка. Я видал, так поступали у вас в Дакии.

Мне завидно, ты избавлен от бесконечных, расцвеченных пустословием соболезнований, приторных утешений, сногшибательных предложений, которые ничего, кроме раздражения не вызывают. Меня обступают толпы верноподданных, требующие провозгласить Антиноя богом, упрямо настаивающие на том, что мальчик якобы принес себя в жертву Нилу и теперь следует ждать обильного разлива. Если Нил разольется, это будет бесспорное знамение, что мальчика надо обожествить.

Насчет Нила мне все равно. Я не знаю, как поступить. Пусть обожествляют? Или взять его с собой, набальзамированного, совсем, как живого, и устроить погребение в Тибуре? ⁵ (сноска:)

Как все случилось?

...ноябрьским вечером меня окликнул Мацест. Он дрожал от страха. Пришлось крепко встряхнуть его, прежде чем он признался, что Антиной взял парусную лодку и отправился в погоню за самым мерзким преступником, какие только водятся на земле. Я еще успел разглядеть парус. Я следил за ним, пока белый клочок не лег на воду. Даже тогда мое сердце оставалось спокойным. Когда же парус ушел под воду, когда пришла ночь – жуткая, безоблачная, беззвездная, безлунная, я вскрикнул.

Его искали два дня. Когда отправленные на поиски Антиноя рабы доставили его тело, я лишился чувств.

До свиданья, мой друг! До встречи в Городе. Или, может, не надо никаких встреч, иначе нам никогда не избавиться от воспоминаний.

Тогда прощай!»

Часть I

Игра теней

В сне земном мы тени, тени...
Жизнь – игра теней,
Ряд далеких отражений

---

⁵ Знаменитая вилла Адриана, развалины которой сохранились до наших дней. Теперь она называется Тиволи

Глава 1

В конце июля 138 года, когда до Сирии дошла весть о смерти императора Адриана, Антиарх рискнул выбраться из своего тайного убежища в Антиохии.

В Рим решил пробираться водным путем.

Посуху, через Киликию, Вифинию, Византий, Фракию, Македонию, Далмацию не отважился. Опасался проверок на дорогах, в городах – соглядатаев, ведь указ императора о розыске и задержании «опасного государственного преступника Сацердаты» никто не отменял.

Лучше морем... В Остии – морских воротах Рима – у него еще оставались дружки. Оттуда до Рима всего-то пара десятков миль. По хорошей дороге можно быстро проскочить.

Судно выбрал не сразу.

«Клеопатра» приглянулась ему хорошим ходом, опытным капитаном и разбойной командой, которой, по слухам, приходилось участвовать в разных переделках, так что по первому требованию римского патрульного корабля судно вряд ли остановится.

Хозяин «Клеопатры», сирийский купец, был давним приверженцем елказаитов, в секте которых Антиарх – для посвященных Епифаний, – был хорошо известен как великий наставник, не уступавший в святости – то есть, в проделывании всякого рода чудес, – самому основателю Елксею и продолжателю его дела Гегезипу.⁶

Купец предупредил Антиарха о буйном нраве капитана, при этом посоветовал подружиться с одноглазым прокуратором, или иначе боцманом, распорядившимся все этой корабельной шпаной. Купец добавил, что прокуратор одним глазом зрит дальше и глубже, чем кое-кто двумя.

– ...«Клеопатра» должна со дня на день должна отправиться в Остию, а дальше как решит Христос.

– И Дух святой, – подхватил Антиарх. – Она будет приглядывать за нами всю дорогу.⁷ Мы все прошли обряд очищения.

– Ну, с Богом, – напутствовал хозяин судна единове́рца.

* * *

Погрузились ночью, таясь всякого пристального взгляда.

---

⁶ О Елкsee, со слов Э.Ренана, известно, что однажды ему явился Христос в виде громадного ангела, ростом в тридцать две римских мили (примерно 51 км) и одарил его благословением и таинственной Книгой откровений.

⁷ В представлении членов секты елказаитов Святой Дух – женского рода и из облака сходит на Иисуса, который в качестве Христа способен переселяться из одного человеческого тела в другое.

...прошло восемь лет после гибели Антиноя, и все это время поиски Антиарха не прекращались. Адриан упорно пытался разыскать преступника, повинного в гибели своего любимца, которого, ссылаясь на организованно-бесчисленные мольбы безутешных египтян, император приказал обожествить, а на месте случившейся трагедии основать город, в котором местные жрецы обязаны были поддерживать культ «сошедшего с небес» и вновь «взятого на небеса» бога.

...теперь, после смерти «бородатого святоши», как окрестил Антиарх своего недруга, наступил его час. Хватит прятаться, менять места жительства, сторониться прежних единоверцев. Пора взяться за настоящее дело, а приступить к нему можно было только в Вечном городе, откуда он бежал после расправы, устроенной Траяном над всякого рода негодьями,⁸ в то время негласно правившими в Городе и во всей Италии.

...старик был наслышан о смертельной болезни «бородатого», резко испортившей его нрав, о жутких событиях последнего года, о кровавой охоте, открытой «поклонником законов и муз» на тайных и явных претендентов на освобождающийся престол.

Наслышан был и о Антонине.

Общее мнение сильных, как в провинции Азия, где Антонин почти четыре года царствовал в качестве проконсула, так и в Риме, было недоброжелательно к нему, – слабак, чинуша, буквоед и человеколюб. Достойный наследник «бородатого», помешавшегося на стремлении сделать подданных сегодня лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. С точки зрения Адриана ключиком к осуществлению такой нелепой идеи служило обязательное изучение философии.

...с точки зрения Антиарха, подобное снадобье являлось мало того, что бесполезным, но и греховным, свидетельствующим об окончательной утрате разума у сильного мира сего. У всякого, уверовавшего в Хри́ста или даже Христа́, эти языческие потуги, кроме отвращения, ничего не вызывали.

В любом случае варево замешивалось крутое, и Антиарху не терпелось хватить в надвигающейся неизбежной смуте свой сладкий кусок. Теперь магистратам будет не до Сацердаты, которому когда-то под руководством сенатора Аквилия Регула посчастливилось прославиться кровавыми делишками. Слава о нем и его ребятах тогда гремела по всей Италии.

* * *

Плыли ходко, ветер был попутный. Своих спутников – коротышку Викса и черного Исфаила – Антиарх почти не выпускал из каюты, как, впрочем, и Пантею, хотя этой девке он иногда давал послабления. Но при одном строжайшем условии – в разговоры не вступать, глазки членам команды не

---

⁸ Траян в начале своего царствования приказал собрать всех римских доносчиков и вымогателей и посадить их на ветхий корабль, который на буксире оттянули в открытое море. Там они должны были ждать своей участи. Божий суд не заставил себя ждать – налетела буря и галера пошла ко дну. См. М.Ишков. «Золотой рассвет. Траян», роман. Изд-ва Астрель, Вече

строить. На вопросы отвечать скромно, тихим голосом. Ответ должен звучать так – «...не знаю, спросите у хозяина».

Судно везло в Италию сирийские вина нового урожая и от скорости хода зависела цена товара, поэтому капитан никому спуску не давал. Даже потребовал от Антиарха, чтобы его люди тоже занялись делом. Помогали ставить главный парус, менять носовой и пару косых на кормовой мачте, с помощью которых «Клеопатра» могла уверенно ходить при боковом ветре.

Старик сурово напомнил капитану, что в договоре с хозяином о такой услуге не было и речи, на что капитан развязно заявил, что на судне он хозяин, так что нечего ссылаться на какие-то бумажки.

– Что случится, если я откажу тебе в этой просьбе? – поинтересовался старик.

– Это не просьба, а приказ! – грубо оборвал его капитан. – За неисполнение приказа я обычно швыряю за борт.

Антиарх засмеялся тоненьким – словно агнец проблеял – язвительным голоском.

– Ты хочешь сказать, если мы откажемся, можем и не добраться до Остии?

– Это ты сказал! – с грубоватым смешком ответил капитан.

– А не боишься, что ты тоже не сможешь добраться до Остии? – доброжелательно поинтересовался Антиарх.

– Нет, не боюсь. Море ненасытно, оно глотает все без разбору.

Антиарх решительно обнял капитана за пояс и развернул лицом к носу корабля и указал на спешащего в ту сторону члена экипажа.

– Видишь этого малого? – спросил старик.

Капитан хмыкнул.

– Еще бы. Это я послал его переменить артемон⁹

– И ты уверен, что он точно исполнит твой приказ?

– Уверен.

– Зря! – посочувствовал ему Антиарх.

Он уставился на спешащего вдоль борта матроса. В следующее мгновение парень неожиданно споткнулся и повалился на палубу.

Антиарх оттолкнул капитана, вытер руки подолом его туники и, ни слова не говоря, направился в сторону кормы, где была расположена его каюта.

Капитан неожиданно набычился и подозвал корабельного прокуратора. Тот, словно дожидаясь оклика, тут же поспешил к начальнику.

К удивлению капитана, одноглазый первым начал разговор. Он скромно предупредил.

– Не связывайся с этим вонючим старикашкой, Филон, иначе... – одноглазый не договорил и несколько раз потыкал вниз указательным пальцем, – или... – на этот раз прокуратор ребром ладони чиркнул себя по горлу.

От такой наглости капитан потерял дар речи. Лицо налилось кровью, однако ему пришлось смирить себя. Он вспомнил предупреждение хозяина, который строго-настрого приказал не ввязываться ни в какие истории, пока не доставит груз в Италию.

---

⁹ Носовой парус

– ... на обратном пути можешь порезвиться, – закончил купец. – Но только при условии, что все концы в воду. Не забывай, что ты внес залог за судно. Впрочем, я тебя всегда сумею отыскать.

Успокаивался долго... Оглядывал горизонт, хватался за поручни, требовал от матросов «шевелиться», и только остыв, направился к себе в каюту.

* * *

В Остии – морских воротах Рима – Антиарх с компанией не рискнул при свете дня покинуть судно.

Дождлся ночи.

Ушли сразу после заката.

На пристани их ждала крытая повозка, которая после того как все пассажиры влезли под выбеленный дождями балдахин, тут же тронулась.

Капитан подозвал прокуратора.

– Когда прибудем в Антиохию, можешь сообщить хозяину, что груз доставлен в целости и сохранности.

– Обязательно, – кивнул тот. – Именно в целости и сохранности. Штука в штуку. Знаешь, Филон, нам с тобой надо бы поскорее выгрузить товар и побыстрее уносить отсюда ноги.

– С чего бы это? – вновь набычился капитан.

– Не знаю. Сердце подсказывает. В Риме сейчас начнутся такие дела, что провинциалам, особенно храбрым мореходам, следует держаться от них подальше.

– Это тебе кто шепнул?

– Да уж... – неопределенно ответил одноглазый и добавил. – Говорят, новый принцепс трусоват. Утверждают, мягковат на казни, привязан к каким-то писулькам. В Азии отметил тем, что все больше хватался за увещевания. Любит прощать. Это гнилой товар, когда каждый из сильных готов примерить на себя императорский венец.

Помолчав, добавил.

– Этот старикашка не зря здесь появился...

Глава 2

Сразу после восхода солнца повозка доставила Антиарха к городским стенам. Перед Остийскими воротами, возле пирамиды Цестия, пассажиры выгрузились.

– Дальше пойдем пешком, – предупредил Антиарх и возмутился. – Да не пяльтесь вы на эту пирамиду! Здесь таких чудес навалом. Если все пойдет как задумано, сами соорудим что-нибудь сногшибательное. Храм гостеприимного Ангела, например...

Сказать легко, трудно сделать! Оторвать провинциалов, в первый раз оказавшихся в столице мира, от разглядывания высокой пирамиды, напоминающей знаменитые египетские сооружения (разве что только высотой эта достопримечательность Вечного города уступала им), было невозможно.

Пришлось Антиарху посохом подталкивать спутников. В конце концов он взял Пантею за руку, а Исфаила предупредил – «...если не перестанешь пялиться, тебе будет очень больно». Потом приказал: «...возьми за руку Вика. Присматривай за ним, а не то...»

Выглядевший малолеткой Википед, успевший побывать в Вечном городе, ехидно предложил эфиопу.

– Посадил бы меня на плечи, я бы тебе все рассказал...

Исфаил резанул его взглядом, и Википед сразу сам схватил негра за руку.

Это была необходимая мера, чтобы не потеряться, так как городские улицы плотнели на глазах.

В Риме в ту пору на сравнительно небольшой территории проживало около полутора миллионов жителей, так что скученность здесь была умопомрачительная. Сказать, что в толпе было тесно – ничего не сказать, и это при том, что все вокруг мчались, как оглашенные. Кто спешил с грузом, кто без груза, с посылками и без посылок, с солдатскими узлами за плечами и ношей на шее.

По распоряжению, изданному еще во времена Юлия Цезаря, телеги, рыдваны, брички, подвозившие товары, могли использоваться в городе только в темное время суток. В светлое время по городу разрешалось перемещаться исключительно пешим ходом или верхом. Можно было также использовать ручные паланкины, особенно если у его хозяина имелись могучие, шагавшие не глядя себе под ноги рабы. Молодцы вздымали носилки на плечи, и только попробуй оказаться у них на пути. Ударами ноги они расшвыривали зазевавшихся прохожих.

Все спешили в сторону рынков, то есть по направлению к республиканскому форуму.

Добравшись до Большого цирка¹⁰, успев нахвататься пинков, толчков и тычков, научившись давать сдачи, спутники старика, невольно притормозили.

Некоторое время приезжие провинциалы, разинув рты, разглядывали Большой цирк. С ними ничего нельзя было поделать.

Антиарх с досады плюнул.

Время поджимало.

С каждым часом ему все более становилось не по себе. Близилось позднее утро, когда из своих домов начинали выбираться представители высших сословий, которым лучше не попадаться на глаза. Дело не в возможности быть узнанным – столько лет прошло, да и трусливым Антиарх никогда не был. Не будь рядом его спутников, он даже капюшон с головы бы скинул.

Опыт переменчивой рискованной жизни подсказывал – крайне небезопасно при свете дня тащить через город всю эту обузу. Антиарх, тайно появившись в Риме, рассчитывал незамеченным раствориться на его улицах. Лечь на дно, осмотреться, найти старых друзей, а тут такие пугала, которых приходилось постоянно увещевать прибавить ход.

---

¹⁰ В древнем Риме самый обширный, длиной до 600 м, ипподром. Вместимость – 250 тысяч зрителей. Располагался в долине между холмами Авентином и Палатином. В соревнованиях на ипподроме могло одновременно принимать участие 12 колесниц.

Каждый из его спутников был по-своему примечателен. Всякая мразь на пути заинтересованно приглядывалась к высокому, чернокожему, мускулистому громиле и таинственной красотке, чьи прелести были чрезвычайно приманчивы для всего мужского поголовья Рима. Даже на Вика обращали внимание – опытные прохожие, привлеченные странным малолетством незнакомого эроменоса, не раз и не два оглядывались на него. Глаза у Вика, несмотря на облик двенадцатилетнего молокососа, были предательски блудливы и разборчивы.

Антиарх знал римлян – о физических достоинствах Исфаила, прелестях неизвестной соблазнительницы, странном малолетстве Вика, заговорят.

И будут говорить!..

Не дай Христ, какой-нибудь уличный ублюдок проследит за эфиопом и донесет местному ланисте. Хозяева гладиаторских школ люди хваткие, хороший товар они никогда не упустят. Сразу отыщут в многолюдном Риме такого статного бойца как Исфаил, самой фортуной предназначенного для боев на арене.

...Пантею могли узреть из-за шторок. В Риме хватало богатых сладострастников, которые не станут церемониться с какой-то провинциалкой. Вон как покачивает бедрами и, то и дело поправляя сбивающуюся шаль, демонстрируя аппетитное личико и не менее аппетитные груди. Стартовую закалку астартовой блудницы от пронизательного взгляда не спрячешь, а в Риме опытных сводников всегда хватало.

За компанию и Викс сойдет – вон как него глянул какой-то пристрастник мужских прелестей.

И бросить их нельзя.

Разделить тоже.

Ждать тоже нельзя.

С другой стороны, что-то подсказывало – в первый день можно рискнуть! В этом тоже была какая-то подспудная зацепка – если эти первые часы пребывания в Риме останутся незамеченными, значит, судьба на его стороне, и эта поддержка имела очень важное значение в том деле, ради которого он вернулся в Рим.

* * *

К сожалению, попытка обвести фортуны вокруг пальца дорого обошлась заядлому приверженцу непримиримых разночтений между светом и тьмой, только узнал он об этом слишком поздно.

Узнал и очень сильно пожалел.

Согласно давней договоренности, в Риме его приютил бывший подручный Витразин. После поимки банды Сацердаты Витразина продали в гладиаторы, однако парень и там сумел не только выжить, но и сколотить состояние. Витразин обзавелся собственным домом, расположенном на Квиринальском холме.

Там Антиарх и остановился.

Без особых почестей, но и без презрительного снисхождения. Однако неделю спустя, бывший гладиатор потребовал от гостей, чтобы те «убирались из его дома».

Сроку дал два дня – «и чтобы все тихо, как пришли, так и ушли».

...разговор случился под вечер. Слуга, поднявшись на антресоли, где незванным гостям были выделены две комнаты, передал распоряжение зайти к хозяину.

Антиарх сразу заподозрил неладное. Он спустился с антресолей и, миновав внутренний дворик-перистиль, вошел в покои хозяина.

Витразин, облачившись в тогу и рассматривая себя так и этак, важно прохаживался перед громадным металлическим зеркалом.

Старик опешил.

Бывший гладиатор – и в тоге!!

Витразин совсем рехнулся? Мечтает очутиться в Мамертинском Карцере за публичное оскорбление достоинства римского народа? Только свободные граждане могли облачаться в тогу, а этот кто? Вшивый раб, презренный гладиатор, сумевший выкарабкаться из смертельной игры с оружием, лицемерию которой с таким восторгом предавалась римская толпа.

Сацердате в молодости самому приходилось выступить на арене. Выжить ему помогло легионерское обучение и закалка в дакийском походе. Срезал он двух германцев и после одержанной на арене победы включил мозги. Прикинул так и этак. Сам по себе побег из расположенной в Капуе гладиаторской казармы был исключительно труден, но возможен, однако полной уверенности в будущем безопасном существовании такой исход не давал.

Помог случай...

Однажды хозяин гладиаторской школы завел с ним странный разговор. Мол, если он хочет и дальше оставаться в живых, надо будет услужить ему, Проперцию Стрибону, владельцу его жизни и смерти. И не только ему, но и некоей даме, которая очень охоча до людей, сумевших только что выскользнуть из могилы.

– ...но об этом следует помалкивать, – предупредил Проперций. – Если будешь держать язык за зубами, станешь надсмотрщиком. Еще и удовольствие получишь.

Сацердата согласился, и однажды вечером, сразу после с трудом выигранного поединка, в сопровождении двух стражей его отвели в богатый дом, где проживал один из известных в городе магистратов. Там его ждала хозяйка, перед которой он сообразил предстать этаким наивным и глуповатым простачком, восхищенным честью, которую оказала ему римская гражданка.

Сацердата не очень-то распаялся при виде женских прелестей, однако натешить хозяйку ему не составило большого труда. Когда женщина захрапела, его мысли закрутились вокруг самого важного вопроса, который не давал ему ни минуты покоя.

Как добыть свободу?

С точки зрения философов, которых в ту пору расплодилось в Риме видимо-невидимо и которых Сацердата откровенно презирал, ответ был ясен: начинать надо с самого себя. Правда, понимал он этот совет несколько иначе, чем рекомендовали бродячие «мудрецы», которые, взывая к разуму слушающих, требовали от них нравственного самоусовершенствования. Этим – укреплением добродетели – следовало заниматься каждый день, от поступка к поступку, не тратя время на *безразличное* или, что еще хуже, на *порочное*.

Как бы не так, решил Сацердата. Если уж начинать с самого себя, то для начала неплохо обзавестись деньгами, затем властью на теми, от кого он зависел.

Хотя бы над ланистой Стрибоном!..

Понятно, восхождение к достойной жизни всегда начинается с малого, но где найти это малое?

...дождавшись, когда женщина заснет, он решил обыскать хозяйские покои.

Рассчитал все точно – хозяина, местного воротилу из сословия всадников, разбогатевшего на поставках в армию, дома быть не могло, следовательно, самое время домашним рабам расслабиться. Этим он и воспользовался. Отыскав драгоценности хозяйки, взял что подороже и спрятал так, что ни при каком ощупывании их нельзя было отыскать.

Сацердата всегда отличался исключительной предусмотрительностью – его действительно обыскали, когда он еще затемно собрался покинуть этот дом.

В следующий раз, угодив хозяйке, то и дело называвшей его «мой отважный бычок», он стащил перстень. Камень, в обрамлении лавровых листьев, был очень большой и развалистый. Было очень больно, но Сацердата стерпел.

Через неделю, сумев выбрать момент, он проник в служебное помещение школы, где ему повезло добыть кое-какие важные бумаги, уличающие ланисту в обмане своих компаньонов. На следующий день, он после посещения матроны, не вернулся в казарму, а отправился в Рим. Около полудня, при дневном свете, его схватили на Аппиевой дороге, доставили в Капую, поставили перед ланистой, который обозвав его поганым и неблагодарным псом, пригрозил самой жуткой казнью, которую только мог выдумать – поединком с хищными зверями. Это было жуткое и самое худшее наказание, ведь если зверь не добьет бестиария на арене, а всего лишь вырвет ему внутренности, после излечения тому вновь придется повторить поединок.

Сацердата вздрогнул, однако, заранее подготовившись к допросу, сумел сохранить присутствие духа и объявил, что ланиста играет с огнем.

Тот, никогда не занимавшийся рукоприкладством, ударил строптивного раба так, что Сацердата на миг потерял сознание.

Но не самообладание.

Очнувшись, Сацердата предупредил – если хозяин еще раз ударит, ему очень не поздоровится. Его компаньон из местных высокопоставленных магистратов, а также супруг известной ему матроны, очень заинтересуются

некоторыми сведениями, которые касаются мошенничества при покупке живого товара, который позволил себе «уважаемый хозяин школы».

Шанс выжить был минимальный, но другого не было. Услышав эти слова, ланиста, который уже занес руку, притормозил кулак. Сацердата понял, что фортуна на его стороне.

– Что ты хочешь этим сказать, негодяй?!

– Если ударишь еще раз, сам выйдешь на арену. Городской прокуратор и твой компаньон будут извещены, как ты, уважаемый хозяин, обвел их вокруг пальца с последней и предыдущими сделками.

Проперций Стрибон отвел кулак.

– ... но и это полбеды. Твоего компаньона также известят, что его почтенная супруга, изменившая ему с презренным гладиатором, расплачивалась с рабом самым постыдным образом – драгоценностями, которые покупал ей муж.

Эта угроза заставило Проперция задуматься.

Появление матроны, которая, обнаружив пропажу драгоценностей, бросилась к ланисте за помощью, окончательно привело его в чувство.

Какой скандал она закатила, Сацердата не знал, но догадался по резко помягшему тону хозяина школы... будто бы он, презренный негодяй, предварительно прощен и будет назначен надсмотрщиком. Сацердата знал, что верить этим словам нельзя. Не убьют на арене, зарежут ночью.

Конец один...

Он отказался от должности надсмотрщика и потребовал выпустить его на свободу, чего в принципе не могло быть. Рабов в Риме освобождали в редчайших случаях, когда, например, хозяин публично отказался от находящегося при смерти раба, а тот возьми и выживи. Чаще переводили в вольноотпущенники, а положение этого сорта римлян тоже было очень далеко от полноценного гражданства.

Проперций Стрибон так и спросил Сацердату – соображает ли он, что говорит?

Тот ответил – соображаю.

– Я сбегу из школы, а ты два месяца не будешь подавать на меня в розыск. Все остальное я беру на себя. Если через два месяца твои люди прирежут меня, значит, я проиграл.

– Побег в обмен на бумаги?

– Да, хозяин.

– А драгоценности?

– Драгоценности останутся у меня в качестве залога. Матрона все равно никогда не признается в их утрате. Я же, попавшись в руки городского эдила, скажу, что это плата за удовольствия. Ее супруг не станет раздувать дело, причем не важно – поверит он или нет.

Через неделю, уже простившись с жизнью и моля о легкой смерти, Сацердата получил ответ.

Ланиста заявил, что согласен. «Бежать ...ты, презренный, сможешь через неделю. Тебя месяц не будут разыскивать».

Сацердата поклонился – в первый и последний раз в жизни – и бежал на следующий день.

Пристроился в Риме, нашел покровителя в лице сенатора Аквилія Регула, открыл мастерскую по изготовлению надгробных памятников и в первый раз вздохнул с облегчением. Исполняя тайные поручения сенатора, вволю насмотрелся на нравы сильных в Риме. Убив сенатора Красса и доставив его голову Регулу, Сацердата с нескрываемым изумлением наблюдал, как обрадованный сенатор вцепился зубами в ухо отделенной от туловища головы.

После этого, тайно пробравшись в Капую с поделщиками, он лично зарезал Проперция Стрибона. Дела Сацердаты сразу пошли в гору. Правда, после убийства в доме Проперция казнили каждого десятого раба.

* * *

Теперь его ожидал тяжелый разговор с одуревшим от славы и денег Витразином, с презренным рабом, который посмел напялить на себя тогу.

Для начала Антиарх по привычке схватился за голову – как ты жесток и безжалостен, Витразин! Ты забыл оказанные тебе благодеяния. Ты гонишь меня на улицу или даже на смерть...

И тому подобную чепуху, на которую Витразин, очень даже неглупый человек, все-таки клюнул. Начал оправдываться и валить вину на самого гостя, который оказался настолько беспечен, что позволил себе открыто разгуливать по Риму, чем навлек на себя внимание высших властей.

Далее Витразин заговорил грубее и громче.

– ...тебя видели возле Колизеума. Твои люди пилились на Колоса. На них обращали внимание. Кто-то узнал тебя. Он тут же побежал к префекту города и донес. Теперь ожидает награду, ведь за твою голову назначена щедрая награда, не так ли? Я помню твои благодеяния. Я приютил тебя, но ты был неосторожен, и я требую, чтобы этой же ночью ты и твои люди покинули мой дом.

– Куда я пойду, Витразин? – дрожащим голосом спросил Антиарх. – Где найду приют?

– Тебе решать, – огрызнулся Витразин. – И не путай меня в свои скверные делишки!

– Ты плохо думаешь обо мне, Витразин, – простонал старик. – Зачем я буду путать тебя в свои скверные делишки, если ты увяз в них по самое горло.

– Кто? Я?.. – возмутился гладиатор, потом воскликнул. – Я так и знал, что попрекнешь меня прошлым! Так знай, я прощен. Меня записали в вольноотпущенники и наградили почетным деревянным мечом.

– Прощен? Я не ослышался? Прошлое, как тень, оно всегда с тобой. Прошлое ходит за тобой след в след. Стоит взойти солнцу, как оно тут же подскажет, кто ты есть, и никакое прощение, никакие восторги публики и наградные деревянные мечи не спасут тебя от тех, чьих родственников ты отправил в Аид. Кто принимал участие в убийстве сенатора Цинны? Кто нанес ему смертельный удар мечом в горло? Я понимаю, ты таким образом тренировался в нанесении окончательного разящего удара, но у Цинны много родни. Они вряд ли забыли о злодейском убийстве своего патрона.

Витразин сразу сбавил тон.

– Это было давно и неправда. Ты ничего не сможешь доказать. Все твои дружки давным-давно в могиле, – он сделал паузу и предложил. – Хорошо, я готов подождать несколько дней, но за это ты должен написать дарственную на твоих рабов.

– На твое имя? – поинтересовался Антиарх.

– Да.

– Вот это другой разговор, – старик потер руки. – Вот это по-нашему, по братски. Ты ловко рассудил, Витразин. Исфаила ты продашь в гладиаторы. Он потянет на очень приличную сумму. Пантею сбagriшь в бордель – прости, в лупанарий – или предложишь кому-нибудь из преемников Уммия Квадрата, у которого, помнится, на каждой вилле проживало по десятку наложниц. Викса тоже куда-нибудь пристроишь. В эроменосы, например... Только все твои расчеты подобны убегающей сквозь пальцы воде. Ты, наверное, забыл, с кем имеешь дело. Эти люди и не люди вовсе, а тени людей, им лишит тебя жизни, что раз плюнуть.

– Если отказываешься, тогда этой же ночью покинь мой дом! – настоятельно потребовал Витразин.

– Обязательно покину, но не завтра, а когда ты подберешь мне убежище. И покинем мы вчетвером, и сопровождать, а также охранять нас, будут твои люди. Если проявишь строптивость, тогда не миновать беды. Я не хочу пугать тебя, Витразин, но в этом случае тебе не миновать встречи с городским префектом. Или, что еще хуже, ты можешь оказаться в руках таинственных существ, которые появляются из тени...

Витразин не ответил. Принялся пилкой подтачивать ногти, потом тихо выговорил.

– Я знаю тебя, Сацердата. Ты слов на ветер не бросаешь. Однако и мне рисковать ни к чему. И ради чего? Ради какого-то случайного знакомства? Ты на что рассчитывал, старик? Отыскать в городе еще одного Регула и предложить ему свои услуги? К сожалению, ты ошибся. С воцарением Траяна у нас в Риме наступила эра милосердия. Доносы, а также кровавые заказы, не принимаются. Но эту оказию еще можно было бы пережить. Куда хуже пошли дела при Адриане. Этот сумел согнуть в бараний рог самых отъявленных своевольцев. Теперь пришел черед Антонина, о котором говорят, что этот зануда – буквально язва благоразумия, воплощенная добродетель. Я лично в это не верю, но мало ли... Конечно, Регулов в Риме всегда хватало, однако вряд ли они станут рисковать, обращаясь за помощью к государственному преступнику во время смены власти.

– Ты прав при свете дня и не прав во мраке ночи, – возразил Антиарх. – Я вовсе не рассчитываю на опеку какого-нибудь отъявленного патриция. Мне не нужна опека, я не в том возрасте.

– Но отказываясь стать чьим-нибудь клиентом, тебе в Риме не выжить.

– И в этом ты прав. Хорошо, я уйду завтра. В свое время... После заката. Поэтому, если ты так спешишь, успевай до вечера подобрать нам убежище, куда нас проводит твой человек.

– Что я буду за это иметь?

– Ты сможешь мне в одном очень важном деле. Ты слыхал о Аквиллии Регуле Люпуссиане?

Витразин едва не задохнулся от гнева, даже выронил пилочку для ногтей.

– Кто же не слышал о мерзком вольноотпущеннике, завладевшим стомиллионным состоянием Регула!

– Вот им и надо заняться.

– Ты в своем уме, старый интриган?!

– Не только в своем, но и в твоём, Витразин. Я вижу тебя насквозь, тебе очень не по нраву положение вольноотпущенника. Тебе никогда не сиделось на том месте, которое было определено тебе судьбой. Всем известно, что в Риме путь на выбранные должности вольноотпущеннику заказан. Ты давно метишь в свободнорожденные граждане, чтобы взобраться куда-нибудь повыше – в городские эдилы, например, а то и в квесторы, не так ли?

Витразин промолчал. Он поднял пилочку и снова принялся подравнивать ногти.

Антиарх продолжил.

– Но для такого кульбита нужны деньги, дерзость и поддержка сильных, а у тебя в подручных исключительно дамы, пусть даже из самых знатных, с помощью которых ты выбился в вольноотпущенники. Но главное, деньги. На своих подрядах по доставке хлеба их не наживешь. И в пожарной команде ты никогда не сможешь стать членом коллегии «ночных триумвиров».¹¹ Самое большее, что тебе светит, это дослужиться до советника. Женщины в этом деле тоже не помощницы, разве что ты сможешь окрутить императрицу...

Антиарх рассмеялся и похлопал Витразина по плечу.

– Ты всегда умел и готов был рискнуть. Считай, что тебе повезло и на этот раз.

– Тем что встретил тебя, Сацердата? – Витразин смерил гостя презрительным взглядом, потом неожиданно спросил. – Что хочешь от меня?

– Во-первых, разузнать все об этом негодяе. Во-вторых, донести префекту города, что Сацердата был у тебя, но ты как верный подданный выпроводил его из дома и где он сейчас даже не догадываешься.

Витразин удивленно посмотрел на старика.

– В тебе ни на каплю не ubyло коварства, Сацердата. Ты по-прежнему в хорошей форме. Ты требуешь от меня, чтобы я по собственной воле сунул голову в петлю?

Сацердата засмеялся, словно проблеял.

– Жизнь подходит к концу, а еще столько не сделано. Что преступного в том, чтобы разузнать кое-что о кое о ком?

– Какова будет моя доля?

– У тебя будет хорошая доля, но главное – в случае успеха ты сможешь на полном основании примерить гражданскую тогу, как бы фантастично это не звучало.

Витразин кивнул.

– По рукам.

---

¹¹ В Риме существовала коллегия «ночных триумвиров» (triumviri nocturni), главной обязанностью которых было следить в ночное время за порядком в городе и совершать ночные обходы по Риму. Тушение пожаров также входило в их обязанности, для чего в их распоряжении находились когорты государственных рабов-вигилов, которую они расставляли отрядами по 20–30 человек в разных местах; снабжены они были орудиями, необходимыми для тушения пожаров.

Глава 3

Два последних года, во время которых Адриан безуспешно боролся с болезнями, город прожил в тревожном ожидании роковых последствий смены власти.

Такое в Риме уже случалось – после убийства Цезаря, после гибели Калигулы и Нерона, когда в гражданских войнах погибло больше граждан, чем на полях сражений с иноземцами.

Прежняя безмятежная уверенность в том, что «приверженец философии и отъявленный законник» сумеет обуздать склочные свойства своей природы – мелочность, злопамятность, изматывающий всех приближенных к власти педантизм, – развеялась, когда в 136 году Адриан неожиданно объявил о назначении Луция Цейония Комода своим наследником. Неужели любовные утехы, которые Луций предоставлял императору или умение готовить знаменитый «тетрафармакон»¹² заставило далеко неглупого Адриана обещать Луцию императорский венок?

Император мотивировал свое решение тем, что когда-то дал слово привлечь Луция Цейония к управлению страной. Более странной причины для усыновления трудно было придумать.

Сначала никто в Риме не воспринял эту новость как скрытую угрозу, тем более, что по случаю усыновления была произведена раздача народу и воинам трехсот миллионов сестерциев, устроены цирковые игры – одним словом, было не упущено ничего, что могло бы поднять общее веселье. Даже слабое здоровье будущего принцепса – к моменту объявления цезарем он и вовсе выглядел как доходяга – не сразу подорвало веру в надежность этого выбора для блага империи.

Первым звонком приближавшейся смуты прозвучало раскаяние императора, признавшегося тогдашнему префекту претория Катилию Юлию Северу – «...мы оперлись на довольно шаткую стену, которая не то что государство, но даже нас с трудом может поддерживать».

Префект разгласил эти слова, и, хотя Адриан, желая смягчить жестокость своих слов, сменил префекта, беспокойство в городе резко усилилось.

Родственники императора, а также некоторые проникательные патриции уже не могли не обращать внимание на то, что Адриан все чаще впадал в болезненную меланхолию, усиленную приступами преследующих его болезней.

К сожалению, так бывает, что «проницательность», «старческая» мудрость и «близость ко двору» никак не связаны с расчетливым, умеющим обуздывать телесные страсти разумом, что спустя полгода подтвердила расправа над императорским шурином Юлием Урсом Сервианом.

Того будто с цепи спустили!..

Девяностолетний старик зачем-то устроил роскошный обед царским рабам и, что еще страшнее, несколько раз его заставляли сидящим в развалку на императорском кресле. Внук Сервиана Гней Педаний Фуск, тоже видно

---

¹² Блюдо, напоминающее паштет и вошедшее в обиход Адриана, состоящее из свиного вымени, фазана, павлина, запеченного окорока и кабаньего мяса.

не от большого ума, публично объявил о знаменьях и оракулах, предсказывающих ему императорскую власть.

Адриан в припадке ярости принудил старика покончить с собой, а Фуска велел предать казни.

* * *

В январе 138 года Луций Цейоний Комод умер. Пришлось императору вновь выбирать наследника.

Спустя месяц было объявлено о усыновлении – а значит, и признании наследником – пятидесятидвухлетнего сенатора Тита Аврелия Бойония Фульва Антонина.

Весть о том, что, усыновляя Тита Антонина, Адриан потребовал от сенатора также усыновить своего внучатого племянника Марка Аврелия и девятилетнего сына Луция Вера – тоже Луция Вера, – в городе сочли либо насмешкой, либо прямым свидетельством того, что «бородатый» окончательно спятил.

Казалось, преждевременная кончина Луция должна была просветить мозги «бородатому». Риму требовался твердый в намерениях и отважный на поле брани преемник.

А он кого выбрал?!

Рохлю и домоседа Антонина, который отличался от других претендентов разве что скромностью в желаниях. О нем в сенате даже стишки ходили – «наш Антонин более похож на кота», чьими забавами являются «еда, еда и изредка кошки». Что еще невероятней, в добавок к Антонину Адриан привлек к управлению страной двух молокососов. Причем оба – особенно старший, семнадцатилетний Марк Аврелий – были известны как страстные поклонники греческой философии.

Тита Антонина, Марка Аврелия и Луция Вера в Риме в насмешку сразу прозвали «наши очередные триумвиры», намекая на прежние властные конструкции, ввергнувшие Рим в братоубийственные гражданские войны, от которых Италия пострадала не менее, чем от вторжения галлов и Ганнибала. По мнению римлян, особенно из старинных патрицианских родов, Адриан отдал Марка и Луция на заклятие, так как ради сохранения власти Антонин непременно должен погубить их обоих. Если, конечно, не будет мямлей и в срочном порядке изобретет какой-нибудь заговор против собственной власти.

Если проямлит, его устранил подросток Марк Аврелий, какими бы достойными добродетелями на наградила его природа.

* * *

Марк Аврелий обратил на себя внимание Адриана малолетним ребенком. Однажды его дед Анний Вер взял мальчика с собой на императорскую виллу в Тибур.

Адриан приставил к Марку раба, который должен был познакомить внучатого племянника с рукотворными и нерукотворными чудесами,

собранными на вилле, а сам вместе с гостями – Аннием Веером и Титом Антонином – отправился в личные покои поговорить о делах.

Императорскую дачу в Тибуре называли восьмым чудом света, а еще сокровищницей, где можно было воочию увидеть пусть и уменьшенные, но очень впечатляющие копии египетских пирамид, фессалийские Темпы¹³, родосский Колосс и алтарь Зевса, что в Пергаме. Здесь также были построены Лабиринт и подземное царство – владение мрачного Аида, а также воссоздана часть дворца царя Вавилона Навуходоносора. Место было священное, историческое – в этом парадном зале на открытом воздухе четыре века назад был установлен помост, на котором покоилось тело умершего от простуды Александра Македонского, и вся армия, воин за воином, прошла мимо умирающего полководца.

На противоположной стене парадного зала была выложена знаменитая мозаика, изображавшая переломный момент битвы на Иссе, когда Александр лично возглавил атаку своей тяжелой конницы, сокрушившей орды персов. Исполинское изображение занимало всю стену.

Мозаика была громадна, и, чтобы разом охватить ее взглядом, маленький Марк начал пятиться, пока не уперся в какое-то препятствие. Он поднажал, и в следующее мгновение мельком приметил прекрасную вазу из молочно-белого, просвечивающего алебастра, грациозно и замедленно падающую на каменные плиты.

В следующее мгновение молодой, изящного телосложения раб бросился собирать осколки. На сына римского патриция, неуверенно отступившего в тень, он старался не смотреть.

... у мальчишки дыхание перехватило, когда на двор в сопровождении своего секретаря Целера, дедушки Анния Вера и сенатора Тита Антонина вошел император.

Адриан не спеша подошел к рабу. Тот замер, головы не поднял.

– Зачем ты тронул ее? – ласково спросил император. – Разве ты не знаешь, что в одиночку здесь ни к чему нельзя прикасаться. Ты будешь наказан.

– Господин... – не поднимая головы, судорожно выдохнул раб.

– Говори, – кивнул император, – если тебе есть что сказать в свое оправдание.

– Господин... – с той же тоской повторил раб.

– Целер, займись, – коротко распорядился Адриан и большим пальцем правой руки ткнул в землю, затем обратился к Аннию Веру. – Где же твой внук, Анний?

Марк вышел из тени, поспешно приблизился и неожиданно бурно разрыдался.

Взрослые с любопытством, а Адриан с некоторой брезгливостью, смотрели на него. Зрелище скривившего губы, роняющего слезы мальчишки трудно было назвать прекрасным.

– Повелитель, – торопливо, пытаясь совладать с голосом, заявил Марк, – раб не виноват. Это я разбил вазу.

---

¹³ Одна из самых живописных горных долин, находившаяся в Фессалии, в Греции.

Брезгливость на лице Адриана сменилась удивлением. Также поспешая, Марк добавил.

– Повелитель, ты обязан пощадить его, – мальчик ткнул пальцем в поднявшего голову раба и добавил. – И наказать меня, как того требует закон.

Марк большим пальцем правой руки потыкал в каменные плиты, которыми был выложен двор.

Адриан оглушительно расхохотался. Его поддержал Целер и Антонин, даже дед, до той поры оторопело следивший за внуком, выдавил улыбку. Император присел на корточки, взял мальчика за плечо.

– Во-первых, племянник, повелитель никому и ничем не обязан, – объяснил он. – Во-вторых, императору не к лицу выносить поспешные решения. Прежде всего, ему необходимо научиться докапываться до истины – это его первейшая обязанность. Если в расследовании проступка обнаружился новые обстоятельства, принцепс имеет право взять свое слово назад. Посему я прощаю тебя.

Адриан с некоторым усилием выпрямился, осмелевший Марк глянул на него.

– Когда станешь правителем, – усмехнулся император, – вспомни, что первый урок, как следует властвовать, преподал тебе сам Адриан.

– Но я не хочу быть правителем. Я люблю играть в мяч, люблю смотреть, как дерутся перепела.

Адриан пожал плечами.

– Быть или не быть правителем, сие от нас не зависит. Задумайся, племянник, каково мне было стать императором после божественного Траяна? Что касается перепелов? – император поиграл бровями. – Это пустое...

После встречи на вилле о Марке заговорили. Адриан назвал его не Вер, но «вериссим»¹⁴, и среди римлян покатила шутка: «В такие годы, а уже вериссим! Что же с ним дальше будет?»

Кое-кто из проникательных остроумцев добавлял при этом: «А с нами?»

* * *

Вспоминая этот случай, в Риме задавались вопросом – когда Марк повзрослеет, удовлетворится ли он изучением философии или для начала попробует проверить преподаваемую Адрианом науку на практике и заодно покончить с Титом? А вслед подрастал еще Луций Вер, чей дед Цейоний никогда не скрывал своих претензий на императорскую власть. Кто мог заранее подсказать, какой философией воспользуется его внук в этом не поддающемся трезвому расчету, властном раскладе?

Эти ожидания подкреплялись жуткими знаменьями, грянувшими в начале года и обещавшими городу ужасы и чувства, более сильные, нежели ужас. На земле для них не было наименования.

Сразу после кончины Адриана сиявшая на ясном небе луна начала меркнуть. На следующей неделе на Капитолий сели зловещие птицы. Во

---

¹⁴ Здесь игра слов. На латинском «вер» означает правдивый, «вериссим» – превосходная степень.

время землетрясения от следовавших друг за другом толчков обрушились дома, а в Капуе родился ребенок со звериными членами. В Кампании свинья произвела поросенка с ястребиными когтями.

Все – и воля богов, и «безумие» умершего императора – подсказывало, что ясное и спокойное Траяново время подходит к концу. Пророчицы в Риме открыто предрекали – ждите беды. Она обязательно нагрянет.

Чем эти отважные триумвиры – «добряк и два внука» – собираются отвадить тьму?

Заклинаниями?

Убежденностью, что свет всегда разгоняет мрак? Но это когда будет, а пока день меркнет, приближаются сумерки, наползают тени...

Мертвый груз будущего придавил город. Смертные затаились в ожидании – долго ли продержится Антонин со своими приемышами? Спасаясь, твердили – «живи, резвись и радуйся, люби и будь любимым...»* (сноска: Вот как невыразимо сладостно звучит эта строка на латинском – *vivis, ludis, haves, amas, amaris*). Другие подхватывали – «...бани, вино и любовь разрушают вконец наше тело, но и жизнь создают бани, вино и любовь...»

Глава 4

10 июля 138 года в Байях¹⁵ скончался Адриан. Его похоронили в мавзолее, который он заранее возвел на правом берегу Тибра.¹⁶

Первый бой римская знать дала новоиспеченному принцепсу, когда тот обратился в сенат с просьбой о обожествлении Адриана.

В своей речи Антонин указал на непреходящее значение реформ скончавшегося императора для успокоения и долговременного обустройства Вечного города.

– ...так назвал Рим божественный Адриан, – добавил Антонин и продолжил. – Должны ли мы, отцы-сенаторы, забывать, что разбирая судебные дела, он привлекал не только друзей и приближенных, но и знатоков права, и только тех кого одобрил сенат.

Адриан не допускал процессов об оскорблении величества, чем «прославились» такие тираны как Нерон и Домициан. Он не принимал наследств от незнакомых ему людей, равно как и от знакомых, если у них были дети.

Неужели эти осененные законом благодеяния должны быть преданы забвению, а ведь отказ в обожествлении – то есть в признании самого Адриана в принадлежности отечественным богам, – означает отказ в признании вынесенных им решений.

Вспомним, что именно Адриан запретил господам убивать рабов, и по его эдикту только судьи получили полномочия выносить приговор, если рабы того заслужили. Он запретил продавать без объяснения причин раба или служанку своднику или содержателю гладиаторской школы, чем

¹⁵ Приморский город в провинции Кампания, на берегу Неаполитанского залива. Благодаря живописному местоположению, плодородию окрестностей и минеральным источникам любимое местопребывание древнеримской аристократии.

¹⁶ В новое время это сооружение стали называть замком Святого Ангела.

облагодетельствовал миллионы несчастных, которые в противном случае копили бы ненависть и злобу против Рима.

Вспомним, что злостных расточителей своего имущества, если они были правоспособны, он приказывал сечь в амфитеатре, а затем отпускать. Он упразднил тюрьмы, в которых содержались рабы и свободные люди, выловленные на дорогах и назначенные к работе.

Не забывайте, что согласно его предписанию, если господин был убит у себя в доме, следствие производилось не обо всех рабах, а только о тех, которые, находясь поблизости, могли услышать.

Он разделил бани на мужские и женские отделения.

В зале раздались негодующие возгласы:

– Эта мера – грубейшее святотатство! Покушение на установления предков!.. Бессмысленная и поспешная забота о нравах нередко приводит к обратному результату...

Антонин ткнул пальцем в особенно разволновавшегося сенатора Валерия Деция Гомула.

– Тогда почему ты, Гомул, запрещаешь женщинам своего дома посещать общественные бани?

– Кто? Я?? – возмутился седовласый, знаменитый огромным выступающим словно руль носом, сенатор. – Я всегда с достоинством следовал обычаям и почтительно исполнял законам Рима. Я всегда выступал против тирании и приверженности к гнусным и своевольным поступкам некоторых, непонятно как пробравшихся к власти злодеев, таких как Нерон или Калигула.

Он помедлил немного, обернулся, оглядел зал и под одобрительные возгласы большинства сенаторов произнес недопустимые слова.

– ...или Адриан!

Антонин поднял вперед.

В зале примолкли.

– Насколько я помню, именно ты, Гомул, внес предложение о назначении Адриана принцепсом.

– Когда это было?! Этого не было!.. – взвизгнул Гомул.

– Это было после выступления Ларция Лонга, префекта конницы, который принес клятву в том, что он лично слышал, как великий Траян признал Адриана своим сыном и передал ему перстень и жезл.

Гомул покраснел, однако Антонин более не позволил известному горлопану надирать глотку.

– Если ты будешь настаивать, я прикажу поднять анналы и зачитать публично твое выступление.

Гомул сел.

Цивика, дядя 9-летнего Луция Вера, один из самых уважаемых сенаторов, выдвинул предложение отложить дебаты. Перенести их, например, на завтра, чтобы в спокойном состоянии, без личных обид и ненужных в таком деле страстей решить этот вопрос. Его поддержал старый, но еще крепкий, бывший префект города и воспитатель умершего императора Публий Ацилий Аттиан. Ему всегда хватало выдержки и умения дожидаться своего часа.

Он подал голос в самый опасный момент, когда Антонин, срезав Гомула, мог склонить большую часть сенаторов поддержать его требование провозгласить умершего императора «божественным». С этим, по мнению Аттиана и его тайных соратников, ни в коем случае нельзя было соглашаться, тем более так поспешно.

Его поддержал Теренций Генциан и Платорий Непот.

Новый принцепс не стал спорить и утвердил решение большинства.

* * *

Вечером, на тайной встрече сенаторов, возмущенных выбором «свихнувшегося» Адриана, один из главных недругов царствующей семьи Элиев, Цивика Барбар выразил сомнение в искренности такого легкого согласия Антонина.

Не задумал ли новый принцепс какое-нибудь злодейство?

Валерий Гомул вскочил, потребовал слова...

Он заготовил разгромную речь-инвективу против новоявленного «правителя», однако воспитатель Адриана Публий Ацилий Аттиан жестом заставил Гомула вернуться на место. Дряхлеющий, но не потерявший ясности мысли и завидного здоровья сенатор выразился в том смысле, что «человек, у которого под рукой тридцать легионов, может не спешить».

Гомул растерялся, нахмурился и сел. Не такого отношения он ожидал от своих соратников, тем более от старейшины, посмеявшегося так грубо и оскорбительно прервать его обличительную речь, к которой он так долго готовился. Гомулу очень хотелось заострить понравившийся ему тезис, что власть в руках слабого, испорченного философскими бреднями человеколюба и, главное, не пользующегося авторитетом принцепса, представляет серьезную угрозу для государства. Ему искренне верилось, что он нашел достойный выход из создавшегося положения, в котором с одной стороны стоял ничем не примечательный, почтенный служака и домосед Антонин, а с другой – куда более хваткие, понюхавшие крови в битвах и в борьбе с внутренними врагами магистраты и государственные деятели.

Он к этому вел, а его грубо и беззастенчиво осадили.

И кто?

Человек, который в бытность префектом города лично отдал приказ о убийстве четырех полководцев.

О, времена, о нравы! Об это тоже нестерпимо хотелось поговорить...

Впрочем ни Ацилий Аттиан, ни другие гости даже внимания не обратили на обиду известного сенатора-краснобая. Все присутствующие знали цену его капризам, среди которых особо выделялось любовь к распусканию гнусных и отравленных сплетен. Именно Гомул пустил слух, что умершая в 137 году супруга Адриана была якобы отравлена по приказу императора. Известна также была его трусоватость, проявленная им в те трагические дни, когда казнили четырех полководцев Траяна. Он тогда первым убежал в кусты.

– Беда, Гомул, не в том – объяснил свой поступок Ацилий Аттиан, – что Тит так быстро согласился отложить рассмотрение дела по существу, а в

том, что мы действуем по зову мелких страстей, каждый сам по себе. В первую очередь это касается тебя, Деций, в который раз поддавшемуся неуместному и несвоевременному словоизвержению! Тем самым мы даем возможность Антонину навязать нам свою волю и, что еще хуже, продолжить капитулянтскую политику своего предшественника. Разве смешанное или раздельное посещение бань грозит Риму какой-нибудь серьезной опасностью?

Смертельная угроза в том, что бородатый поклонник греков, провозглашая равенство провинций, все эти годы упрямо вел дело к тому, чтобы всех подданных великого Рима объявить равноправными гражданами, а это означает начало конца того наследия, которое завещали нам предки и за которое с такой страстью боролся Траян.

Дело не в слабости или человеколюбии Тита Антонина. Кто из нас стал бы протестовать против отмены отживших законов или против признания за провинциями определенных прав – например, по управлению местными бюджетами, но только после того, как новая власть потребует подтверждения лояльности от всех, кто населяет империю, кто пребывает в ней в любом качестве и будет готов выплатить полновесную дань Риму. Я допускаю, что Антонину, возможно, просто не хватает опыта, умения по-новому взглянуть на проблему. Мы должны помочь ему тщательно разобраться в этом вопросе. Если он откажется, надо навязать ему свою волю. И только если он останется глух к требованиям сената, можно будет принять самые решительные меры...

После паузы, которую он сделал, чтобы все присутствующие на встрече сенаторы осознали, на что они покушаются, закончил.

– Я достоверно знаю, что Адриан потребовал от Тита Антонина перед смертью. Наша задача – любой ценой остановить его от исполнения клятвы, которую он дал прежнему принцепсу. Нельзя допустить дальнейшего разрушения государства.

Цивика Барбар спросил.

– Как же добиться этого?

Бывший префект вздохнул.

– Надо, чтобы сенат большинством вынес постановление, предающее прежнему принцепса *проклятию памяти*.

Наступила тишина.

Проклятие памятью означало вычеркивание имени прежнему императора из анналов, снос всех его скульптурных изображений, а также отмену его постановлений. Более того, в случае принятия этого решения сенат ставил под сомнение законность власти Антонина, что можно было использовать для смещения недостойного императора домоседа.

Каждый из присутствующих ясно осознал, что согласиться с предложением Аттиана означает переступить черту, отделяющую обсуждение от заговора.

Это был шаг в бездну, из которой тенями выступали мятеж, гражданская война, столкновение честолюбий, кровь и пепел.

Первым после долгих размышлений поддержал бывшего префекта хозяин дома, Катилий Север. Затем почти хором к нему присоединились все присутствующие.

Даже Гомул повеселел. Он обратился с вопросом к присутствующим.

– Но тогда нам необходимо договориться, кто возглавит... э-э... оппозицию.

Выговорить слово «заговор», не решился. Никто также не отважился поправить его. Каждый их собравшихся в доме Катилия сенаторов понимал, что они играют с огнем, и это внушало страх. Кроме страха, была в этой оттяжке решения и липкая струйка лицемерия. Каждый из присутствующих втайне считал себя вполне достойным будущего императора, однако выговорить это вслух никто не отважился.

Тот же Катилий Север в качестве высшего магистрата и как воспитатель новоявленного цезаря Марка Аврелия, имел куда больше прав на августов жезл, чем любой из присутствующих.

Или пользующийся незыблемым авторитетом Ацилий Аттиан, который ясно понимал, что набежавшие годы оставляют ему все меньше шансов на верховную власть. Однако он первый призвал «друзей» не спешить с выдвижением центральной фигуры, которая бы возглавила бы заговор и передать власть которой следует принудить сенат.

Более того, Аттиан внезапно дал задний ход и даже посоветовал не торопиться с «окончательным решением» и попытаться договориться с Антонином, причем действовать предложил решительно и доброжелательно.

– С обожествлением Адриана, – заявил он, – придется согласиться, но за это потребовать достойную цену. Прежде всего, добиться согласия Тита на восстановление в полном объеме прав сената в решении государственных вопросов. Далее, возвращение Катилия Севера на должность городского префекта. Также прощение и возвращение гражданских прав Квинту Марцию Турбону...

– Чем теперь поможешь Турбону, казненному проклятым Адрианом?! – воскликнул Гомул.

– Турбону действительно ничем не поможешь, – согласился Аттиан. – Однако Турбон даже после своей гибели, может помочь нам. Главное, под угрозой *проклятия памятью* заставить Антонина сделать шаг назад. Тогда будет легче потребовать отказа от дальнейшего скатывания к плебейскому беспределу, отмене так называемых законов, требующих соблюдения справедливости в отношении рабов, вольноотпущенников и прочей школяты, толпящейся на улицах Рима. Принцип – хлеба и зрелищ – не следует обставлять никакими заранее вынесенными юридическими уловками, до которых был так охоч мой воспитанник и его нынешний преемник.

Если же Антонин откажется, тогда можно будет прибегнуть к окончательному решению.

* * *

Когда все разошлись, Аттиан, оставшись наедине с Катилием Севером, неожиданно поинтересовался у хозяина дома.

– Что ты слышал о Сацердате?

Катилий не мог скрыть недоумения и ответил в том смысле, что ему известно о существовании эдикта, объявлявшего разбойника с таким

именем вне закона, а также о безуспешных попытках отыскать его в восточных и африканских провинциях.

Потом поинтересовался.

– При чем здесь какой-то разбойник?

Аттиан усмехнулся.

– Верный человек поклялся, что собственными глазами видел Сацердату в городе в компании с каким-то великаном из эфиопов, сладострастной красоткой и пацаном с прожженными до негодяйства глазами.

– И что? – озадаченно переспросил Катилий.

– А то, что тебе должно быть невдомек, что именно Сацердата убрал с нашего пути этого мерзкого мальчишку Антиноя. Вспомни наш гнев и возмущение, которые мы испытали, когда до нас дошли правдоподобные вести, будто свихнувшийся на поклонении музам и философии Адриан возмечтал возвести его в цезари. Не тебе объяснять, чем это грозило нашему Городу. Насколько я помню, мы тогда нашли общий язык – такая передача престола грозила Риму и нам всеми мысленными и немислимыми бедствиями. Вообрази себе принцепса из греков, да еще незаконного происхождения? Мать его насколько мне известно, служила храмовой шлюхой в святилище Астарты.

Что тогда, Катилий, началось бы в городе? Незатейливая мыслишка – если это можно Антиною, почему нельзя мне, – могла бы прийти в голову всякому негодяю. Всякому смердящему галлу, грязному сирийцу, чернокожему мавританцу, бородатому бритту, напялившему штаны германцу. Рим еще ни разу не переживал такую смуту.

– Я помню наш разговор на эту тему, – с угрюмым видом согласился Катилий, – однако не вижу повода для беспокойства. Государство стоит как никогда прочно, в чем безусловно есть и заслуга Адриана, и никакой гречишка нам не угрожает. Нам угрожают расхлябанность, своеобразие, желание отличиться, не имея на то никаких законных оснований. Одним словом, взрыв страстей и вседозволенности...

– И я о том же, – согласился заметно полысевший старик. – Но для укрепления государства не плохо бы организовать в Риме что-то подобное легкой незатейливой смуте. В конце концов цель оправдывает средства. Конечно, нельзя доводить дело до крайностей...

Если ты помнишь наш давнишний разговор, мы пришли к единодушному выводу, только мы с тобой способны выполнить эту задачу, а для этого нам потребуются такие люди как Сацердата. При его грехах от него можно отделаться в любую минуту. Насколько мне известно, он не только сумел пробраться в Рим, но и ухитрился сплотить вокруг себя какую-то странную и опасную секту. Говорят, ее члены умеют превращаться в тени и наводить панику на каждого, кто посмеет встать у них на пути. Может, стоит приглядеться к Сацердате? Этот бешеный пес на многое способен. Надо заставить его послужить великому Риму! Или мы зря прожили наши жизни, Катилий?

– Если «добряк» примет наши условия, и я вернусь в городскую префектуру, мои люди обязательно разыщут этого Сацердату и доставят к тебе.

– Разыскать – да! Доставить – ни к коем случае!! Старому разбойнику надо подсказать, что с ним желает побеседовать его давний недруг, а нынче искренний доброжелатель. Пусть он сам придет ко мне. Понял, Катилий? Сам!!

Катилий кивнул.

Когда прощались, Аттиан неожиданно рассмеялся.

– Это, Катилий, ты неплохо придумал – «добряк»! Я согласен – пусть будет «добряк». А еще лучше – «тюфяк». И точно, и не без намека...

После ухода Аттиана Катилию Северу долго было не по себе. Как ни выворачивай ситуацию, вывод мог быть только один – они посягнули на законную власть.

В душе тенью отозвалась злорадная мыслишка – *зачем?* Тенью там же оформилось – «...в чем ты нуждаешься, чтобы принять участие в смертельно опасной игре Аттиана?»

* * *

Новый император принял все условия, кроме публичной амнистии Квинту Марциу Турбону, бывшему префекту гвардейской конницы, затем командующему Мизенским флотом, ставший затем прокуратором Мавритании.

В согласительной комиссии Тит Антонин заявил, что имея на руках неопровержимые улики, включавшие письма Турбона, его письменные приказы, полностью изобличающие его в подготовке заговора против верховной власти, он как гражданин и преемник божественного Адриана, несущий ответственность за благосостояние Римской державы, не может пойти на поводу страстей.

Затем добавил

– ...безнаказанность – есть худшая форма поощрения Злодейства, как совершенные, так и планируемые прощены быть не могут.

В ответ Ацилий Аттиан потребовал от нового принцепса публичного подтверждения прав сената и принятых им постановлений.

Тот согласился, и в храме Божественного Юлия сменивший прежнего императора Цезарь Тит Элий Адриан Антонин Август дал клятву в верности обычаям и установлениям римского народа.

* * *

Обожествление Адриана прошло с пунктуальным соблюдением всех требований, сопутствовавших погребению божественного Октавиана Августа.

В городе был объявлен траур. Строго по значимости совершались все полагавшиеся в этом случае религиозные обряды. Из воска со всей тщательностью была изготовлена фигура умершего – его точное подобие. Это изображение было помещено на огромном ложе из слоновой кости, поставленном у входа в императорский дворец на разостланные златотканые ковры.

Восковой фигуре императора, выставленной на всеобщее обозрение, были оказаны все подобавшие посмертные почести. Все светлое время суток с левой стороны сидели сенаторы, облаченные в черное. Справа сидели женщины, мужа или отцы которых пользовались в Риме особым авторитетом и уважением. По обе стороны от ложа были воздвигнуты подмости; с одной стороны разместился хор юношей, а напротив него – хор девушек из самых знатных семей. И те, и другие пели скорбные гимны в честь умершего властителя.

Время от времени к ложу подходили врачи, «осматривали» больного, каждый раз объявляя во всеуслышание, что состояние его ухудшается. Наконец, было объявлено, что император скончался.

Знатнейшие и известнейшие молодые люди всаднического и сенаторского сословий приблизились к погребальному ложу, подняли его на плечи и понесли по Священной улице (via Sacra) на старый римский форум.

Здесь, после очередного прощания, ложе вновь подняли и отнесли на Марсово поле, где уже был выстроен квадратный деревянный сруб, изнутри заполненный хворостом, а снаружи украшенный златоткаными коврами, фигурками из слоновой кости, цветными росписями.

Антонин как наследник покойного взял пылающий факел и поднес его к деревянной постройке. Сруб вспыхнул, и столб огня взвивался на огромную высоту.

На следующий день на первом после окончания траура заседании сената Валерий Деций Гомул, не отказавший себе в удовольствии прочитать чрезвычайно хвалебную речь в честь нового принцепса, призвал коллег объявить Тита Элия Антонина Благочестивым – то есть, Пием, – так как только по его настойчивому настоянию сенат и римский народ согласились увековечить имя предыдущего правителя таким достойным пиететом.

Предложение Гомула было встречено длительной овацией, о которой Цивика Барбар, известный остро слов и насмешник, выразился просто и по существу:

– Дозвольте от имени сената и римского народа приветствовать нашего дорогого, новоявленного «благочестивца».

Глава 5

Будни начались со стычки, устроенной прежним префектом города, Марком Гавием Максимом и вновь назначенным Юлием Катилием Севером.

В четвертом часу¹⁷ когда Катилий во главе группы своих вольноотпущенников и рабов собрался войти в здание префектуры, расположенной в начале Субуры, путь им преградили вольноотпущенники и рабы Максима.

Субуру – улицу, протянувшуюся в долине между Опийским и Виминальским холмами, называли «кипящей» из-за бесчисленного людского потока, сновавшего здесь. Понятно, что начавшаяся словесная перепалка привлекла массу заинтересованных прохожих.

---

¹⁷ В десятом часу утра. Отсчет времени в Риме начинался с шести часов утра,

Марк Гавий настаивал на том, что срок его полномочий истекал не раньше следующих октябрьских календ (1 октября). К тому же никаких письменных указаний он не получал, так что уважаемый Катилий может отправиться домой и не создавать лишних трудностей в работе такого важного учреждения, каким являлась римская префектура, следящая за соблюдением порядка на улицах священного Города.

В противном случае...

Катилий дал знак и его приспешники попытались силой вломиться в здание, однако их натиск был отбит.

...не прошло и получаса, как со стороны форума Веспасиана в сопровождении своего секретаря и двух рабов к месту потасовки подошел новый цезарь и «благодетель римского народа» Тит Антонин.

В его присутствии страсти улеглись, и новый принцепс, полуобняв обоих распалившихся магистратов, вошел с ними в здание.

Появились они ближе к полудню, когда тени в Риме укоротились до предела.

Выйдя к толпе, новый отец отечества вскинул руку.

Собравшиеся, которых к тому моменту сбежалось столько, что не только по Субуре, но и по прилегающим улицам, включая ближайšie форумы, пройти было невозможно, – затаили дыхание.

– Вопрос улажен к обоюдному согласию, – объявил император. – До конца срока полномочий делами заведует всадник Марк Гавий, а затем его сменит всадник Катилий Север, уже известный вам своей решительностью и опытом. По случаю объявленного примирения в конце месяца я назначаю трехдневные гладиаторские бои. Бойцы будут представлять мою школу. Это лучшие из лучших. Гражданам также будет роздана дополнительная мера хлеба.

Толпа встретила это решение воплями восторга.

С легким недоумением Сацердата, прятаясь в толпе, воспринял это решение. Правда, радость, охватившая горожан при известии, что спор между двумя магистратами решен миром, тоже не обошла его стороной. Меньше всего его привлекали игры гладиаторов и раздача хлеба. Подбодрило другое – схватка чиновников! В течение полутора месяцев в городе не будет твердой полицейской власти! Нельзя было упускать это время бестолкового безвластия.

Это был первый день, когда Сацердата отважился выйти в город. Пора было присмотреться к памятным, уже подзабытым уголкам большого Рима, посетить людные места, заглянуть в таверны – может, где мелькнет знакомое лицо?

Хотелось заглянуть в лавки, через которые когда-то сбывали добытый товар и заодно, случалось, прятались, пока Сацердата крепко не встал на ноги и не обзавелся собственной мастерской по изготовлению надгробных памятников. Устроена мастерская была в одном из домов на Яремной улице. Там было все, что требовалось для безбедного проживания в Риме – крепкая ограда, баня с бассейном, боковые выходы на соседние улицы, просторные подвалы...

Осмотр не доставил ему радости, и если бы не стычка у городской префектуры, ему снова пришлось бы затаиться. Найти прежних дружков оказалось невозможно. Прежние, известные ему лавки позакрывались, на их месте построили доходные четырех- а то и пятиэтажные дома-инсулы. Мастерская сохранилась, но за эти годы несколько раз меняла хозяев, так что добиться ее возврата было невозможно.

Разве что пригрозить новому хозяину, однако это был негодный выбор. Наверняка засветишься, а это никак не входило в планы Антиарха. Гонясь за малым, как бы не упустить большое – Сацердата всегда придерживался этой мудрости.

Еще час назад, прогуливаясь по рынкам, ему мерещилась мечта о собственном надежном и безопасном гнезде. Как ни крути – лучшего места чем усадьба его бывшего покровителя, сенатора Аквилия Регула, не найти. Там и места побольше, и расположена она за Тибром в тихом безлюдном месте.

...вспомнилось поместье сенатора – просторный домина со многими входами и выходами, с темными клетушками, в которых Регул держал искалеченных им рабов. Любил сенатор поиздеваться над подвластными ему людьми... В любом случае этот особняк, да плюс приданное которое давали за ним – по меньшей мере сто тридцать миллионов сестерциев! – являлись самой заветной мечтой, позволившей бы ему прочно обосноваться в Риме.

...разве можно сравнить просторное сенаторское гнездо с тем домом, куда Витразин привел старого друга, хотя усадьба Манилия Опра на Циспийском холме неподалеку от храма Юноны Светоносной, по римским понятиям, тоже считалась вполне приличной. Досталась она хозяйке по завещанию бывшего владельца, далеко не безбедного откупщика. Поддавшись на ласки молоденькой рабыни, он сначала дал ей вольную, потом записал на нее свое римское жилье. Поля и угодья Манилий оставил сестре, которая попыталась было судиться с мошенницей и шлюхой-вольнотпущенницей, однако ничего не вышло. Денег, оставленных Манилием, наследнице хватило, чтобы нанять опытного адвоката, который в два счета сумел доказать судьям, что во-первых, прежний хозяин всегда был не в ладах с сестрой, пытавшейся однажды стащить из его дома семейную реликвию. Он привел большую толпу горластых свидетелей, которые, беззастенчиво ссылаясь на богов, дружно подтвердили, что сестра была нечиста на руку, а насчет новой хозяйки городского дома все как один поклялись, будто эта юная дева чрезвычайно бережно заботилась о хозяине и не наградить такую помощницу было бы верхом неблагодарности.

Манилия встретила Сацердату не то, чтобы надменно, а просто никак не встретила. Она даже не вышла к новому арендатору, которого привел «властитель ее снов и врачеватель душевной хвори», как отзывалась она о Витразине. Гостей встретил ее домашний прокуратор или распорядитель Ватия – благообразный, заметно отъевшийся мужчина средних лет с маленькими ручками и ножками.

Он показал Антиарху три комнатенки на антресолях, одна из которых предназначалась для самого Антиарха, другая для Пантеи, а третья для

Исфаила и Викса, считавшегося братом Пантеи. Комнаты располагались в конце коридора, откуда по крутой, высокой и расшатанной лестнице можно было спуститься на соседнюю улицу, а также выйти во внутренний дворик, разбитый между атрием и перистилем. На этом пути лестница была короткой – всего три ступеньки.

Первым делом Антиарх приказал Исфаилу и Виксу починить обе лестницы – чтобы ступеньки не скрипели и не подломились – и переделать запоры на дверях запасного выхода на улицу, чтобы был прочен и не гремел.

Ватия равнодушно указал, где лежат инструменты и удалился.

– Доски и новый запор раздобудете сами...

Когда Исфаил, спустившись во дворик, объявил старику, что все готово, Антиарх вошел в дом. Оттуда послышался скрип ступенек, затем звуки стихли и через несколько минут старик, появившись в дверях, коротко распорядился.

– Переделать!

Исфаил попытался было возразить, однако старик подошел к нему, легким касанием посоха заставил чернокожего раба передвинуться и замахнулся на падавшую от Исфаила тень.

Тот, как ошпаренный, бросился ко входу на внутреннюю лестницу. За ним, сменившись в лице, поспешил Викс. Скоро оттуда донесся скрип отдираемых досок и стук молотка.

Ватия, с ленивой усмешкой наблюдавший за этой сценой, засмеялся.

– Что ж не ударил? Тень, что ли, пожалел?

– Зачем тень! Работника пожалел.

Ватия окончательно развеселился.

– Тени разве больно?

– А ты встань на место Исфаила, а я ударю.

– Ишь ты, хитрый какой! Вот на ней попробуй.

Он схватил лежавшую рядом кошку, и, вытянув руку, приблизил извивающуюся и орущую тень ближе к старику.

Тот легонько ударил по ее тени.

Кошка нестерпимо взвизгнула и вцепилась в руку Ватии. Тот отбросил ее в сторону.

Из окна долетел голос хозяйки.

– Ватия, скажи старику, чтобы больше так не делал!

Антиарх встал, повернулся в сторону распахнутого окна и, отряхнувшись, поклонился.

Глава 6

Вечером Витразин навестил старика и заявил, что до сих пор не сообщил в префектуру о его появлении.

– ...так и не смог улучшить момент. И кому стучать – новому префекту или прежнему.

– Ну и ладно, – легко согласился Антиарх. – Нарыл что-нибудь?

– Так по мелочи.

– Давай рассказывай.

– Этот Лупа из дакийцев. Происхождения, говорят, знатного. Сын Амброзона, дружка Децебала, который руководил обороной какой-то приграничной крепости. В качестве добычи достался Ларцию Лонгу, всаднику...

– Это мне известно, – кивнул Антиарх. – Что еще?..

– В Риме Лупа приглянулся Траяну и тот захотел взять его в эроменосы, однако мальчишка отказался. Более того, во время доверительного разговора гаденьш признался, будто мечтал совершить покушение на императора, а тот якобы сумел отговорить его от пагубного намерения.

Регул как раз и сгорел на этом – купил Лупу и в пылу верноподданнических чувств приказал обезобразить мальчишку. Отрезал ноздри, на лбу выжег «malus»¹⁸. Местные врачеватели все это искусно замаскировали. Еще бы не замаскировать. – Витразин хихикнул. – С такими деньжищами. Однако на этот раз хитроумный Регул просчитался. Ты помнишь Траяна? Оказалось, принцепс очень даже гордился этой историей с перевоспитанием дакского волчонка. Императора так и подмывало сделать своих подданных хотя бы чуточку лучше. Тебе тогда тоже досталось.

Старик кивнул – как можно было забыть ужас, который охватил его, когда префект гвардейской конницы Бебий Корнелий Лонг схватил его в мастерской по изготовлению надгробных памятников. Хвала Христу, он тогда не потерял голову. Регул, опасаясь разоблачения в соучастии, подкупил хозяина гладиаторской школы, и тот помог Сацердате бежать.

Как забыть двадцать лет непрерывных скитаний!!

В Антиохии разбойнику повезло встретить неких безумцев, уверовавших в некоего Христа. Те познакомили его со своим наставником по имени Елказаит или Елксей.

Елксей был из бродячих сирийских фокусников, хотя называл себя магом. Его навыки обращения со зрителями очень помогли ему вербовать сторонников.

Одно время за Елксеем по Антиохии, Пальмире, Дурр-Европосу толпы ходили...

Выбора у Сацердаты не было, и он примкнул к елказаитам.

Заповедь первая: от императорских ищеек легче укрываться в толпе;

Заповедь вторая: самые надежные сообщники – единоверцы;

Он к тому же учел, что после обряда посвящения неофитам меняли имена.

Так он стал Антиархом...

Приглянулись ему и наставления Елксея, учившего – только вера имеет значение. Во имя веры можно простить любое преступление, любое злодейство.

Елксей утверждал – только тот, кто сердцем принял учение Христа, воскресшего после позорной смерти на кресте... только тот, кто шеей своей изведет остроту клинка или петлю палача, достоин узреть истину.

---

¹⁸ «Злодей», «негодяй».

Истина в том, что только «посвященному» откроется вход в царство небесное. Только «посвященным», которых рукой Елксея благословлял Христ, доступно понимание, что разум – это ничто, а желание – все!

Эти заповеди пришлось Сацердате по вкусу. Обернувшись Антиархом, он включил их в свое местничество.

Очень скоро новообращенный стал не только «посвященным», но и первым помощником Елксея.

...согласно его учению, сам Христос был послан на землю Господом нашим Демииургом для спасения тех, кому можно было доверить сокровенную истину или «божью тайну». Эта истина была запечатана в Книге откровений, которую, по словам основателя секты, ему вручил Ангел пятидесятикилометрового роста. Только «посвященных» Елксей знакомил с выдержками из этой книги.

Таких было немного.

...когда Антиарх сумел войти к Елксею в доверие, тот преподал еще одну заповедь: «...как хочу, так и велю! Что разум? Желание важно».

Потом еще одну «...слова – это пустое. Путь к истине лежит через обретение поддержки сильных мира сего. Через них и воцаримся!.. Но для этого следует многому научиться из того, чего нельзя открывать толпе и новообращенным».

...что касается назаретян,¹⁹ которые исповедовали *Иисуса* как Христа́ или Спасителя, Елксей отзывался о них пренебрежительно. При этом обязательно добавлял.

– Этих надо улавливать в первую очередь. Исходящий от них свет надо в равной пропорции смешивать с тьмой.

Старик, ухмыльнувшись, припомнил, с каким пренебрежительным легкомыслием он вначале отнесся к бредням Елксея.

Если бы не толпы спешивших «посвятиться»...

Если бы не вопли вновь обращенных, встречавших бывшего фокусника криками – «наместник!», «наместник!» «божий наместник!» «судья!» «пророк!»...

Если бы собственными глазами не узрел, как однажды наставник добыл огонь дыханием ...

Если бы не поразился его волшебной силе, которой подчинялись даже тени.

Так определилась цель скитаний – не спасение собственной жизни заставляло Сацердату постоянно менять места жительства, а служение Христу, раздвинувшему многокилометровые ноги и вставшему врасстырку на границе света и тьмы.

---

¹⁹ Последователи Иисуса Христа и его апостолов.

Третья заповедь от Сацердаты родилась в Вифинии, куда он сбежал после неудавшегося покушения на Адриана – тот, кто владеет сумерками, свободен перемещаться из света в тень и обратно.

Наверное, в награду ему повезло наткнуться в ночи на черный бесформенный человеческий обрубок, лишенный признаков жизни. Оглядев громадного чернокожего он уже собрался покинуть его, как тот попросил о помощи.

- Что взамен? – поинтересовался Сацердата.
- Буду служить тебе двадцать лет, пока не отомрет твоя душа.
- Тридцать, – возразил Сацердата.
- По рукам! – согласился чернокожий увалень.

Потом к ним прибилась Пантея, она же Зана, Лолия, Бендита, сбежавшая из храма Астарты, где ее за дерзкое непослушание (она не желала делиться со жрецами заработанными обрядами священного соития деньгами) приговорили к страшной казни на священном фаллосе. Пантея познакомила беглого старикашку со своим «братом» Виксом или иначе – Википедом. Этот хитрец, прикидывающийся несмышленным мальчишкой, был тот еще проныра. Ростом с десятилетнего пацана и детским выражением личика Викас мог объегорить кого угодно.

Но не Сацердату. Бывший разбойник чего только в Риме не навидался...

Он и у Викаса выторговал тридцать лет беспрекословного служения и исполнения всех прихотей и выдумок хозяина.

Потом много чего было – разрыв с Елказаитом, не пожелавшим поделиться с Сацердатой Книгой откровений, и его преемником Епифанием.

Отклонил он и приглашение примкнуть к последователям некоего Карпократ, утверждавшего, что кроме веры для благоденствия и спасения души нужна любовь. Все остальные тяготы, выдуманные обществом, – особенно законы, в лучшем случае нейтральны. Ради спасения, настаивал Карпократ, человек имеет право преступить закон, иначе ему не вырваться из оков низших сил и не прервать цепь перевоплощений.

Избегнул он и тенет Каинита, который учил, что только Каин, а не этот тщедушный Авель, являются родоначальником избранных. Именно против потомков Каина творец мира сего, некий «Созидатель», направляет свои злоумышления. Это его велением были разрушены Содом и Гоморра.

Каинит утверждал – этот мир, творение Мировой Матки, должен быть разрушен до основания.

А затем...

О том, что «затем», догадался Иуда и тайно прёдал лжеучителя Иисуса из Назарета, чем разрушил свое греховное плотское тело и обрел божественное, духовное. Так учил Каинит. Только такое служение, не позволенное всем остальным, разрешено и необходимо «посвященным».

Спустя несколько лет эти тонкости в замысловатых вероучениях, исступленных пророчествах и мысленных безумствах тех или иных восхваляемых и гонимых «учителей» уже мало волновали Сацердату. Он полагал, что ему достаточно святости – он сумел обрести силу, – и лишнее знание ему только во вред.

...одно время заинтересовал его некий Гегезип, сумевший мановением руки разделить окружающую действительность на видимое царство, в котором господствовал Свет, и незримые пространства Тьмы. Этот самый Гегезип славился умением вырезать профили по тени. Он утверждал, будто Тьма якобы предстает перед людьми в виде Тени, которая в обыденной жизни способна распасться на тысячи обычных, мелких, рядовых теней, сопровождающих каждого из нас от рождения и до смерти.

Все боги мира и уверовавшие в них люди заявляют, что ничего не существовало до Хаоса, однако Гегезип настаивал – все вы заблуждаетесь, поскольку никогда не слышали ни о происхождении Хаоса, ни о его истоках... Хаос якобы вылутился из Тени и был назван «Тьмой»; а Тень в свою очередь произошла от Труда, что существовал с самого начала.

Более того, между Светом порожденным и низшими пространствами существует завеса. Так вот тень простирается под завесой, то есть на той ее стороне, которая повернута от света. Тень, которая назвалась «Тьма», стала материей; и эта материя произвела выкидыш – то есть некоего богоподобного творца с мордой льва. Звали его Иалдаваоф.

Гегезип утверждал – мол, из этой материи якобы выросла раса богов. Затем Тень вдруг осознала, что есть кто-то или что-то сильнее ее. Она стала ревнива и, тотчас забеременев, дала рождение Зависти.

Все эти бредовые фантазии мало интересовали Сацердату. Его внимание привлекли чудеса, творимые Гегезипом. Когда на его глазах пророк ударом палки по тени горшка разбил его, он, вразумленный, уже неотрывно наблюдал за священнодействием, в конце которого Гегезип сумел отделить свою тень от собственного тела и заставил выполнять его повеления. Вот когда Сацердата осознал, что есть истина.

Он примкнул к этой секте, называющей себя «ловцами теней», куда привлек и своих подручных – громадного эфиопа, называвшего себя воплощением богини закатных сумерек и темноты Каукет, а также мальчишку Викса, которому, как заверил он Гегезипа, скоро стукнет триста лет.

Однако содружество Гегезипа и Антиарха продолжалось недолго – только до того момента, когда Антиарх осознал в себе внутреннюю силу, порождаемую Тьмой, и овладел некоторыми приемами обращения с тенями. Не простившись, Антиарх сбежал от своего наставника в Египет, где обосновался в заброшенном поселении в среднем течении Нила.

Здесь он, отыскавший в себе зачатки божественного вдохновения и поклонившись Каукет, создал свой театр теней, с которым было не страшно отправиться на гастроли в Рим.

Случай не заставил себя ждать. Появление в поселении римлян, сопровождавших императрицу, вдохнуло в него надежду, а удача, которой наградила его Каукет, позволившая расправиться с Антиноем, придала ему уверенность и поманила доступностью цели...

Об этом он мечтал всю свою несносную и замысловатую жизнь – убраться с пути негодяя Лупу, завладеть громадным наследством сенатора Регула, чтобы полноправно осесть в Риме, откуда уже без особых помех можно было запустить свои щупальца-тени по всему миру.

– ...насчет Лупы мне все известно, – прервал он Витразина, распалившегося от одной только мысли, что какой-то дакийский волчонок сумел обойти его, Витразина, в умении добывать себе честь не по чину и славу не по заслугам. – Что ты можешь сказать о частной жизни нашего любимца?

– Я поручил своему человеку отыскать какого-нибудь болтливого слугу в доме отпущенника. Скоро он все разузнает.

«Хитер, мошенник! – восхитился старик. – Вроде бы и помог прежнему наставнику, и в то же время ничего лишнего не сказал. Это ладно. С такого, как Витразин, хотя бы шерсти клок», – а вслух добавил.

– Витразин, благодарю тебя за доброе ко мне отношение. Порекомендуй какого-нибудь отважного человека, которому все равно каким способом добыть деньги.

– Ты можешь найти его в харчевне «Три пескаря», что на Бычьем рынке. Зовут его Опромоаса, но лучше обращаться к нему Террорин. Сошлешься на меня.

Когда Витразин, покинул Антиарха, тот немедленно позвал Вика и приказал ему наладить добрые отношения с хозяйкой.

– ...и не тяни. У нас в запасе полтора месяца. Пока наверху дерутся.

В тот же вечер Википед на глазах у хозяйки покормил кошку, погладил ее и был допущен до разговора. Плевое дело – прикинуться сиротой (что было неправдой), дакийцем (что было правдой), в детстве вывезенном из-за Данувия и сумевшего прибиться к Антиарху – этому прозорливому, много повидавшему и много знающему наставнику. Старик на пальцах объяснил ему, глупому несмышленишу, что земная жизнь – это юдоль греха и надо стремиться туда...

Викс указал рукой на облака, высоко плывущими над вечным Римом – туда, туда...

Манилия – грозная красивая дама в греческой пале и накидке, сброшенной на плечи, – приказала.

– Пусть зайдет ко мне.

Глава 7

История Опромоасы была стара как сумерки.

Скорее вечерние, чем утренние... К такому выводу пришел Антиарх, когда впервые встретился с бывшим гладиатором из варваров.

Опромоаса был калека – левая кисть его была отрублена, что, по словам грузного и крепко выпившего дака, не мешало ему «вправлять мозги тем, кто плохо относится к Витразину».

После этих слов, он подозрительно взглянул на старика.

– Как ты относишься к герою арены?

– Лучше некуда!

– Смотри, а то Террорин, – он указал на себя обрубком, – быстро намнет тебе бока.

– Одной рукой? – изумился Антиарх.

– Одной рукой я владею лучше, чем кое-кто двумя.

В правой руке Опромоасы неожиданно блеснул нож. Он повертел его между пальцев, затем обрубком левой руки указал Антиарху куда-то в сторону, и нож исчез в рукаве.

Антиарх не поддался на уловку и продолжал пристально следить за крупным, ведущим себя нарочито уверенно варваром.

Потом старик попросил.

– Дай-ка мне сикарий!

Дак протянул старику нож.

Антиарх накрыл его рукой, а когда поднял руку, ножа не было.

– Ты фокусник? – удивился дак. – Случаем не из наших?

Старик промолчал, потом заявил.

– Играть сикарием – дело не хитрое. На, возьми... И без нýжды не показывай. Чем ты занимался у Витразина?

Дак, понимая, что наклеывается заказ, сбавил понт и развел руками.

– Так, по мелочи. Мы с Витразином старинные друзья. Закон не нарушаем. Наоборот, чуть кто-то где-то вякнет насчет закона, мы ему быстро объясним, что старших надо уважать и не соваться за подрядами, не отблагодарив похлопотавшего за тебя хозяина.

...отсюда следовало, что для того чтобы добыть заказ, надо пригласить в помощь такого, как сидящий напротив дак. Дела все мелкие, не того ранжира исполнитель требовался Антиарху.

– А до Витразина где обретался?

Опромоаса усмехнулся.

– Есть тут один, называющий себя Люпусианом.

Антиарх носом почуял поживу, однако спросил тихо, безмятежно, только ради того, чтобы поддержать разговор.

– Какое отношение ты имеешь к Люпусиапу?

– Это давняя история, – уклончиво ответил дак.

– Ничего, я послушаю.

– Был у него рабом, – признался Опромоаса, затем мгновенно обозлился.

– А ведь я из княжеской семьи! Мой отец – Диупарней, а кто такой этот Лупа, сын Амброзона?! Так, мелочь, выдвинувшаяся при Децебале. Я участвовал в обряде отбора гонца, которого отправили к небесному отцу Замолксису, а он где отирался? После разгрома под Тапами я попал в рабы и к кому – к своему бывшему земляку из худого рода.

Опромоаса махнул рукой.

Антиарх поинтересовался.

– Но ведь ты не сразу попал к Люпусиапу?

– Конечно, нет. Сначала меня сослали в каменоломни, но до них я не добрался. Ланиста из Анконы купил меня и еще пару наших и увез к себе в гладиаторскую школу. Там нас и отыскал Лупа. Он предложил выкупить нас с условием, что мы составим надежную охрану его дома в Риме. Мы, конечно, согласились. Любой согласился бы... Не так ли, старик?

– Что было дальше.

– Ну, мы ехали, радовались – теперь нам не придется резать друг друга на арене, а когда приехали, обомлели. Мы как рассчитывали, Лупа – вольноотпущенник, набрал нас по приказу своего хозяина. Все-таки лучше, чтобы за нами присматривал свой человек. Как считаешь, старик?

Антиарх не ответил. Зачем отвечать – ясно было, что Опромоаса сидит на мели, если не при последнем издыхании.

– А оно вон как обернулось... – продолжил дакиец. – Старик, закажи вино, душа горит. Не бойся, буянить не буду.

– Я не боюсь, – заверил его Антиарх. – Витразин рекомендовал тебя как разумного и решительного человека, желающего и умеющего не упустить удачу. Она перед тобой, Опромоаса.

– Ты, что ли? – скептически ухмыльнулся дак.

– Я... – подтвердил Антиарх. – Рассказывай дальше.

– Что дальше! Приехали, осмотрелись и чуть разума не лишились. Какой-то сын Амброзона, природный волчонок, вдруг оказался хозяином громадного дома и огромной кучи денег. Скажи, старик, с каких-таких заслуг?

– Что было дальше? – потребовал Антиарх. Он уже уверенно вел беседу. Хвала Христу, он, кажется нашел нужного человека, если бы только у этого бродяги были мозги, а не одна только кипящая зависть и отшибающая разум жадность.

– Через полгода все это объявленное братство, обязательная верность и ежедневная благодарность стали донимать меня хуже чесночной приправы, которой кормили нас на кухне.

– Ты не любишь чесночную приправу, особенно если полить ею гороховую кашу с мясом?

– Если каждый день одно и то же, не только разлюбишь, но и взвоешь. А этому наверх носили и то, и это. По какому праву, старик?

– Что ты все о правах! Право – это тьфу, пустяк. Твое право – желание.

– Это верно, но я уже не мог совладать с собой. В общем, меня связали... Этот негодяй предложил мне самому выбрать свою судьбу – отправить к префекту, в провинцию на сельские работы, или на арену. Я выбрал арену. Этот искалеченный звереныш даже удивился. Тебе, Опромоаса, не дорога твоя жизнь? Я ответил – дорога, и я постараюсь продать ее подороже. И не ошибся... А может, ошибся. Как посмотреть, старик...

– Смотри прямо в глаза. Мне в глаза...

Дак уставился на Антиарха. Они долго разглядывали друг друга, потом дак рассмеялся.

– Я знаю эти штучки. Ты пытался извлечь из меня душу и сделать послушным рабом?

– Ты угадал. Ты, оказывается, крепкий парень, Опромоаса. Тебе еще бы мозги поизвилистей, цены бы не было.

– Это ты, что ли, собрался мне мозги закрутить?

– Нет, ты сам, но с моей помощью.

– Пока я не слышал от тебя ни одного дельного слова. Зачем тебе моя история? Неужели ты такой дока в разглядывании людей, что можешь определить, у кого что за душой.

– Конечно, и ты только что доказал это. Давай вернемся к нашим баранам. Расскажи подробнее о Люпусiane, его жизни в Дакии, его семье.

– Какая у этого безродного семья. Хотя нет, мать у него римлянка. Амбронзон выкрал ее за Дануviем (Дунаем), а когда она родила ему четырех детей...

– Каких именно?

– Этого, Лупу. Он был младший а до этого трех сестер. Когда римские собаки обрушились на наш край, Лупа попал в Рим в дом всадника Ларция Лонга, потом угодил в лапы к сенатору Регулу, который исковеркал ему лицо – жаль, не убил выскочку и подлипалу. Сестер тоже продали в рабство – старшую Лупа отыскал Медиолане (Милане), еще одну в Анконе. У этой, говорят, были дети – мальчик и девочка. Кто старший, кто младший, не знаю. О младшей сестре никаких известий нет. Я даже ездил в Виминаций проследить, куда и кто разобрал рабынь.

– Ты был в Виминации?

– Да, ездил по поручению Лупы. Я ведь тоже как этот пес поганый, владею латинским. Мой отец не поскупился на мое образование.

– Не желаешь совершить еще одну поездку и разузнать о сестрах Люпусiane, а также отпрысках.

– Это дорого стоит, старик.

– Ничего, сдую. К тому же могу сообщить по секрету – это только начало. Посмотрю, что ты умеешь и насколько ловок в обращении с людьми, – он не без хитринки взглянул на дака. – Или только с сикарием ловок.

– Ты берешь меня на службу?

– Можно и так сказать. Расходы посчитаем сразу и я вручу тебе аванс.

– Не боишься, старик, что я сбегу с твоими деньгами или пропью их в соседней забегаловке.

– Не боюсь. От Сацердаты пока еще никто не сбегал, даже Витразин, а с тобой, надеюсь, мы поладим.

Глава 8

Спустя три месяца после воцарения Антонин сделал перестановки в царствующем семействе Элиев. Не слушая возражений Цивики,²⁰ он решительно разорвал помолвку Марка Аврелия с десятилетней Фабией Луцилой, – сестрой Луция Вера, которая в трехлетнем возрасте была помолвлена с Марком. После чего новый принцепс обручил Марка со своей дочерью Фаустиной младшей, которая волей Адриана была помолвлена с Луцием Вером.

В конце октября он строго спросил с вступившего в исполнение своих обязанностей префекта Катилия Севера, потребовав от него скорого и неукоснительного восстановления спокойствия в городе и пресечения нелепых, порочащих власть слухов.

Время было тревожное.

На востоке зашевелилась Парфия. Рим, увязнувший в спорах за Армению, был вынужден реагировать на попытки парфян скинуть с трона

---

²⁰ Сенатор Цивика являлся дядей маленького Луция Вера и Фабии Луцилы.

римского ставленника Вологеца и вернуть приморскую страну Лазику под свою опеку.

Между тем в городе при совершении ритуальных жертвоприношений был обнаружен теленок, у которого голова срослась с ногой. Согласно толкованию гаруспиков, это знамение означало, что главою дел человеческих готовится стать иной смертный, хранивший свои намерения в тайне, но и он не обретет славы, ибо чудовищное порождение Аида погибло уже в материнской утробе и появилось на свет в людном месте на жертвеннике.

Сразу после перестановок в царствующем семействе еще более жуткая находка была обнаружена в трущобах в районе Табернолы. Там был найден выброшенный младенец с двумя головами. К тому же какие-то неизвестные негодяи принялись устрашать граждан по ночам. Знающие люди опознали в них керкопов, снюхавшихся с лярвами.²¹ Как утверждали знающие люди, порождения Аида были посланы в город, чтобы во мраке творить зло и наводить порчу на мирных граждан, особенно на тех, кто пренебрегает священными узами брака и позволяет себе нарушить волю усыновивших их родителей.

* * *

...Из материалов расследования безжалостной расправы неустановленных негодяев с вольноотпущенником Гаем Горгилием, возвращавшимся с пирушки и имевшего при себе большую сумму денег.

Происшествие случилось в начале ноября в Субуре – в торговых кварталах, расположенных неподалеку от форумов Траяна и Нервы.

...выживший раб рассказал:

– Они напали на нас возле дома Корбулона, что на Субурском взвозе.

Катилий Север уточнил.

– Это рядом с городской префектурой?

– Так и есть, префект. В трех кварталах от того места, где висят окровавленные плети, которыми секут преступников перед казнью. Сначала на нас выскочил какой-то карлик, очень напоминавший керкопа. Ростом он был с ребенка, однако злобен и увертлив, как шакал. Он напугал хозяйскую лошадь. Она рванулась, и мы, схватив ее под уздцы, попытались удержать взбесившуюся тварь, пытавшуюся встать на дыбы. Откуда только прыть у это старой клячи взялась?..

Но это, префект, был обычный перепуг. Такое часто встречается в Риме, поэтому хозяин, спешивший домой, не очень-то рассердился. Он осадил лошадь, прикрикнул на нас, вооруженных сопровождающих. Нас было с десяток – у всех бронь под туниками, все вооружены длинными кинжалами. Ребята боевые, умеющие защитить хозяина. Никакой керкоп нам не страшен,

---

²¹ Керкопы – в греч. мифах хитрые и злобные карлики, подстерегающие путешественников и обирающие их. Ларвы (или иначе лемуры) – вредоносные тени, призраки мертвецов, не получивших должного погребения, преступно убитых, злодеев и т. п., бродящие по ночам и насылающие на людей безумие.

однако когда к хозяйским носилкам вплотную подступил громадный, в два человеческих роста призрак, вот когда нас всех охватил неопиcуемый ужас.

– Кого напоминал этот призрак?

– Н-не могу сказать! Разве что тень с крыльями... На фоне полночной тьмы, едва подсвеченной факелами, его очертания были видны также отчетливо, как в солнечный полдень читаются тени, которые отбрасывают люди или предметы. Призрак швырнул в лицо хозяину ма-аленькую искорку, которая вдруг разрослась в громадный огненный шар. Я решил, пришел мой смертный час и выпустил поводья.

Потом недоросток тоже метнул искру в нашу сторону, и мелкая искорка вдруг разверзлась в громадный факел. Все бросились наутек. Тех, кто замешкался, растоптала громадная тень, а этот мерзкий и увертливый карлик добил их.

Дальше ничего не помню.

Когда раб-секретарь аккуратно записал показания раба и передал их своему хозяину, префект Катилию Северу, тот некоторое время ознакомился с записью, затем выставил указательный палец в сторону пострадавшего.

– Другие участники происшествия изложили иную версию. Это ты и твои сообщники напали на незащитных прохожих.

– Но они мешали нам пройти!

– Чем же могли помешать трое мирных путников ораве горластых, разбойного вида молодцов? К тому же одним из путников был невзрачного вида старик. Ты ничего не сказал, чем в это время занимался старик?

– Старик в стычке не участвовал.

– Но ты подтверждаешь, что старик там был?

– Вроде был, но успел спрятаться в подворотне. Какое мне дело до старика, если мой хозяин попросил этих... мирных путников уступить дорогу.

– И ты, конечно, попросил?

– А как же!!

– А вот другие свидетели утверждают, что ты первым набросился на мальчишку и даже попытался ударить его. Что я говорю – ты ударил его!

– Я же говорю, мы умеем не только услужить своему хозяину, но и защитить его, особенно если этот негодяй плеснул огнем в лошадиную морду.

– То есть?..

– Впереди нашей процессии шел мальчишка-факелоносец. Он попытался им отбиться и случайно задел факелом лошадь. Та встала на дыбы... Хозяин рассвирепел... Что было дальше, я плохо помню.

– Ты же сам сказал, дальше был ужас. Но ваши страхи меньше всего беспокоят меня. Меня интересует старик и эти странные, похожие на тени существа.

– Чего не помню, того не помню. Вроде бы метнулись в подворотню...

– Покажешь нам ее...

Подворотню и ближайшие дома и дворы осмотрели, однако никаких следов не нашли.

* * *

Катилий Север в частном порядке ознакомил Аттиана с показаниями сопровождавших Горгилия рабов. Тот ногтем подчеркнул места, где упоминался неизвестный старик, который являлся то ли свидетелем, то ли участником драки.

– Это Сацердата, Катилий. Объяви его в розыск. Если отыщешь убежище, никаких мер не предпринимай. Сразу сообщи мне.

Когда Публий Ацилий Аттиан покинул дом Катилия, новый городской префект вновь вернулся к прежней мысли – чего добивается Публий, пытаюсь отыскать какого-то мерзкого старикашку? Какую роль он хочет отвести этому сморчку в будущем раскладе политических сил? Далее – уже не в первый раз, но теперь с назойливой тревогой возник вопрос, – а какую роль в этой запутанной истории несносный Аттиан отводит ему, Катилию Северу?

Стоит ли игра свеч?

В общем-то, он всегда уживался с «добряком». С ним трудно было не ужиться, а вот как оно будет с его ниспровергателями?..

Особенно с Аттианом.

Что произойдет, если в эти сумасбродные мысли и полулегальные поступки вмешается какой-нибудь вояка из провинции? Скажем, претор Присциан, племянник Аттиана, командующий воинской силой в Ближней Испании. Всем известна его неумная гордыня и неумеренная жадность. Этот, пока еще только на словах, метит в императоры. Опыт быстротекущей жизни учит – без вояки, имеющего под рукой несколько легионов, в таком деле не обойтись? А вот без какого-то городского префектишки можно. Так уже бывало, и не раз. Тогда зачем ему, третьему человеку в Городе, рисковать головой?

Чего ради?..

В начале манила мыслишка – если Антонин не справится и его отодвинут в сторону, он, Катилий Север как воспитатель Марка Аврелия естественным образом станет регентом при малолетнем цезаре, на права которого никто из оппозиционеров не покушался.

Мысль была скользкая, но отделаться нее не удавалось. Действительно, при таком исходе интриги он имел все шансы стать очередным принцепсом, однако чем дальше, тем отчетливее досаждали сомнения – согласится ли Аттиан на такой расклад? А другие сообщники? Возможно, его роль в том, чтобы сделать для них грязную работу?..

Стоит ли овчинка выделки?..

В конце концов, из-за чего разгорелись страсти?

Кое-кому из сильных в Риме показалось, что Тит не тот правитель, который способен справиться с угрозами, обступившими Рим со всех сторон после смерти властного Адриана. В Северной Британии зашевелились варвары и местами даже прорвали прежний – Адрианов – вал. Недобрые известия чередой идут из Армении, где парфянский царь Вологез II уже

несколько раз пытался нарушить условия договора 62 года, расчертившего границу между Римом и Парфией. Даже Траян после неудачной экспедиции на Восток вынужден был принять на себя обязательства, вытекающие из того старого договора, в одной из статей которого ясно говорилось, что Армения и ее цари являются «друзьями и союзниками римского народа».

Вот какое предположение подспудно и неотвязно мучило Катилия – а если «добряк» справится!?

Сейчас, после странного разговора с Аттианом его вдруг осенило, какую цель преследовал Адриан, назначая семнадцатилетнего юнца Марка Аврелия и малолетку Луция Вера соправителями Тита?

Ответ прорезался сразу и наотмашь!

В свои преемники Адриан наметил именно Марка Аврелия, а ему в преемники девятилетнего Луция, но поскольку оба еще слишком молоды, прежний принцепс приставил к ним «добряка» Антонина. Как ни крути, это было мудрое, взвешенное решение.

Другими словами, для Рима Адриан сделал все, что мог.

Кому как не ему, воспитателю Марка, было известно, что парень отличается редким набором неотъемлемых достоинств и, безусловно, достоин стать правителем римского народа. Во-первых, не глуп, во-вторых, обладает скромной отвагой и непоколебимой решительностью. В-третьих, достаточно предусмотрителен, чтобы не вляпаться в какое-нибудь безнадежное предприятие. Эти качества очень немаловажны для будущего соправителя. В-четвертых, – самое главное – Марк любит и уважает его, Катилия. Префекту было трудно отделаться от мысли, что, следуя за Аттианом, вряд ли можно утверждать, что он отвечает своему воспитаннику тем же, тем более, что вступая в ряды заговорщиков он собственными руками губит свое будущее, так как неизвестно как мятежники поступят с Марком, когда придут к власти.

Достойно ли... Ладно, с достоинством можно подождать. Разумно ли при таком раскладе ставить на кон свое спокойствие, почетную старость, а то и жизнь, ради таких как Аттиан или Гомул?

...вспомнился скандал, который случился после смерти Траяна. Его вдова Плотина во всеуслышание заявила, что перед смертью император якобы провозгласил Адриана своим наследником. Эти слова подтвердил и такой авторитетный военачальник как Ларций Корнелий Лонг. Однако сомнения оставались, тем более что через три дня после кончины Траяна исчез его спальник Зосима, который в ту ночь находился рядом с императором. Катилий не сомневался – убрал его никто иной как Аттиан, в ту пору являвшийся префектом города.

Затем по приказу Аттиана были убиты несколько видных полководцев Траяна, являвшихся соперниками и откровенными недругами нового принцепса.

Новая власть представила эти расправы как якобы неправильно понятое распоряжение нового императора. Мол, префект города проявил неуместную прыть, допустил неоправданную жестокость, хотя многим в Риме было ясно, что Аттиан действовал по наущению Адриана и вдовы Траяна Плотины

Неловкость сгладили отставкой Аттиана, которого отрешили от реальной власти. Обиду возместили сенаторским достоинством, но кто может сказать – счел ли бывший префект такую награду достаточной? В любом случае Аттиана задвинули в дальний угол. Отсюда вытекает, что негласный глава заговора может действовать из жажды мести, а не только ради пользы государства.

Можно ли полагаться на такого сообщника?

Обиженные честолюбцы чрезвычайно опасны и готовы на любую низость.

Или Гомул, слывший в Риме за наглеца из наглецов. Антонин всего месяц как стал принцепсом, а он уже успел ему схамить.

Когда приглашенный Гомулом император появился у него дома, Тит заинтересовался колоннами из порфирного мрамора, установленные в доме сенатора. Когда Тит спросил, где он их добыл, Гомул ответил.

– Когда приходишь в чужой дом, не суй нос в чужие дела.

Император терпеливо снес эту выходку.

Или Цивика, племянницу которого Фабию разжаловали из будущих императорских супруг!..

А тут еще какой-то Сацердата! Иметь дело с подобным проходимцем и разбойником было за гранью любых сомнений в правомочности нынешнего императора.

...успокоил себя тем, что в грядущей смены власти кто-то должен побеспокоиться о Марке Аврелии, и этим «кто-то» мог быть только он, префект города Катилий Север! Это была достойная миссия, вполне скрашивавшая опасения насчет преступности заговора, а также дававшая надежду на будущее.

...вспомнилась обида, которую он испытал, когда услышал, что Адриан возвел в наследники этого простофилю Антонина, в то время когда под рукой были куда более достойные кандидатуры. Все эти месяцы душа на знала покоя – почему не меня выбрал «бородатый», ведь если кому и доверить будущее Марка, так это его воспитателю, так что в момент резкого обострения политической обстановки ссорится из какого-то беглого преступника неразумно.

* * *

Следующей жертвой нападения теней оказалась вольноотпущенница Неллия Луцила.

Ее носилки были атакованы на Священной дороге возле фонтана Мета Суданс, установленного Домицианом неподалеку от Колизея.

Считай в самом центре города!..

О чем рассказали многочисленные свидетели этого происшествия?

Нападению призраков предшествовал жуткий, якобы исходящий из-под земли, протяжный вой. Следом из узкого проулка навстречу до смерти перепугавшемуся мальчишке-факелоносцу выкатилась повозка с бревнами.

Бойцы, сопровождавшие вольноотпущенницу, выхватили длинные ножи-сексты и бросились к повозке. Внезапно на бревнах обозначилась черная фигура с нечетко обозначенными краями.

Напоминавший тень, призрак вскинул руки и с жутким хаканьем выдул в сторону подбежавшей охраны длинный язык пламени. Первый из бойцов, успевший добраться до повозке дико вскрикнул и упал на мостовую.

Любопытная вольноотпущенница высунулась из-за занавески. К ней тут же подкатился черный округлый предмет, полыхнувший в ее сторону отвратительно пахнущим огнем. Неллия завизжала так, что на улицу из ближайших подворотен выскочили люди с факелами, однако злоумышленникам удалось скрыться.

Катилий Север лично осмотрел место происшествия, куда также доставили пострадавшего раба. Префект города лично убедился, что веки и борода у того опалены. Это свидетельствовало в его пользу. Непонятно, как бедняге удалось сохранить зрение, а вот с речью у него что-то случилось.

Он начал заикаться...

В городе началась паника. К Антонину явилась многочисленная делегация с требованием пресечь козни властелина подземного мира мертвых Аида. Сенаторы Гомул и Цивика, возглавившие делегацию, настаивали на необходимости поймать негодяев и вернуть спокойствие горожанам. По распоряжению императора, поддержанному сенатом, в городе были проведены очистительные религиозные церемонии – на кладбищах были рассыпаны черные бобы, а с приходом ночи в городе начинали бить в барабаны и жгли костры под громадными медными котлами, в которых сжигали те же черные бобы, дымный смрад которых был невыносим для любой нечисти.

Обряды обрядами, но император во время очередного доклада потребовал от Катилия Севера предпринять самые неотложные меры для поиска преступников и восстановления спокойствия в столице.

Глава 9

На следующий день Антонину Пию было доставлено письмо вольноотпущенника Аквилия Регула Люпусиана, проживавшего в своем поместье за Тибром.

Свиток был скручен так, что незаметно вскрыть его было невозможно. Это был отличительный знак особого рода переписки, которую прежний император Адриан вел со своими тайными осведомителями. Это подтверждала и печать Адриана.

Антонин, принимая дела у смертельно больного принцепса, был посвящен в эту тайну. Адриан лично научил его вскрывать свернутый папирус.

...Тит проверил торцы – не касалась ли их чужая рука? Все метки были совмещены. Затем осторожно отрезал прикрепленную печать, развернул папирус. Глянув на исписанные столбцы, кратко, но вполне пристойно выругался – боги тебя накажут! Почерк у Люпусиана был наимельчайший.

«Аквилий Регул Люпусиан императору Цезарю Титу Элию Адриану Антонину Августу.

В последние дни, владыка, в городе произошли зловещие события, связанные с появлением неких огнедышащих призраков, не дающих по ночам прохода законопослушным гражданам. В связи с этим как старый приверженец семьи Элиев и твой верноподданный, сообщаю, что нашествие этих тварей, скорее всего, связано с появлением закоренелого преступника и врага твоего императора Сацердата, посягнувшего на жизнь известного тебе Антиноя.

Сам божественный Адриан в доверительной форме известил меня о гибели юного грека. Именно твой предшественник, по поручению которого я уже который год бдительно слежу за состоянием дел в Городе, попросил меня выяснить – не скрываются ли за смертью дорогого ему воспитанника некая сила или некие люди, тайно злоумыслившие против Антиноя.

Такая связь просматривалась, о чем я сообщил моему благодетелю, однако мне, к сожалению, не удалось добыть неопровержимые доказательства, подтверждающие связь неких недоброжелателей с трагедией, случившейся на Ниле восемь лет назад.

Буду немногословен, государь – появление Сацердата внушает мне беспокойство. Не связано ли оно с тем прежним несчастьем? С какой целью этот объявленный в розыск, особо опасный преступник вернулся в Город?

Беда не в том, что чиновники из городской префектуры не были извещены о прибытии Антиарха (так теперь называет себя Сацердата), а в том, что они не уделили этому факту должного внимания. Особую тревогу вызывает безмятежность нового городского префекта, даже не сообщившего тебе о появлении разбойника. Это умолчание внушает мне определенное беспокойство.

На свой страх и риск я решил предупредить тебе, что Сацердата-Антиарх не просто жестокий и коварный убийца, но и предводитель какой-то секты, члены которой однажды уже пытались совершить покушение на божественного Адриана в Антиохии. Нападение было предотвращено известным тебе всадником Корнелием Лонгом, пригравшим некую Тимофею, бывшую римскую гражданку, запутавшуюся в сетях богомерзкого, противного всем римским обычаям культа.

По непроверенным сведениям, Сацердата прибыл не один, а во главе банды, следы которой мне не удалось отыскать. Мне также не известно, где скрывается Сацердата.

Теперь, приносящий счастье, о главном. Призываю тебя обратить пристальное внимание на то, что покушение на божественного Адриана, случившееся в Сирии восемь лет назад, было чрезвычайно умело организовано. Мое беспокойство связано с тем, что мне до сих пор не удалось выяснить, кто стоял за этими разбойниками.

Из чувства долга и по зову сердца я вынужден предостеречь тебя, благочестивый. Трудно поверить, чтоб скрывающийся от правосудия преступник по собственной инициативе решился бы на такое злодеяние как покушение на Адриана. Поэтому полагаю, что появление в Риме этого разбойника не случайно. Оно вполне может быть связано с какой-либо

возможной террористической акцией против центральной фигуры римской власти...»

* * *

Ознакомившись с письмом, Антонин вызвал к себе соправителя, восемнадцатилетнего Марка Аврелия, и предложил ему ознакомиться с посланием Лупы.

Вместе с Марком пришел и Луций Вер.

Император одобрил – пусть учится...

Марк с не свойственной его возрасту серьезностью отнесся к предупреждению Аквилія Регула Люпусиана.

Немногие в Палатинском дворце знали, что дакский волчонок являлся не только воспитанником и любовником Адриана, но и его доверенным лицом. Еще в бытность наместником провинции Сирии и одним из претендентов на империум Адриан, пользуясь покровительством Траяна и его жены Плотины, заранее расставил своих осведомителей по всем важнейшим городам и провинциям государства. В их число входили вольноотпущенники Адриана, в первую очередь его бывшие эроменосы. Назначенные в провинции фрументариями – то есть чиновниками, в обязанности которых входил контроль за доставкой продовольствия в столицу, они также скрытно надзирали за состоянием дел на местах. В первую очередь их интересовало состояние и боеготовность армейских подразделений, умонастроение высших магистратов, пребывавших в составе администрации наместника провинции, а также степень верности местной знати. Они своевременно извещали патрона о реальном, а не выдуманном чиновниками состоянии дел на местах, о возможных эксцессах, бунтах, злоупотреблениях, а то и заговорах, о которых задумывались не только в Риме, но и в провинциях.

Эта сеть являлась самой надежной уздой, наброшенной на тех, кто мечтал о переделе власти, кто терял меру в добывании богатств из подвластных им территорий или просто впадал в административное безумие, применяя неадекватные меры к преступникам – в первую очередь, к членам всякого рода сект и свихнувшимся проповедникам, которых в ту пору на просторах ойкумены развелось видимо-невидимо.

За теми, кто притаился в Риме, наблюдал Аквилий Регул Люпусиан или Лупа, бывший дакский звереныш, прирученный Адрианом.

Марк так и заявил приемному отцу – Лупе можно доверять!

Антонин поморщился.

– Доверять-то можно, только в таких делах нет места любительству и сторонним доброжелателям. Это дело государственное и заниматься им должно государство. Иначе как быть с провозглашенной Траяном политикой «добродетельной силы», а мы во всеуслышание объявили, что будем следовать его и Адриана заветам? Как быть с «благожелательным отношением» власти ко всем подданным империи, как гражданам, так и не гражданам, что должно вызвать взаимное доверие и активную поддержку населения мероприятий, проводимых государством? Этой линии всецело

придерживался Адриан. Я обещал ему, что ни на шаг не отступлю от нее. Как быть с объявленной Римом приверженностью к строгому соблюдению законов, основанных на науке жизни, которая утверждает, что жить по совести куда выгоднее и дальновиднее, чем погрязнуть во всякого рода двусмысленных, а то и порочных поступках? Кто отважится доверять нам, если мы сами публично или тайно продемонстрируем, что вправе нарушать свои же собственные установления.

Это что же получается – если, например, в Палатинском дворце объявили, что отныне власть отказывается принимать доносы, в воле принцепса сделать для себя исключение? Ведь это письмо – типичный донос, прямо направленный против нынешнего префекта Катилия Севера, который якобы умышленно скрыл от меня появление в городе этого несносного Сацердаты.

Я слышал о нем, Марк. Слышал и о его роли в гибели Антиноя. Я своими глазами видел, какую радость испытали сенаторы, услышав о смерти этого молоденького гречишки. Таких было подавляющее большинство!..

Я поддержал их!

Мы в сенате – кто открыто, кто скрывая чувства под покровом римской невозмутимости, узнав о том, что Адриан излишне привязан к Антиною и метит его в цезари, – испытали неподдельное возмущение от одной только мысли о возможном назначении этого подозрительного юнца властителем римского народа! То есть наследником империи! Я уверен и тому есть подтверждение, что Адриан никогда бы не отважился на это безумное начинание. Но кто знает...

Даже в слухах мелькают проблески истины.

Марк, давай рассудим здраво. Вникнем в последствия, которые могут иметь поспешные меры, принятые на основе этого очень даже немаловажного послания. К этому нас призывает наше ведущее. Как можно требовать от подданных брезгливости к любому, пусть даже основанному на самых добрых намерениях доносу, если верховная власть будет принимать их к рассмотрению? И дело здесь не в возможности обнаружения истины. Дело в нас самих. В тебе и во мне.

– Но не реагировать на это предупреждение глупо! – воскликнул Марк.

– Объясни почему?

Марк, по молодости не в силах усидеть на месте, подбежал к приемному отцу и тыкая в папирус, заявил.

– Здесь же ясно сказано – городской префект не соизволил предупредить о надвигающейся опасности.

– Не надо, Марк, приписывать соображениям Лупы свои собственные страхи и догадки. В письме не сказано, что соизволил и что не соизволил Катилий. Письмо только обращает внимание на этот факт. Впрочем, еще не доказанный факт.

– Значит, ты полагаешь, что не следует придавать этому письму того значения, на котором настаивает Лупа? Значит, не следует заранее позаботиться о собственной безопасности?

– О собственной безопасности следует беспокоиться всегда. К этому призывает разум и природная осторожность, однако даже в этом сверхважном деле нельзя переходить черту, за которой начинаются всякого

рода оправдания, одним из которых являются соображения государственной безопасности.

Кто как не принцепс и цезари должны подавать пример уважения к презумпции невиновности, испытывать отвращения ко всякого рода интригам и, прежде всего, к доносам. В чем же смысл «добродетельной силы», если сами правители начнут лицемерно обходить требование сегодня быть лучше, чем вчера, а завтра лучше чем сегодня.

Ты, я, Луций Вер, – он указал на мальчика, внимательно прислушивающегося ко взрослым, – должны начать с себя. Это незыблемое требование к власти, если у нее есть природное достоинство. Только так можно привить темным людям ясное представление о том, что путь нравственного усовершенствования – единственная возможность сохранить мир и спокойствие на просторах владений римского народа.

Другого пути нет.

Наша задача – на собственном примере научить подданных мужественности, спокойствию и невозмутимости в любых обстоятельствах...

– Даже в таких, когда опасность близка?..

– В таких особенно, – ответил Антонин Пий. – Я говорю это не из досужих рассуждений, которыми уличные философы сбивают с толку простой народ. Они спекулируют на прописных истинах. Учат, что разум, данный человеку, требует поступать хорошо и запрещает поступать плохо, на чем и зарабатывают деньги. Я делюсь с тобой собственным опытом, ведь я старше тебя. Знаешь ли ты, какое самое трудное испытание выпадает человеку, владеющего рабами, отданными под его надзор?

Марк отрицательно покачал головой.

– Высоту власти над людьми необходимо соединить с величайшей любезностью. Это усилит ее еще больше, пусть даже и к неудовольствию придворных слуг. Ведь если все делать без посредников, они уже не смогут запугивать людей и продавать то, что не является тайной.

Поверь, Марк, самое трудное на свете – это держать в узде собственную челядь. Трудности возрастают неизмеримо, когда господин является носителем высшей власти. Те, кто принадлежат ему как частному лицу, начинают вести себя дерзко, поглядывать сверху вниз на всякого, кто пришел к правителю со своими заботами. Как унять этих, приближенных к власти, если каждому из них несут, если каждого из них умоляют принять участие в том или ином деле, в судьбе того или иного подданного, обещая за это солидное вознаграждение?

Адриан пытался справиться с этой бедой удалением своих вольноотпущенников от государственных дел. Он придумал поручить рутинную государственную работу римским гражданам из числа всадников, причем обязательно за плату. Не на добровольной основе, не согласно волеизъявлению граждан, которые, как тебе известно, бывают очень податливы на всякого рода подачки или демагогические обещания, а именно за плату! Мы должны работать в том же направлении. Это требовал от меня Адриан, а я буду требовать от тебя.

Он помолчал, потом продолжил.

– Империя достигла своих пределов и хвала Адриану, что он первым понял это и главное внимание уделил созданию пограничных лимесов (оборонительных линий). Этот этап мы прошли, теперь следует готовиться к грядущим испытаниям, а они непременно последуют, потому что мы не знаем что творится за пределами освоенной нами ойкумены.

Ты спросишь – как готовиться, и будешь прав. Прежде всего, надо копить средства и не тратить их бездумно в угоду тем или иным мелким политическим страстям.

Но главная задача – наша с тобой и Вера – начать с самих себя.

Пора прекратить неумеренные траты Адриана на строительство и обустройство провинциальных городов, на ознакомление с народами, нравами и умонастроениями, преобладающими в той или иной части империи. Время путешествий истекло, вот почему я решил заняться экономией и ограничился двумя своими виллами под Римом. При нынешнем состоянии дорог любой гонец в течение недели или двух доставит мне самое срочное известие. Кроме того, существует факельная связь. Это означает, что незачем самому лезть в самые занюханые дыры империи и лично вникать в тамошние дела. Необходимо также установить новый порядок приема докладов *фрументариев*. Это означает, что верховной власти необходимо обеспечить любому магистрату законную возможность ознакомиться с отчетом о его деятельности.

– И на местах тоже?

– И на местах тоже! Если кто-то посмеет покуситься на правдивость *фрументариев* или потребовать от них скрыть то или иное злодеяние, он должен быть жестоко наказан. Не поступил отчет в срок или в отчете вдруг выявились неверные данные – сразу комиссия из людей неподкупных и разумных. Причем сроки рассмотрения – минимальные! Только так можно приструнить аппарат.

Эта насущная мера возможна только в том случае, если сам обладатель верховной власти готов показать пример такой добровольной открытости.

Моя жена спросила на неделе – теперь, когда ты стал императором, скажи, в чем выражается твой новый статус, чем мы теперь владеем и насколько может вырасти наше состояние?

Я ответил – уже ничем. Все наши средства принадлежат римскому народу, и наша обязанность научиться с наибольшей пользой тратить их. Это азбучная истина Марк, и я надеюсь, ты ее усвоишь. Вот почему я просто не имею ни права, ни желания придавать какое-либо значение доносу Лупы.

– Как же ты поступишь с письмом Лупы?

– Я не буду на него отвечать.

– А если опасность реальна?

– Хорошо, я поговорю с Катилием. Когда наступит подходящий момент... И вот что еще – дело Сацердаты относится к компетенции государства. Оно и должно им заниматься. Мое доверенное лицо по этой части Флавиний сейчас находится вдали от Рима, инспектирует *фрументариев* в провинциях. Вернется и мы поручим ему это дело.

Опрамоаса вернулся в Рим в конце декабря, за три дня до январских календ.

Он выложил все – и то, что племянники пропали, следы затерялись и никто не знает, где их искать; и что охрана у Лупы уже не та – соотечественники постарели и не с прежней лихостью владеют изогнутыми вперед мечами; и что есть у него на вилле доверенный человек, который всегда подскажет, когда наступит удобный момент. Если, конечно, ему хорошо заплатить.

Антиарх кивнул.

– Я тебе хорошо заплатил? – спросил он Опрамоасу.

– Не жалуюсь, – кивнул однорукий.

– Вот и у твоего человека не будет повода жаловаться. Теперь слушай внимательно – твоя задача отыскать тройку негодяев самого мелкого пошиба и натравить их на тех, на кого я укажу. Сможешь исполнить?

Однорукий задумался, затем вновь кивнул.

– Вот и займись этим. Твоя задача добиться от этих людишек такой готовности, чтобы через час-два они были в указанном месте.

– А где это место? – поинтересовался Опрамоаса.

Антиарх долго и внимательно изучал лицо дака. Тот не выдержал, отвернулся начал оправдываться.

– Это я так, хозяин. Для пользы дела.

– Это место расположено возле храма Флоры. На том берегу Тибра.

Опрамоаса присвистнул.

– Вот ты куда метишь, хозяин! Как раз река замерзла.

– Ты все понял, Опрамоаса?

Тот кивнул.

– Вот и приступай.

* * *

Не дождавшись ответа из Палатина, Лупа выбрал день и отправился с визитом к вольноотпущеннику Ларцию Корнелию Эвтерму, жившему на Целийском холме.

Годы шли, а Лупа все еще ходил в холостяках. Память о последней любви не угасала и за прошедшие восемь лет он окончательно сжился с одиночеством. С женщинами, даже теми вольноотпущенницами, которые изредка ложились рядом, был холоден.

В Городе к Лупе всегда относились предвзято, ведь толпа везде и во все времена злопамятна к выскочкам. После смерти венценосного покровителя уличный плебс не давал ему прохода, кривляясь и оскорбляя всякий раз, когда заставлял его носилки на городских улицах.

Он теперь редко выезжал из дома, расположенного на противоположном берегу Тибра, однако с того момента, как в городе появился Сацердата, отсиживаться в своем убежище было смерти подобно.

На разговор с Эвтермом его подвиг многозначительный отказ императора ответить на его письмо. Это означало, что в предупреждениях, особенно со стороны бывшего раба, искалеченного сенатором Регулом, любимца

Адриана и самого надежного его фрументария, державшего под контролем весь знатный Рим, новая власть не нуждается.

К этому выводу Лупа отнесся спокойно – нет так нет! Значит, самое время подумать о себе. Кто, кроме Эвтерма, мог помочь ему в этом деле?

Их многое связывало. Разделяло только неистовая приверженность Эвтерма вере в скорое пришествие распятого в Иудее пророка.

... тогда каждому будет воздано по делам его.

... возлюби ближнего своего (ага, Сацердату), и возлюбим будешь (это вряд ли).

... блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное (возможно).

... блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (верится с трудом).

В поучениях Эвтерма было много еще таких же оторванных от жизни сентенций, называемых заповедями, но все они, как полагал Лупа, вряд ли помогут ему выжить и справиться с несчастьями, которые после смерти любимой женщины и кончины Адриана сыпались на него.

Поторопиться Лупу заставила еще одна беда. В те дни в Риме замерз Тибр и возможность беспрепятственно пересекать реку в любое время дня и ночи, минуя охрану мостов, заставила его насторожиться.

В путь он отправился ближе к полудню.

День выдался холодный, но ясный и солнечный. Тени казались вполне малосенькими, почти ручными.

Эвтерм, предупрежденный мальчишкой-посыльным ждал его. Во внутреннем дворике-атрии Лупу также встретил хозяин дома – молодой Бебий Корнелий Лонг и венчанная жена Эвтерма Зия.

Она заметно постарела, раздалась вширь. Встретила Лупу со вздохами, пожаловалась на грехи наши тяжкие – при этом выразительно глянула на Бебия.

Порасспросив о домочадцах, о здоровье, Лупа попросил провести его к Эвтерму.

– Время дорого, – объяснил он.

Эвтерм встретил его на пороге своего кабинета. Они обнялись, расцеловались. Хозяин посетовал, что Лупа забыл о них, уже год, как не появлялся в доме, где устроилось его счастье.

– Эвтерм, – оборвал его Лупа. – Я смотрю ты совсем постарел, стал многословным, забывчивым. Ну-ка возьми себя в руки, прояви римскую твердость и невозмутимость, к которой призывают нелюбимые тобой философы.

– Пусть их призывают, – вздохнул Эвтерм. – От их призывов ни жарко, ни холодно. Впустую молотят языком, впустую учат, впустую жизнь проживают...

Лупа взял Эвтерма за обе руки.

– Послушай, дружище, сейчас не время обсуждать, тем более осуждать философов. Настал момент в первую очередь подумать о себе. В Городе появился Сацердата!

Эвтерм невозмутимо пригласил гостя присесть.

Сам устроился напротив.

Предложил отобедать.

– Это после, – отмахнулся Лупа. – Я пришел предупредить тебя, ведь ваш дом представляет для него особый интерес. Помнится, у вас здесь поймали преступника, который пытался похитить золотую руку Домициана.

Эвтерм вздохнул.

– Было дело. Что ж, придется усилить охрану...

– С этим я и пришел к тебе. Я готов одолжить тебе своих даков, но, боюсь, что этим дела не исправишь. Все обстоит намного хуже. Я написал императору, что с появлением Сацердаты опасность его жизни очень возросла, ведь никто иной как этот разбойник, ныне называющий себя Антиархом, сгубил Антиноя. Его подручный утопил красавчика в Ниле.

– Судьба этого языческого божка меня мало интересует. По всем городам ему возводятся храмы.

– А собственная судьба тебя интересует? Здоровье и жизнь Зии, Бебия, тех кто столько лет жил рядом с тобой?..

– Лупа, тебе не кажется, что ты преувеличиваешь опасность. Прошло столько лет...

– Нет, не кажется. Таким как Антиарх годы не помеха. Да, пока жив Антонин, разбойник вряд ли отважится напасть на твой дом, но я боюсь... у меня есть непроверенные сведения... Одним словом, Антиарх не случайно объявился в городе, как не случайно было его участие в убийстве Антиноя. Кто-то позвал его. Кто-то шепнул – пора...

– Что ты хочешь от меня? Неужели полагаешь, что я могу заставить императора принять особые меры предосторожности. Мы знакомы, но вряд ли как принцепс он нуждается в советах бывшего вольноотпущенника, пусть даже и надзирающего за Бебием, другом Марка.

– Я не настолько глуп, Эвтерм, чтобы бороться за кого-то вопреки его воле. Я забочусь исключительно о себе, ведь если заговор, в котором примет участие Сацердата, удастся, мы с тобой лишимся всего. Ты хочешь на старости лет лишиться всего? Например, жизни?..

– Нет, не хочу. Чем я могу тебе помочь?

– Себе тоже. Ты ходишь в приятелях деда молодого цезаря сенатора Анния Вера. Тот имеет исключительное влияние на своего внука, пусть теперь Марк не принадлежит к его семье. Объясни ему ситуацию. Пусть он встретится с Антонином, пусть постарается убедить его, что опасность не только реальна, но и близка.

– Послушай, Лупа, почему Антонин оставил твое предупреждение без ответа? Помнится, он всегда хорошо к тебе относился, и, я думаю, бывший император не забыл порекомендовать тебя как верного человека.

– Он счел мое предупреждение доносом! Антонин решительно против всяких доносов – об этом меня тайно известил мой человек во дворце.

– Доносом? На кого?!

– На префекта города Катилия Севера. Он вдруг решил, что меня либо втянули, либо я сам на свой страх и риск затеял скверную игру. Вот зачем мне нужен Анний Вер. Если даже он не сможет переубедить этого поборника законности, тогда дело худо.

– Узнаю Антонина! – с горечью вымолвил Эвтерм. – Его добропорядочность порой вызывает уныние или, что еще хуже, сомнения в умственных способностях. Я однажды намекнул при нем, что в жизни всякое бывает, и власть порой неизбежно бывает вынуждена прибегнуть к не совсем законным мерам. Знаешь, что он мне ответил? Он сказал – «взгляни на меня. Мне скоро пятьдесят. Я прожил долгую жизнь и, как видишь, кое-чего добился. Как, впрочем, и ты, Эвтерм... Я хочу пожить еще, и так, чтобы завтра было лучше чем сегодня. Ну, хотя бы не хуже. Того же самого я хочу и для всех подданных империи».

Я его знаю – он бывает упертым до невозможности. Порой он отрицает самые очевидные истины. С другой стороны, когда мы предоставили ему доказательства ужасов, которые испытывают мои единоверцы, лишённые права открыто поклоняться своему Богу, как это позволено последователям Изиды, Сераписа, Митры и прочих, прочих, прочих, он издал указ о недопустимости принуждения к исполнению несвойственных тому или иному культу обрядов. Даже евреи добились от него отмены запрета Адриана совершать обрезание младенцам, которые «бородатый» счел изуверством и кощунством над матерью-природой. Он разрешил обрезанием, но только в том случае, если оно не носит характера религиозного обряда.

Вот чего Тит никогда не позволит, так это возродить доносы.

На него самого, знаешь, сколько писали – не сосчитать! И в бытность его военным трибуном и вигинтивиром²², и будучи квестором, где он проявил щедрость при устройстве зрелищ. Был он и претором, и консулом²³. В сенат он был избран по прямому представлению Адриана.

После своего консульства Антонин, в силу своего характера, вышел в отставку и отправился вести спокойную жизнь в загородный дом. Но долго свободным от должностей Адриан не позволил ему оставаться. Император включил его в состав коллегии из четырёх консуляров, которым было поручено управлять италийскими судебными округами, причём свои обязанности Антонин исполнял в таких богатых областях, как Этрурия и Умбрия, где находились императорские имения. Это была немаловажная должность, особенно во время отсутствия императора в Италии. На неё мог быть назначен только лояльный и заслуживающий доверия человек.

Эвтерм помолчал, потом добавил.

– Если бы ты знал, сколько раз его обвиняли в предвзятости при вынесении приговоров, в попытках воспользоваться служебным положением в собственных интересах, в недопустимой для истинного римлянина мягкотелости, в поклонении примитивным развлечениям, например в любви к котам.

Лука удивился.

---

²² Один из двадцати древнеримских чиновников, обязанных надзирать за производством монет, тюрьмами, чистотой улиц и казнью преступников.

²³ Конституционный глава государства, избираемый сенатом по представлению императора. Октавиан Август лишил консулов большей части военных полномочий, но оставил председательство в сенате и номинальную ответственность за ведение оперативного гражданского управления. Должность консула служила необходимой предпосылкой для последующего занятия других постов (например, консульского наместничества).

– И такое было?

Хозяин кивнул.

– Эта язва писать доносы даже после стольких лет правления великого Траяна, после послаблений Адриана все еще живет в гнусных сердцах его подданных.

Тот же Гомул! Знаешь, какой подлый спектакль он устроил? Мать молодого Марка Аврелия любит посещать римские храмы – точнее, местные капища. Как-то он прибежал к императору и спросил – знает ли, благочестивый, о чем молится эта женщина? Нет, ответил, император, не знаю. Она молится о твоей скорейшей кончине, чтобы престол как можно скорее достался ее Марку. Антонин попросил Гомула больше не беспокоить его такими глупостями.

– Это тебе Анний рассказал?

– Да.

Лула вздохнул.

– Да, такого не перешибешь. Значит, надо самим позаботиться о собственной безопасности. Что там насчет угощения. Ты обещал накормить меня самыми изысканными блюдами...

Глава 11

Лула покинул дом Лонгов засветло.

В носилки уселся успокоенный разговором с Эвтермом. Старый друг обещал посодействовать встрече Анния Вера с вольноотпущенником.

Путь с Целийского холма за реку был неблизкий – по Священной дороге, мимо форумов до самого Марсова поля, затем через Элиев мост на правый берег Тибра. Пересечь реку по льду Лула не отважился.

Между тем короткий зимний день кончался. Скоро тени слились в неясные мрачноватые сумерки.

Уже в темноте кортеж миновал Элиев мост. Охрана, выставленная у Аврелиевых ворот, без лишних вопросов открыла ворота, и носилки, несомые четверьмя громадными молодыми рабами покачиваясь двинулись в гору.

* * *

Вилла Аквилія Регула Люпусиана располагалась на правом берегу Тибра, в живописном месте, где устраивали свои парки и сады Помпей и мать Нерона Агриппина.

Вход в усадьбу располагался за небольшой площадью, чуть правее храма Флоры. К дому вели роскошные пропилеи²⁴ с колоннами из зеленого каристийского мрамора, проход был замощен белейшими, тоже мраморными плитами.

В глубине парка рисовался дом. Строение было из простеньких, без всяких украшений, но обширное, в два этажа, оконца маленькие – другими

---

²⁴ Колоннада или симметричные портики перед входом в здание или на какую-либо территорию.

словами, вид был неказистый, особенно в сравнении с роскошными входными портиками и регулярным парком, который славился в Риме своими диковинками и чрезмерным обилием статуй.

Вилла досталась сенатору Марку Аквиллию Регулу от одного из самых богатых людей Рима Веллея Блеза. Это случилось в царствование Домициана. Веллей, чувствуя приближение смерти, поддавшись угрозам наглеца-сенатора донести на него Домициану в «оскорблении величества», пообещал Регулу оставить ему в наследство свою знаменитую усадьбу за Тибром, однако в оглашенном завещании не оказалось ни слова о Регуле. Узнав, какую шутку сыграл с ним богач, сумевший провести самого пронырливого кляузника, которого знал Рим, Регул пришел в ярость, но успокоился тем, что купил у наследников Блеза этот парк и выбросил оттуда все, что напоминало о прежнем хозяине.

В свою очередь нынешний хозяин Аквиллий Регул Люпусиан приказал снять все скульптурные изображения своего прежнего хозяина, которых было около полусотни, однако пьедесталы оставил.

Для напоминания о преходящей славе.

Ночь выдалась морозная, безлунная, светлая.

На небе высыпали звезды – свидетели дел земных.

Во тьме белела уложенная камнем дорога, плавно с изгибом, поднимавшаяся вверх к белевшим в призрачном мраке колоннам храмового портика.

Миновали храм. За ним сразу и резко очертились светлые пропилеи, ведущие к дому.

Неожиданно истошный женский вопль разбудил задремавшего после вкусного обеда Люпусиана.

Он откинул занавеску и разглядел, как из-за шпалеры сбросивших листву кустов на дорогу выскочила фигура в белом. Следом к храму выскочил какой-то невысокий парнишка, отчаянно махавший бликующем в свете факелов лезвием кинжала. За парнишкой на дорогу выбрался какой-то укрытый плащом, разбойного вида человек и закричал.

– Луций, заходи справа! Держи девку!.. А ты, Марк, уйми мальчишку. Ну-ка вызовите тень!

Раздался залиvistый разбойничий свист, и в следующее мгновение внезапно из черных завес, заглушавших колонны храма, выдвинулась темная, зыбкая фигура.

Неожиданно фигура полыхнула огнем. На глазах раздувавшийся язык пламени метнулся в сторону кортежа Лупы.

Молоденький раб, идущий впереди кортежа, бросил потухший факел и метнулся в кусты. Сопровождавшие Лупу охранники отпрянули.

Лула неловко выбрался из носилок и призвал.

– Даки, даки! Вперед!

Мальчишка, пытавшийся защитить женщину, что есть силы завопил.

– Даки, на помощь!! Здесь тоже даки! Мы – даки!.. А-а-а-!..

Лула бросился вперед, а предводитель охраны, прикрывшись щитом, двинулся в сторону тени, замешкавшейся на ступенях храма.

Тень, метнувшая еще одну порцию огня, начала медленно отступать. Кто-то из охранников отогнал напавшего на мальчишку разбойника. Тот закричал от страха и сбежал в кусты.

Прошло еще несколько минут, и поле боя было очищено от негодяев. Пропала и тень.

Тяжело дышавший Лупа подбежал к жертвам. Одной из них был мальчишка неопределенного возраста, другая – молодая, рыдавшая в голос девица. Заметив спасителя, она бросилась к нему и спряталась у Лупы за спиной. Охранники окружили несчастных.

– Кто здесь дак? – спросил по-латински начальник охраны.

– Мы! Мы! – воскликнул парнишка.

Затем заговорил наперебой.

– ...я и моя сестра... люди, вы даки? Хвала Залмоксису, вы спасли нас от смерти... спасли от позора!

Охрана Лупы столпилась возле несчастных.

– Что вы делаете в такой поздний час. Где ваш дом? – спросил Лупа.

Мальчишка отчаянно зарыдал.

– У нас нет дома, а здесь мы оказались потому, что люди подсказали – за рекой живут даки. Скажите, люди, знаете ли вы вольноотпущенника Аквилия Регула Люпусиана.

– Знаем, – ответил Лупа. – Зачем он вам?

– Мы его племянники. Я и моя сестра. Мы жили в Анконе, Отец наш умер, мать тоже умерла, а новый хозяин оказался слишком жесток к «нахлебникам» – так он называл нас. Он решил продать нас в лупанарий.

– Обоих? – удивился Лупа.

– Да. Он сказал, что цена на мальчишек очень поднялась. Мы решили бежать. От матери мы знали, что в Риме живет наш дядя Лупа. Мы решили его найти и попросить приют. Иначе смерть или позор.

Наступила тишина. Лупа и его стражи пристально разглядывали несчастных.

– Хорошо, – произнес Лупа по-дакски. – Я обеспечу вам приют.

Мальчишка ответил тоже по-дакски, с чудовищным акцентом, но правильно и уместно.

– Ты – добрый человек, и боги возблагодарят тебя за доброту.

Часть II

На грани света и тьмы

Люди, как утверждал Платон, всю жизнь пребывают в пещере. Всё, что нам дано узреть – это только тени на стене.

Так ли это?

Автор

В конце сентября, в самое золотое и сытое римское время, наследник всадника Корнелия Лонга, Бебий ощутил, как на него неожиданно-негаданно свалилась слава.

Им заинтересовались, о нем заговорили, ему завидовали, особенно те, кто считал себя обойденным удачей. И все по милости его лучшего друга Марка Аврелия, усыновленного новым императором Антонином.

Новый статус Марка волей-неволей потянул за собой Бебия. Теперь молодой патриций был уже не просто всадником среднего достатка, но «лучшим другом» наследника престола. Он стал вхож в императорский дворец, во время гладиаторских боев Марк усаживал его в императорскую ложу. Правда, ни тот ни другой особой склонности к кровавым развлечениям не испытывали, но вслух пристрастия толпы не порицали, ведь согласно требованиям философии недостойно осуждать человека только за то, что он несведущ в понимании добра. Не лучше ли и не полезнее направить усилия на просвещение темных и указания пути заблудшим? Но для этого необходимо было определиться с главным – насколько человек волен в своих поступках и как отличить добродетельное деяние от постыдного? В этом поиске они оба – Бебий и Марк – сходились без всяких зазоров.

Их спорами не брезговал и новый император. Правда, со временем Антонин все дальше и дальше отдалялся от захватывающих дух, но отвлеченных философских рассуждений, направленных на поиск истины. С тех пор, как на восточной границе зашевелились парфяне, а в Риме начала твориться неподвластная разуму чертовщина, и сумеречные знамения словно назло подтверждали скорый приход ночи, – ему просто не хватало времени на досужие разговоры.

* * *

– ...ознакомься! – император протянул свиток Марку Аврелию. – Твой Люпусиан никак не может угомониться. Он прислал мне еще одно письмо.

Принцепс и молодые соправители устроились в императорских покоях, расположенных возле зала Гермеса по другую сторону Солнечной галереи.

Марк Аврелий принял свиток и углубился в чтение.

«Аквиллий Регул Люпусиан императору Цезарю Титу Элию Адриану Антонину Августу.

...не ответив на мое предыдущее послание, владыка, ты не избавил меня от обязанности исполнить долг по отношению к государству, служить которому меня призвал твой предшественник.

Тебе, благочестивый, стоит только приказать, и я умолкну, но до того момента я обязан говорить то, что считаю нужным, особенно по вопросам, имеющим чрезвычайно важное значение для благополучия государства.

...признаюсь, я долго колебался прежде, чем решился сообщить факты, которые дошли до меня из Египта.

... твой священной памяти отец всегда считал эту провинцию и, прежде всего, ее столицу Александрию, рассадником всяких безумств – от нелепых религиозных сект до не угасшего и поныне духа превосходства, которое испытывает всякий считающий себя образованным грек в сравнении с римским «варваром».

Верные люди сообщают о неуместных разговорах, которые позволяют себе местные высшие магистраты, в том числе и военные, по отношению к новому принцепсу. Я буду откровенен, потому что умолчание в таких вопросах, тем более льстивые попытки сгладить углы, могут привести к самым серьезным последствиям. Мне не будет покоя, если я поддамся на удочку внушаемого властью ужаса, желания выслужиться или, что еще хуже, тайного злорадства, поэтому пишу как есть.

В высших кругах Александрии открыто обсуждаются перспективы твоего царствования и обсуждаются в откровенно мрачных тонах – император, мол, слаб, неповоротлив. Его сопративители – молокососы, а тут в Африке, в приграничной провинции, творится черт знает что! В Иудее опять зашевелились иудеи – приверженцы наихудшего из культов, возвеличивающих единого бога в ущерб всем остальным небожителям, в том числе и тех, кому поклоняется римский народ. В Киренаике участились случаи набегов кочевников. В самом Египте, являющимся житницей Рима, отмечены факты прямого неповиновения центральным властям, причем по моим данным местная администрация мало того, что скрывает эти факты, но, случается, потворствует им.

Более того, кое-кто из местных вояк позволяет себе предосудительно заявлять, что пора Египту самому решать свою судьбу. Рим далеко, в Риме орудуют полчища лемуров и лярвов, власть бессильна, население в панике. Это, мол, дает возможность провинциальным властям самим позаботиться о себе.

Поверь, владыка, я бы не придавал значения всем этим досужим разговорам. Недовольные всегда будут трепать языками, если им эти самые языки не укоротить, – однако во всей этой истории существует тень чего-то более опасного, чем просто пустопорожняя болтовня. По свидетельству знающих людей, все эти разговоры возникают не без подачи из Рима. Кто-то в столице очень ловко будоражит провинции, и не только Египет, но также Сирию и Испанию. Кто этот «доброжелатель», мне разузнать не удалось. Опыт подсказывает, этот злопыхатель принадлежит к сенатской оппозиции, причем он не из последних, если к его словам прислушиваются командиры легионов на местах и провинциальная знать...»

Марк поднял глаза на приемного отца.

– Неужели и на этот раз не будет никакого ответа?

Антонин кивнул.

Марк Аврелий возмутился.

– Но почему?! Можно хотя бы встретиться с Люпусианом. Это, надеюсь, не возбраняется?

– Возбраняется. Тебе тоже. Ты не принадлежишь себе, Марк, так что будь любезен соответствовать должности. Знаешь, сколько мне пишут? Меня буквально заваливают горами жалоб, кляуз, просьб – что просьб! –

требований о помощи! Мне описывают жуткие истории о диких выходках, которые позволяют себе чиновники на местах. Хвала богам, я их не читаю! Так что в нынешних условиях поддаться на организацию встречи с Лупой, значит, изменить себе, а это самое худшее, что может случиться с правителем. Если вольноотпущенник прав, этот самый «кто-то» только и ждет, чтобы мы с тобой оступились.

– Но как он узнает о встрече?!

– Узнает, – вздохнул Антонин. – Как, я сам хотел бы знать... Люпусиян давным-давно находится под колпаком, ведь он был особо доверенным лицом нашего предшественника. Я это знаю наверняка. Он сообщал Адриану обо всем, что творится в городе. Адриан выводывал через него, что делалось втайне.

После короткой паузы Антонин продолжил.

– Ты прав в том, что и не ответить нельзя. Есть два пути решения проблемы: первый предлагает Лупа – укоротить языки; второй – не терять самообладания, а последовательно и без спешки просвещать народ.

– И даже этого неизвестного злопыхателя?

– Таких, как он, в первую очередь! – кивнул император. – Я склоняюсь ко второму варианту. У нас столько дел, мы просто не можем поддаться паническим настроениям. Прежде всего необходимо закончить строительство мавзолея, в котором упокоился наш предшественник, затем как можно быстрее заняться починкой свайного моста через Тибр. Грекостадий и Колизей требуют ремонта. Боюсь, одной покраской здесь не обойдешься. Придется взяться за глубокую реставрацию. Требуется восстановления Эмилиева дорога, нельзя откладывать расширение сети дорог в Нижней Германии. Но, в первую очередь, следует заняться Британией. Нам необходимо отодвинуть северную границу на пару сотен миль к северу. Тем самым мы утихомирим тех, кто сокрушаясь о прежней славе Рима, требует непомерных завоеваний, на которые у нас теперь нет денег.

Что касается внутренней политики, первый шаг мы сделали. После утверждения сенатом моего империума я отменил разовый сбор, назначенный по поводу моего и твоего усыновления, целиком для жителей Италии и наполовину для провинциалов, но от этого денег в казне не прибавилось. Знаешь почему? Потому что обнищавшее население не в состоянии платить даже очередные налоги. Что уж тут говорить о дополнительных сборах! Значит следует отыскать источники денег, а тут еще этот Лупа со своими воплями о заговоре.

Вот тебе задачка на сообразительность – как совместить наши обязательства по отношению к открытости, милосердию и согласию с решением самых неотложных задач?

Сам сообрази, как я должен поступить с письмом Лупы, который самим Адрианом приучен к исполнению долга, – и в то же время не дать ни малейшего повода говорунам в сенате и бессчетным охотникам поживиться за свет казны публично осуждать нас за невнимание к их требованиям?

– Мне ничего не приходит в голову.

– В этом случае не плохо было бы использовать твоего друга Бебия Лонга, чей воспитатель Эвтерм, несмотря на христианские заскоки, плохому не научит.

– ...другими словами, организовать неофициальный канал связи, который не дал бы повода никакому злопыхателю обвинить нас в двуличии и тайной подготовке репрессивных мер ко всякому нашему недоброжелателю.

– Именно! Я хотел бы поручить тебе уладить этот вопрос и держать его под контролем. Парфянами, дорогами, строительством мавзолея и ремонтом храмов я займусь сам, а ты подумай, как оформить связь с Лупой. И не только с ним, но и с теми доверенными фрументариями, которых рассадил по провинциям наш предшественник, а также поискать своих, тебе лично преданных людей.

Что касается оппозиционеров, вопящих на каждом углу о нашей лености и нежелании сокрушать врагов, подумай над тем, чем можно заткнуть им рот.

– Маленькой победоносной войной?..

– Правильно. Нам нужна кампания, которая не подорвала бы наши усилия сэкономить средства и подготовиться к грядущим испытаниям. Вот тебе еще задачка на сообразительность, которую задал мой отец. По какой причине Адриан и государственный совет решили именно мне доверить империи, выставив при этом условие усыновить тебя и Луция Вера?

Марк развел руками.

– Отец, ты предлагаешь мне поразмышлять над тем, что уже свершилось?

– Это «свершилось» еще очень зыбко. А поразмышлять никогда не вредно. Это очень помогает сохранить самообладание. Только старайся размышлять на пергаменте, тогда в трудную минуту у тебя всегда будет под рукой ответ на самые трудные вопросы.

После короткой паузы император пояснил.

– Кое-кто утверждает, будто Адриан усыновил меня, потому что я не допустил, чтобы он покончил жизнь самоубийством. Другие настаивают, будто я ни разу не перечил Адриану. Третьи – из числа завистников – кричат, будто это случилось после того, как я, когда Адриану стало дурно, на глазах сената поддержал его под руку. Тебе не кажутся смешными подобные объяснения?

Марк кивнул.

– Адриан усыновил меня, – голос у императора дрогнул, – потому, что оба моих сына, Фульв и Антонин, умерли в малом возрасте, причем оба они были Марки Аврелии. Задумайся, что есть самое страшное в деспотии – а мы с тобой деспоты, пусть и «добряки», благожелательные и добродетельные, но деспоты... Самое страшное в деспотии – это передача власти по наследству. Этого не может избежать ни один самодержец. Единственное снадобье – воспитание преемника. Он не может быть кровным родственником

– Я понимаю, отец, – тихо ответил Марк. – Адриан доверил тебе воспитать меня, а я займусь этим с Луцием Вером, тем самым будет исключена передача власти не по наследству, а по мере готовности претендента. Я никогда не забуду твой урок. Я всегда буду с тобой, ведь я тоже Марк Аврелий.

Император не ответил.

Глава 2

Бибий Корнелий Лонг влюбился в Пантею с первого взгляда.

Он наткнулся на нее случайно, в коридоре дома Лупы, куда отправился с предложением Марка организовать тайную связь. Девушка как бы случайно вышла из тени, отбрасываемой занавеской, прикрывавшей вход в какую-то комнату. Увидев незнакомого молодого человека, воскликнула «Ах!» – и скрылась за занавеской.

Бибий не удержался – приблизился, откинул прошитую золотыми нитями кисею и при тусклом дневном свете, попадавшем в комнату через затянутое слюдой маленькое оконце, увидел как неизвестная красавица, подняв подол туники, быстрыми движениями потирает в ногу выше колена.

Заметив знакомого, она еще раз ахнула, однако подол не опустила и, демонстрируя ножку, объяснила.

– Вот, ударилась!

Бибий вошел в комнату.

– Рад помочь.

Девушка спустила подол.

– Не надо.

Бибий неловко поклонился и вышел из комнаты.

Лупа, поджидавший молодого человека в атриуме, оказался невольным свидетелем этой сцены.

Он, уже собравшийся окликнуть Бибию, на мгновение замер. Несколько дней назад ему тоже повезло на том же самом месте наткнуться на эту вновь обретенную родственницу. Вспомнился тот же «ах!», неловкость, его желание помочь, когда он заглянул в комнату, вспомнилась ножка, выгодно освещаемая свечой.

Следом повеяло насторожившим его на днях недоумением, которое он испытал, наблюдая издали, как новоявленный племянник попытался погладить одного из привязанных молосских псов, охранявших территорию усадьбы.

...пес зарычал, мальчишка едва успел отдернуть руку. Неожиданно вся свора иступленно залаяла и попыталась набросить на знакомого.

...вот что отложилось в памяти. Псы всегда вели себя с чужаками очень неласково, но со своими были добры и покладисты, а ведь Вика уже общался с ними, но в компании с другими даками.

Дурное предчувствие было смутным, навеянным, скорее, неосознаваемой тревогой, в которой все это время пребывал Лупа после того, как узнал о появлении Сацердаты. Никакой связи между вернувшимся в Рим негодяем, решившим отомстить новоявленному наследнику сенатора, и внезапно отысканными племянниками не было, но смущал сам факт совпадения во времени. Более десятка лет ведя двойную жизнь ненавидимого многими в Риме случайного выскочки и тайного соглядатая Адриана, он многому

научился. Первый урок преподавал ему прежний император. Он заучил его наизуток.

Доверяй, но проверяй!

Он уже и до прихода Бебия прикидывал – не послать ли верного человека в Медиолан, чтобы выяснить все подробности появления «племянников» в Риме. До сегодняшнего дня все откладывал – дети вели себя прилично, куда не надо, нос не совали, а ведь у него в доме хранилось много всяких драгоценных штучек, а также кое-какие бумаги, изобличающие недовольных Антонином сенаторов. За эти бумаги они золота бы не пожалели.

Или его жизни...

Тем более, когда от ныне царствующего принцепса поступил насколько благородный, настолько легкомысленный ответ.

Вернее никакого ответа, что поставило Лупу в тупик и еще более настрожило его в отношении того, что совершается в тени, в которой прячутся сенатские оппозиционеры. Как оказалось, в мыслях нового властителя Рима тоже царит сумбур и сумерки.

...он подозвал Бебия. Тот обрадовался, вскинул в приветствии руку, и Лупа пригласил его в свой кабинет.

* * *

Уже в кабинете, разместившись друг напротив друга в плетенных креслах, Бебий заявил.

– Я здесь по просьбе Марка Аврелия.

Лупа удивленно взглянул на него.

– У него есть к тебе дело и, на мой взгляд, не терпящее отлагательств. Не сочти за труд посетить наш дом в удобное для тебя время...

Лупа перебил юношу.

– Может в удобное для сопровителя время?

– Можно и так сказать, – кивнул Бебий.

– Зачем я понадобился наследнику?

– Мне поручено ничего не скрывать от тебя. Марк попросил меня поговорить о твоём письме принцепсу. Его молчание не означает, что там, – юноша ткнул пальцем в сторону Капитолийского холма, – не придали значения твоим предупреждениям. Придали и очень серьёзное, но момент сейчас такой, что публично ни о твоих подозрениях, ни об опасностях, которые могут угрожать верховной власти, говорить вслух неуместно. По причине твоей безопасности тоже. Марк доверил мне сообщить, что связь с ним следует поддерживать на частном уровне, в этом случае никто не сможет заподозрить, что власть затевает что-то предосудительное. Марк просит обдумать его предложение и наметить предварительные меры, которые бы способствовали прояснению обстановки.

Лупа кивнул.

– Хорошо, я обдумаю. Как поживает Эвтерм и Зия? Почему ты не расскажешь о себе? Чем занимаешься, чем собираешься заняться?

– Мне предложили вступить на государственную службу, но только после того, как я как частное лицо побываю в провинциях.

Лула пригладил волосы и поинтересовался.

– С какой, если не секрет, ты решил начать?

– С Сирии, где начинал божественный Веспасиан.

После паузы Лула неожиданно предложил.

– Не лучше ли отправиться в Египет? Например, в Александрию?..

– Я понимаю, к чему ты клонишь и, хотя я не знаю, что было в твоём письме принцепсу, но Эвтерм почему-то убежден, что если где-то тени начинают сговариваться, то это в Антиохии.

– Нет, скорее в Александрии. Это опасно, Бебий, – предупредил Лула.

– Когда-то же надо начинать... Скажи, кто эта девица, которую я встретил в проходе?

– Это моя внезапно ожившая племянница. Они попросили дать им убежище, я не отказал. Более я ничего не знаю.

– Ага, – засмутился Бебий. – Я пойду.

– Обедать не останешься? Я познакомлю тебя с родственниками.

– Я не прочь...

* * *

Домой Бебий вернулся затемно.

Тибр перешел по льду – точнее, перебежал. Одним махом по мраморной лестнице, украшенной на промежуточных площадках скульптурами героев и богов, взлетел до середины Целийского холма. Добравшись до скамьи, над которой нависала статуя Амура, натягивающего тетиву своего волшебного лука, протянул к божеству руки.

– Умоляю, больше не трать на меня стрел!..

Затем признался небожителю – «...сегодня ты, сын Венеры, попал в цель».

Дома его встретил встревоженный прокуратор и пригласил следовать за собой. Впопыхах, не желая расставаться с волнующими мыслями о Пантее, поинтересовался.

– Куда ты меня ведешь, старик?

Домоправитель промолчал и ввел молодого хозяина в кабинет Эвтерма. Опекун с мрачным видом сидел возле стола, напротив в кресле расположилась его супруга Зия.

Бебий с ходу спросил.

– Что вы сидите как в воду опущенные? С кем случилась беда?

– С тобой, Бебий, – ответила женщина.

Молодой человек растерялся – и двух часов не прошло, как он влюбился в Пантею, а им уже все известно!..

Ну, дела!..

– Я давным-давно напялил гражданскую тогу, так что...

Зия не дала ему договорить. Заявила резко, глядя прямо в лицо.

– В том-то и дело, что давным-давно... Почему ты не сообщил, что Марк поручил тебе отправиться в поездку?

– А почему я должен сообщать об этом? – перебил ее Бебий и смутился. Он не привык так обращаться со своей воспитательницей, заменившей ему мать и бабушку. С другой стороны, зачем вольноотпущенница лезет не в свое дело?

Зия словно догадалась о чем подумал воспитанник.

– Это я лезу не в свое дело? Тебе уже давно перевалило за второй десяток, ты в фаворе у нового императора, а хоть раз задумался, какой ценой нам достается ведение хозяйства, пригляд за дачей в ПUTEОЛАХ, за кирпичным заводом, за плантациями. Ты все книгами увлекаешься, слушаешь наимудрейших. Ты весь в поисках истины! Это хорошо. Мы слова не сказали, когда ты решил отправиться в Афины изучать философию. Молчали даже тогда, когда тебе пришло на ум записаться в бродячие риторы. Сколько месяцев ты босой, в хламиде бродил по Италии, обучая местное население мудреным прелестям философии?

– Около года.

– Тебя больше года не было дома! Мы с Эвтермом хотя бы раз упрекнули тебя, хоть раз напомнили, что пора окончательно встать на ноги.

Бебий понимающе воскликнул.

– А-а, вы опять о своем. О женитьбе? Так вот, я выбрал невесту. Она – племянница Лупы Пантея.

Эвтерм и Зия опешили.

– Какая племянница? Откуда она взялась?..

– Она появилась на днях! – торжествующе объявил Бебий. – Я не хочу без нее жить. Мое слово – закон. Я хозяин в этом доме.

Он неожиданно смутился. Все в нем встрепенулось – это было вопреки всем установлениям философии, вопреки заветам мудрецов и, в частности, Эпиктета²⁵ в подобном тоне разговаривать с теми, кто вырастил его, кто сохранил доброе имя Корнелиев Лонгов и, что самое главное, сохранил хозяйство.

С досады он признался.

– Я беззаветно полюбил ее!

Зия пожала плечами.

– Ты когда увидел ее в первый раз?

– Сегодня у Лупы, когда мы обсуждали с ним будущую поездку в Африку.

Эвтерм пристально посмотрел на воспитанника.

– Значит, ты сегодня познакомился с девушкой, которая приглянулась тебе. Это хорошо. Мы с Зией давно предлагали тебе жениться. Бебий, мы состарились, мы очень устали. Как считаешь, мы заслужили покой?

– Конечно, Эвтерм! Все, что в этом доме, ваше. Живите и вы не будете знать ни в чем отказа.

– Это все слова. Ты давно уже не безусый мальчишка и соображаешь, что женитьба накладывает определенные обязательства.

– Обязательно! Я готов взять их на себя.

– Как же ты собираешься управлять хозяйством? Из Испании или из Африки?!

---

²⁵ Эпиктет (ок. 50 – 130 гг. н. э.) – греческий философ-стоик, обучал философии в Риме, был духовным учителем Марка Аврелия.

Бebий смешался.

Эвтерм продолжил.

– Не думай, что мы с Зией держимся за этот «сладкий кусок», называемый «домом Лонгов». Нам много не надо, но, согласиcь, то, о чем ты сейчас объявил требует по крайней мере осторожности, предусмотрительности...

– Это неизбежно, – признался Бebий.

– Твой наставник Эпикур советует не обзаводиться семьей, потому что с ней уж очень много хлопот...

– Эпикур глуп и самонадеян...

Разговор перешел в философские эмпирии, в которых Бebий чувствовал себя как рыба в воде – и он успокоился. Они с Марком любили поговорить, подискутировать,

Это были самые милые часы, особенно теперь, когда они страстно увлеклись Эпиктетом, утверждавшим, что счастья нет, есть только осознанное понимание необходимости следовать за лучшим и отвергать худшее.

Бebий позвонил в колокольчик. Молодой раб внес в комнату плетеное кресло – будто знал, что понадобится... Или прокуратор подсказал?..

– Итак, – спросил Бebий, устроившись в кресле, – на чем мы остановились?..

Эвтерм объяснил.

– Сборы в Африку – это не простое дело. Помню, твой отец перед отъездом в Сирию все тщательно предусмотрел. Прежде всего, он назначил тебе опекунов. Ты их знаешь. Теперь нам тоже следует все предусмотреть. Отправляясь в опасный путь, ты должен оставить наследника. Или наследницу. Мы ими быть не можем – и не хотим. Зия предупредила – с нас хватит. Мы устали. Следовательно, ты обязан перед отъездом жениться. Посоветуйся с сенатором Аннием и с Аквиллием Регулом Люпусианом. Поверь, они скажут тебе то же самое, что сказала Зия. Мы ничего не знаем о племяннице Лупы, значит, надо откровенно поговорить с ним. Откуда она родом, как оказалась в Риме, кто ее родители...

Бebий вскинул голову.

– Ты только не горячись, – посоветовал Эвтерм. – Мне бы хотелось, чтобы ты усвоил простую истину – если поступишь своевольно или вопреки здравому смыслу, мы с Зией немедленно покинем твой дом. Я согласен с женщиной, – он кивком указал на Зию, – что ни о какой поездке в Африку без выполнения этих условий, и речи быть не может.

Бebий через силу рассмеялся.

– Ну, это уже мне решать.

– Сомневаюсь, – возразил Эвтерм. – Насколько я понял, тебя посылают с каким-то заданием. Следовательно, император знает о поездке и, поскольку он является одним из тех доверенных людей, на которых твой отец оставил тебя малолетнего, вряд ли он согласится поручить ответственное задание человеку, который отрицает обычай, пренебрегает здравым смыслом, который, в первый раз увидев смазливую девицу, тут же решил жениться на ней.

Бebий встал и вышел.

Из перистиля – внутреннего дворика – поднялся в свои комнаты. Там рухнул на ложе и, закинув руки за голову, задумался о непредсказуемости фортуны, столько лет державшей его в стороне от всяких тягот и жизненных забот. Он жил как бы на ярком свете – мог выбрать, чем заняться, чему отдать предпочтение.

Ясное дело, философии! Какое другое поле деятельности могло бы помочь отыскать истину! После риторской школы он отправился в Афины, где просидел в нескольких академиях, и в конце концов пристрастился к учению стоиков. Уже в Риме, ознакомившись с наставлениями Эпиктета, он окончательно утвердился в этом решении. Если долг римского гражданина повелевает отправиться в Александрию, значит, надо ехать.

В комнате стало совсем темно, контуры предметов расплылись, обратились в тени. Что еще непонятней – тени неожиданно задвигались, исказили пространство. Тьма наполнилась звуками – шуршанием, скрипом, неясными вздохами и звуками капавшей воды.

Тьма забормотала...

...вспомнилась Пантея, скромница и простушка. Как она робела за обедом в его присутствии. Ее брат Викс тоже помалкивал, но по всему видно, этот парень еще тот проныра. Так и шарил глазами по сторонам.

...завтра навещу Люпусиана, извещу его о своем решении и сделаю предложение Пантее.

Глава 3

Услышав отказ Люпусиана даже обсуждать вопрос о женитьбе, Бebий потерял дар речи.

– Но почему, Лупа?!

– Потому что поездка в Александрию и женитьба на Пантее несовместимы!

Бebий растеряно глянул на хозяина.

Лупа поднялся, подошел к окну, выходящему в парк, и уже оттуда, не поворачиваясь к гостю, объяснил.

– Неизвестно, имеет ли эта женщина италийское гражданство. Римского у нее безусловно нет, так что взяв ее в супруги, ты нарушишь закон, а это означает, что она не может быть твоей наследницей. Как, впрочем, и ее дети.

– У Пантеи есть дети?!

– Я не знаю, – ответил Люпусиан и подошел к креслу, в котором расположился Бebий. – Беда в том, что я вообще ничего о ней не знаю, а это чревато... В моем положении особенно. В твоем тоже. Император никогда не согласится отправить тебя в Александрию, если не будет уверен, что ты чист как стеклышко.

– Но он же знает меня с младенческого возраста! И Марк Аврелий!..

– Бебий, ты уже давно вышел из младенческого возраста, а дело, которое хотят поручить тебе, не терпит никаких неясностей, тем более, что я поручился за тебя.

– Какое же дело мне хотят поручить?

– Об этом будешь говорить с Марком. И говорить будешь не как с другом, а как наследником императорской власти, как с руководителем службы фрументариев, обязанным приглядывать за всем, что творится в империи. Ему, надеюсь, ты доверяешь?

– Еще бы... Тогда скажи, как мне быть?

– Жениться и обязательно перед отъездом.

– Но...

– На римской гражданке из хорошей семьи. Зия уже заметила одну особу.

Бебий усмехнулся.

– Выбрала по каталогу?

– Не ерничай! Семья достойная, из патрициев, дед был сенатором.

– Я его знаю?

– Да, Матидий Галл. У него есть дочь Матидия.

– Но ей четырнадцать лет!!

– Никаких «но»! Твоя судьба в твоих руках!

* * *

Нерадостную новость Пантее передал ее «братишка» Вискс, сумевший подслушать разговор хозяина с римским придурком, уже казалось заглотившим «медовый» крючок.

Пантея возмутилась.

– Он мне за все заплатит, – пригрозила она.

– Кто? – засмеялся Вискс. – Дядюшка или жених?

– Оба, – пообещала девица.

Вискс предостерег ее .

– Ты только не безумствуй, пакость! Сначала надо сообщить хозяину.

– Вот и сообщай!

– Э-э, нет. Пойдем вместе.

Антиарх, выслушав грустную историю несостоявшегося сватовства, вышел из себя.

– Чему тебя учили в храме Астарты, шлюха ты недоделанная? Не могла тунику повыше задрать, чтобы этот римский недоносок при виде твоих прелестей совершенно сошел с ума? Что-то ты совсем распустилась, зажирела на сладких харчах «любимого дядюшки». Я быстро отучу от лени. А ну-ка, встань поближе к окну.

Пантее даже взвизгнула от страха.

Вискс засмеялся.

Антиарх обернулся к нему.

– Ты что ржешь, проныра? Почему до сих пор не разведал, где этот подлый раб прячет секретные бумаги? Как насчет охраны? Подыскал кого-нибудь, которого можно подкупить? Будешь следующим за Пантеей.

Старик перевел взгляд на девицу.

– Ты что стоишь? А ну, марш к окну!

Та взмолилась – «...я сделала все, что могла! Он никуда не денется... Он будет мой!»

Старик поправил Пантею.

– Не твой, а мой! Хватит болтать! Вставай к окну!

Девица расплакалась и, преодолевая страх, приблизилась к зарешеченному широкому проему, куда размашисто падал солнечный свет.

Был полдень и света было вдоволь. Тень загородившей окно девицы была густа и отчетлива.

– Спиной к окну становись! Морду я тебе портить не буду, еще пригодится, – затем он с размаху ударил посохом по тени Пантеи.

Та громко вскрикнула и отскочила в сторону, там залилась слезами.

Викс жутко осклабился и засмеялся.

Антиарх приказал Пантее.

– Ну-ка, повернись. Не ори, а то добавлю.

Девица повернулась спиной и задрала тунику.

На спине повыше ягодич багровым рубцом обозначился кровоподтек. Чтобы сдержать слезы, Пантея прикусила губу.

Антиарх посохом указал Виксу, куда ему следует встать.

Мальчишка побледнел. На лице у него резко обозначились морщины, отразившие его подлинный возраст – лет тридцать не меньше! Руки у него дрожали...

В этот момент занавеска внезапно откинулась и в комнату величаво ступил домоправитель Ватия.

Викс, за мгновение до прихода толстого, напыщенного прокуратора Манилии учуявший опасность, отвернулся.

Пантея одернула тунику.

Антиарх приветливо заулыбался и указал на непросохшие слезы на лице красотки.

– Вот учу молодое поколение жизни и примерному поведению. Нечего публично плакать, показывать пальцем на местные диковинки, паяться на молодых людей. Не дело родственникам такого достойного человека как Регул Люпусиан вести себя провинциально.

Ватия одобрительно кивнул.

– Это нужное дел. В Риме без учтивости никуда... Антиарх, к тебе пришли. Посланец требует, чтобы ты спустился вниз.

– Требует? – удивился старик.

– Такие, как этот, могут потребовать что угодно и от кого угодно. Так что ты не заставляй его ждать.

Ватия вышел. Старик отправился следом. На прощание погрозил посохом своим подельникам.

Как только дверь закрылась, Викс повернулся и показал красотке язык. С виду он вновь оказался необычайно молод – глупый парнишка лет двенадцати-тринадцати, не больше.

Лицо Пантеи перекосило от ненависти. Она предупредила.

– Погоди, негодяй. Старик обещал научить меня управляться с тенями. Уж тогда тебе так достанется, что навсегда постареешь.

Викс неожиданно погрузнел и действительно постарел.

– Он мне тоже обещал, да сбудется ли?.. Если да, я возьму тебя в жены, – затем серьезно добавил. – Не нравится мне эта история.

Пантея задумалась.

– Прежде, чем возьмешь в жены, тебе придется потрудиться, – она снизила тон. – Для начала проследишь за этим молодчиком. Впрочем, в Риме много богатеньких молокососов, кого-нибудь отловлю. Чтобы только... – она кивнула в сторону выхода, – не узнал.

Викс одобрительно кивнул.

– В Риме каждый устраивается как может.

Во дворе незнакомец, облаченный в коротенькую тогу вольноотпущенника, сурово приказал Антиарху.

– Следуй за мной.

Ватия, желавший узнать, кому и зачем понадобился жилец, поинтересовался.

– Кому и зачем понадобился сей достойный гражданин?

Незнакомец перебил его.

– Заткнись! – и, повернувшись, направился к выходу.

Антиарх и Ватия переглянулись, и старик торопливо засеменил на незнакомцем.

По пути старик прикинул, кем мог быть человек, который с такой бесцеремонностью и пренебрежением позволяет себе обращаться с гражданами? Внутреннее чутье подсказало – это не магистрат, не посланец городского префекта – скорее, доверенное лицо «важняка», который почувствовал надобность в Антиархе. Следовательно, тот слышал о нем раньше и речь о передаче его в руки правосудия не идет.

Не уловив тени опасности, он помалкивал и запоминал дорогу. Заодно приглядывался к толпе – не мелькнет ли знакомое лицо, а если мелькнет, чем ему может грозить непреднамеренная встреча?

Шли недолго. В городской богатый дом, расположенный в Каринах на Эсквилинском холме, вошли с черного хода – из мрачного затененного даже в этот полуденный час проулка, причем неизвестный посланец дождался, когда в проулке не будет прохожих и только после постучал в неприметную дверь. Створка тут же распахнулась, и они вошли в темный коридор, который вывел их в сад.

Антиарха провели в беседку, расположенную в дальнем конце сада, там приказали ждать.

В беседке на столе старик обнаружил кувшин и сосуды для питья. Все из глины – на более изысканную посуду здесь решили не тратить.

Антиарх присел на лавку, отлил из кувшина, пригубил.

Калда.

...холодная, вкусная. На вине и пряностях не экономили, разве что на мёде... Воду, которой разбавили напиток, можно было бы взять похолоднее.

Ну-ну...

... неплохое угощение, дешевая посуда, странное приглашение. Но страха не было. Наоборот, дело, о котором он мечтал столько лет, ради которого перенес столько невзгод и, несмотря на смертельную опасность, вернулся в Рим, кажется, сдвинулось с мертвой точки.

Он попытался припомнить, в чей дом его привели.

Напрягаться было ни к чему – он уже бывал в этом доме. Принадлежал он префекту города Публию Ацилию Аттиану, нынешнему сенатору и бывшему воспитателю безбожного, достойного самого нижнего ада Адриана.

... Аттиан без надобности с плебеями не разговаривает, тем более с беглыми легионерами, сбежавшими гладиаторами и всякими другими «хорошими» людьми.

Страха по-прежнему не было.

Антиарх устроился поудобнее и зарыл глаза. Как учил Елксей, в трудную минуту не грех воспользоваться вещим сном. Наставник называл такого рода отрешение *сулонгом*. Это состояние при умелом его использовании укрепляет дух, придает телу мужественность и распахивает двери в будущее.

Он погрузился в сумерки, переполненная мерцающими тенями...

– ...я смотрю, ты спокоен, Антиарх, как может быть спокоен римский гражданин, исполнивший долг и обзаведшийся кучей наследников.

Сердце у старика екнуло

Старик приоткрыл глаза – да, это был он, прежний префект города, охотившийся на него в каком?.. – дай Христ вспомнить, в каком году?

– Сказать по правде, господин, я себя именно так и чувствую, кроме одной малости. Деньжонок маловато, а так – хвала богам!

– Рад за тебя, – ответил Аттиан. – Ты еще вполне бодрый старикашка.

С тех пор, как Антиарху приходилось встречаться с сенатором, тот прекрасно сохранился. Постарел, конечно, но бодрости не растерял. Все так же в меру худощав, вполне энергичен и гласт. Взгляд у Аттиана еще в бытность начальником полицейской службы всегда был пронизательный. Он всегда знал, от кого можно принять денежный подарок, а с кем лучше не связываться. От сенатора Регула он взял, и Сацердате позволили сбежать из тюрьмы.

Хозяин сел напротив гостя и шелкнул пальцами.

Как из-под земли появился мальчишка-раб и поставил перед хозяином чашку из дорого китайского фарфора, в которую налил того же напитка, что и отведал гость.

– Брысь! – приказал Аттиан и мальчишка исчез.

Затем он обратился к гостю.

– Наливай, не стесняйся. Не думай, что я хочу поставить тебя на место, брезгуя выставленной здесь глиняной посудой. Я просто хочу напомнить, что я ничего не забыл и обо всем извещен, а это значит, что китайская чашка – твой приз, если, конечно, мы с тобой поладим.

– А если не поладим?

– Тогда последний глоток, Сацердата, ты сделаешь из грязной глиняной посуды.

Сердце у старика екнуло – помнит. Все помнит!!

Сенатор добавил.

– Но мы поладим.

– В том случае, если оба будем вести честную игру.

– Ты смеешься, разбойник?! О какой честной игре может идти речь между римским патрицием и беглым каторжником! Ты можешь рассчитывать на партнерство, и это для тебя в твоём положении очень высокая честь, так что не надо обольщаться несбыточными надеждами. Ты исполнишь, что тебе будет предписано, и взамен получаешь то, о чем мечтал столько лет. Я веду речь о наследстве этого несносного Люпуса. Конечно, тебе придется поделиться...

– Если бы, господин, – невозмутимо перебил его старик, – не упомянул о дележке, я бы счел эту игру нечестной. В таком случае я бы откланялся и вернулся домой. Ты позволишь мне вернуться домой?

– Безусловно. В любом случае – договоримся мы с тобой ли нет.

– И это принимается. Готов выслушать заказ.

Сенатор развел руками.

– Ты опять за свое. Ты вроде вышел из того возраста, когда не задумываясь проливал кровь. Пора взяться за ум...

– Я взялся за ум!

– Верю. Мне донесли, как ты сумел проникнуть в Город, как обошелся с этим наглым Витразином. Говорят, ты умеешь обращаться с тенями? Это внушает надежду. От тебя требуется только одно – напустить их на того человека, на которого я тебе укажу.

– Я догадываюсь, кого ты имеешь в виду, господин.

– Вот и догадывайся. Если сможешь мне, я помогу тебе. Своих слов я на ветер не бросаю. Короче... Как мне стало известно, сын одного из твоих недоброжелателей, свихнувшийся на философии, по уши влюбился в твою рабыню...

– Она не рабыня, – уточнил старик.

– Это не имеет значения. Этого умника и идеалиста отправляют с трудной, но почетной миссией в Египет. Так вот, опекуны этого романтика настаивают на том, чтобы перед отъездом этот умник обязательно женился. Нашли дурака, ха-ха! Если он к концу третьего десятка не обзавелся семьей, зачем ему это теперь. Таких в Риме теперь пруд пруди. Но это пустое... Вернемся к нашим баранам. Сацердата, не мне объяснять тебе наши обычаи, но этот умник вряд ли женится на твоей... кем она доводится этому несносному Люпусу?

Антиарх, ошеломленный осведомленностью хозяина, ответил не сразу.

– Племянницей, – запнувшись, ответил старик.

– А тебе?

– Воспитанницей.

– Пусть будет воспитанница. Брак, особенно при такой разнице в общественном положении, практически невозможен. Если он решится, это может сорвать его поездку в Египет. Пошлют кого-нибудь другого,

попытнее, порасторопнее, а мне этого очень не хочется. Но в любовницах твоя девка вполне может очутиться.

– В наложницах... – уточнил старик.

– Ни в коем случае! – резко возразил сенатор. – Это далеко не все равно, особенно если ты согласишься приставить ее к философу... то есть, к романтику. Любовница – пфуй, и нет ее, а наложница может возмутиться. Наложница может закатить скандал.

– Но, господин...

– Послушай, Сацердата, не надо дерзить, ссылаться на римские законы, тем более читать мне нотации. Я таких пророков, как ты, навиделся сотнями и тоже могу строить глазки всяким мерзким субъектам вроде тебя. Я разговариваю с тобой откровенно, потому что ты мне нужен. Со всеми твоими ухватками, пророчествами, ссылками на власть теней и прочей ерундой, если даже это совсем не ерунда. Важно, чтобы твоя девка сопровождала романтика в поездке в Египет. Никаких покушений на жизнь римского гражданина, никаких капризов, скандалов, выяснения отношений, только строгая и точная информация, с кем встречался романтик, что выяснял, чем интересовался и, главное, что выяснил.

– Дело трудное...

– Но почетное. Тебе и твоей девке оно под силу.

– Но как же запрет, который наложен на романтика? А если он вдруг решит жениться?

– Я тебе и говорю – дело не простое. Если его заставят жениться, а его заставят, пусть твоя воспитанница, нечаянно оказавшаяся племянницей известного тебе несносного типа, вползет в самую его душу. Если даже не вползет, не страшно, но сведения я должен поучать точные и своевременные.

– Я о другом, господин. Она не может просто так исчезнуть. Лупа сразу ухнет, что дело не чисто. Он здорово поднаторел в такого рода хитростях. К тому же у него есть связи во дворце. Мою воспитанницу начнут разыскивать, а мне это ни к чему.

Аттиан задумался, потом кивнул.

– Да, это может осложнить дело. Вот и подумай, как повернуть это дельце, чтобы никто не встревожился, – он сделал паузу, потом добавил, – во дворце...

Антиарх помолчал, потом, как бы догадываясь, поделился.

– Ее можно похитить. Девка она смазливая, а в Риме полным полно поклонников женской красоты. А где похититель будет ее прятать, это только Христосу известно.

Аттиан прикинул.

– А что, вполне разумно. Даже очень... Люпусиан вынужден будет обратиться за помощью к городскому префекту, а тот вполне может затянуть дело.

Антиарх решил подольститься к хозяину.

– Особенно, если ты подскажешь, господин. Однако это дело не из дешевых... Одна поездка в Александрию сколько стоит. Здесь десятком тысяч сестерциев не обойтись.

– Твои расходы будут оплачены щедро, но ты не наглей. Задаток получишь сейчас же. По рукам?

Антиарх невольно протянул руку.
Хозяин удивленно глянул на него.
– Ты лапы не протягивай. Знай, с кем имеешь дело.
Антиарх отдернул руку и спросил.
– Означает ли твое предложение, что с этого момента я смогу свободно ходить по городу и заниматься тем, что лежит у меня на сердце.
– Да, – кивнул хозяин. – Это я беру на себя. Ты получишь свободу. Можешь встречаться, с кем захочешь.
Он неожиданно засмеялся.
– ...в прямом и переносном смысле. Но смотри, уговор дороже денег.

Глава 4

Сразу после свадьбы, состоявшейся в июне 139 года, и скомканной брачной ночи Бебий Корнелий Лонг еще до восхода солнца отправился в Остию, где его ждал возвращавшийся в Египет зерновоз.

Капитану судна, открыто выражавшему недовольство в связи с нелепой задержкой из-за «ожидания какого-то римского прыща», в портовом магистрате посоветовали «засунуть свой гонор куда подальше и быть с пассажиром пообходительнее».

Как только матросы торопясь погрузили немалые пожитки навязанного ему пассажира, капитан лично проводил важного гостя в его каюту, расположенную в кормовой надстройке, после чего массивное судно тут же отчалило от пристани.

В каюте Бебий решил прилечь, доспать привычное, городское, однако сна не было – то ли качка мешала, то ли будоражил свежий, пропахший обещанием будущих приключений воздух. Какое-то время он томился на ложе – оно было огромно, роскошно и на удивление жестко.

Повалявшись, решительно поднялся и вышел на палубу.

Здесь было пусто – рулевой за надстройкой на корме, наблюдатель в корзине на мачте и пара вахтенных матросов, укладывавших в бухту канат возле переднего бушприта.

...вспомнилась невеста *по каталогу* – она не рыдала, не молила о пощаде, только закусила губу и вытерпела все достойно и молча, так что Бебий одобрительно погладил ее по волосам.

...вспомнились наставления Марка, убеждавшего поменьше говорить и побольше слушать.

«...сохраняй невозмутимость, даже беседуя с отпетым придурком. Но главное, не выставляй своих убеждений напоказ, пока не убедишься, что они интересны собеседнику.

«...отбрось вызывающее пренебрежение к мирской суете. Не стоит также публично насмехаться над глупейшими суждениями простолюдыя – например, если свинья родила поросенка с ястребиными когтями, жди беды.

...это они не со зла. Это от непонимания мирового закона, требующего сегодня быть лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. Смеяться над ними бессмысленно, их надо просвещать, особенно на государственном уровне.

...попробуй свои силы на этом поприще.

...скажу по секрету, император метит тебя в префекты Египта. Это высокая должность, Бебий. Египет является житницей Рима. Его поставки удовлетворяют более трети потребности столицы в зерне.

...конечно, не сразу. Сначала поработай на низовом уровне, дальше видно будет, но прежде необходимо ознакомиться с обстановкой. Это я настоял, пусть попробует, так что не подведи».

Это было непривычно – Бебий был старше Марка Аврелия и до последних месяцев заводилой в их дружбе всегда являлся Лонг.

Они любил поговорить, тем более, что, пройдя обучение риторическому искусству не где-нибудь, а в самих Афинах, приладились высказываться складно, логично и, как им казалось, неопровержимо. Бебий, например, любил приплетать к месту и не к месту «*мировой разум*», то и дело ссылаться на мировую душу или *пневму*. Чаще всего все эти разговоры кончались жаркими спорами, смысла в которых – это стало пронзительно ясно при виде необъятного, неостановимо колыхающегося пространства воды – не было ни на квадрант* (сноска: самая мелкая римская монета).

Море также подсказало разгадку внезапно проснувшейся назидательной отрешенности Марка. С того дня, как его назначили наследником империи и женили на малолетней Фаустине, в кругу друзей он предпочитал слушать, а не говорить. Свое мнение не скрывал, но и не выпячивал. В чужих компаниях, особенно в государственных, вообще помалкивал, отвечал только, когда спросят. Правда, язык у него был подвешен, дайте боги каждому. Всякого рода наглецы и подхалимы получали от него достойный отпор. Например, тот же Гомул, одновременно и наглец, и подхалим, которому наследник сурово предписал никогда впредь не обращаться к нему со словами «молодой человек», а исключительно «цезарь» или «достоинейший».

...Бебий еще тогда обратил внимание как передернулось лицо у вздорного сенатора, которому какой-то мальчишка посмел указать, что «достоинейшим» является он, а не всеми уважаемый Гомул.

...стоя у борта и сравнение подвернулось. В своем новом статусе Марк действовал сродни свежему ветру, придававшему натяг и силу парусам. Ветер, не досаждая, настойчиво посвистывал на радость мореходам, благодарившим богов за попутный «свежак» и скорый ход массивного судна.

Морские впечатления мешались в душе Бебия с поисками ответов на все вопросы, которыми он сосредоточенно занимался все эти годы. К сожалению, похвастаться успехами не мог – то, что вчера казалось абсолютной истиной, на следующий день оборачивалось сомнением, скепсисом, безнадежной погоней за ускользающей разгадкой.

Наступавший день, взволнованное море, барашки за бортом поделились с ним разгадкой. Впервые Бебий ощутил, что дело не в истине и не в ее поисках, а в нем самом.

...ему припомнилось, как Матидия, впервые отведав плотской любви, схватила его руку и прижалась к ней щекой.

...вспомнилась Пантея, и сердце начало биться громко, стучать страстно, с надеждой. Нельзя было поддаваться даже тени воспоминаний об этой женщине. Жизнь его теперь была измерена женитьбой, предстоящим испытанием гражданских способностей, желанием проявить себя на новом поприще.

Бебий вернулся в каюту и с целью отогнать будоражащие воспоминания приказал своему слуге, Филомузу принести обшитый кожей ящик с документами. Потом отослал мальчишку и достал свиток, врученный ему Марком Аврелием.

Первым делом проверил, точно ли совмещаются метки, предохраняющие написанное цезарем от чужих глаз. Все совпало, и, разворачивая свиток, Бебий со скептической усмешкой припомнил повторное напоминание друга выучить наизусть все, что там написано – адреса, не подлежащие оглашению; тайные фразы, которыми следует обменяться с нужными людьми... При этом, приказал Марк, следует хорошенько подумать прежде, чем произнести заветные слова.

Также в свитке были имена верных людей, к которым можно будет обратиться за помощью, денежной в том числе. Первым здесь упоминался Евсевий, помощник главного фрументария в Египте. Что удивительно, имени самого Вителиса в секретном списке не было!

...для экстренной связи используй военную галеру, которая неделю назад была послана в Александрию. Сам в Царской гавани не появляйся, тем более на галере. Письма, не предназначенные для чужих глаз, я буду посылать на легионную магистратуру, тамошний военачальник предупрежден об этом.

При получении письма обязательно сверяй метки!

...этот свиток сожги. Эти сведения ни в коем случае не должны попасть в чужие руки!

...и особо там не роскошествуй, но и не скупердяйничай. Главное, выясни, какая в Египте обстановка. О чем болтают магистраты? Кто командует хранением и погрузкой зерна? Какие настроения в окружении префекта и в расквартированном возле Александрии II Траяновом Неустрашимом легионе? По легенде ты являешься лицом любопытствующим и неофициальным. Твое страстное желание – совершить

ознакомительную экскурсию к пирамидам, но учти, всем известно, что мы с тобой близки и что даровой дружбы между цезарем и обычным римским гражданином не бывает. Будь осторожен с женщинами, а то... – и юнец погрозил Бебию пальцем.

Тот возмутился – что вы все заладили, будь осторожен, будь острожен! Я и так выполнил все, что требовал от меня обычай.

...мы не требовали, а напоминали.

* * *

Когда с палубы донесся крик вахтенного: «Маяк! Маяк!», – Бебий Лонг сжег свиток и поспешил на палубу.

Сначала он увидел темное прозрачное облачко, вскоре обернувшееся столбом дыма, затем на горизонте с необычайной и ошеломляющей неотвратимостью начала вырастать гигантская фигура бога Посейдона, головой упиравшаяся в облака. В руке повелитель морей держал густо дымящийся факел, и наконец, когда зерновоз дошлепал до очертаний земли, глаз с будоражащим восхищением полностью ухватил очертания исполинской башни, которую называли седьмым чудом света.

Вскоре судно обогнуло мыс, на котором возвышалось «око Гелиоса», как называли в Александрии прославленный маяк, и причалило в Большой гавани, неподалеку от храма Посейдона.

Первая неприятность, с которой Бебию столкнулся в порту, была встреча, которую организовал – или подстроил? – фрументарий Адриана Вителис, сохранивший свой пост с приходом новой администрации. Он лично явился встречать рядового туриста.

Заметив, спускающегося по трапу Бебия, Вителис, высокий толстый, шумный человек в тоге, с лысой – до гладкости и блеска – головой, обращаясь к сбегавшимся со всех сторон зевакам, громогласно представил гостя.

– Жители Александрии! Смотрите, кого нам послала судьба. Это же Бебий Корнелий Лонг, один из самых преданных любимчиков императора, да сохранят боги ему жизнь!

Бебий, неприятно озадаченный должностью, которую приписал ему ликующий провинциал, попытался объяснить, что никогда и ни у кого в «любимчиках» не состоял. Он всего лишь путешественник, однако Вителис только расхохотался и, бесцеремонно заключив спустившегося по трапу гостя в объятия, пригласил Бебия в свою коляску.

Затем громко – так, чтобы его слышали в собравшейся толпе – встал в коляске и объявил.

– Кому какое дело, кого встречает верный слуга императора и его верный страж на этой пустынной и в то же время благословенной земле! Императорского любимчика или его верного приверженца! Вчера я ходил в любимчиках у Адриана, а сегодня достойно служу Антонину. Что касается тебя, Бебий, я много наслышан о твоих неисчислимых достоинствах. Вчера ты был заядлым философом, сегодня стал туристом, а завтра, глядишь,

станешь префектом, так что нечего стесняться философии. А на мнение этих птицеголовых* (египтян) и развратных гречишек, – он указал на собравшихся на пристани зевак, – наплевать! А ну, брысь отсюда!..

Толпа чуть отхлынула, потом вновь придвинулась, ожидая от магистрата какого-нибудь еще более сенсационного и срывающего покров тайны с «любимчиков» заявления.

Бebий осадил фрументария.

– Может, тронемся, Вителис? Я не выношу жару.

Вителис тут же согласился.

– Конечно, дорогой, – потом приказал вознице. – Трогай!

Рабы Вителиса, босоногие и полуголые, помогавшие загрузить пожитки гостя, побежали вслед за коляской. За ними, не скрывая удивления, последовали сопровождавшие Бебиа Филомуз и раб Люпусиана Храбрий, приставленный к Бебию в качестве телохранителя.

Бebий, признаться, почувствовал себя выбитым из седла.

...к чему этот ажиотаж?

Зачем крики, зачем эти полунасмешливые и полуоскорбительные намеки на его статус? Неизвестно, мол, кто ты есть и кем ты станешь завтра? С какой стати Вителис лично явился в порт в такую жару?

Между там магистрат, отвечающий за поставки зерна в столицу, не унимался.

– Ты остановишься у меня, Бebий! Я отвел тебе лучшие покои...

– Нет, – решительно возразил Лонг. – Отвези меня в гостевой дом, о котором тебе писали мои друзья.

Отпор был резкий, учтивостью здесь и не пахло, однако Вителис и глазом не моргнул.

– Как прикажешь, дорогой. Вечером жду тебя в гости. У меня сегодня назначен пир по случаю победы Корнелия Галла на эфиопами.

– Какого Галла? – удивился Бebий.

– Как, тебе не известно имя победителя Африки? Ты не слыхал о покорителе Аравии?! – обрадовался Вителис. – Сегодня вечером ты услышишь об этом знаменитом полководце, сумевшим привести к покорности нубийцев и арабов.

Неожиданно фрументарий, искоса глянув на гостя, прерывисто вздохнул.

– К сожалению, он плохо кончил. Октавиан Август, позавидовавший его славе, отозвал Галла в Рим и приказал выпить отравленное вино. Он выпил, как и подобает славному воителю, но ты не бойся, сегодня тебя никто травить не собирается.

– А завтра? – поинтересовался Бebий.

Вителис оглушительно расхохотался.

– Завтра будет завтра. Живи сегодняшним днем, Бebий! Здесь все так живут.

– В таком случае скажи, когда мы займемся делами? Я должен передать тебе послание императора, а также просьбу наследника ознакомить меня с состоянием дел в провинции.

- Когда прикажешь, Лонг!
- Давай назначим встречу на завтра, а потом я отправлюсь в плавание по Нилу. Мне не терпится осмотреть пирамиды.
- Завтра так завтра, – охотно согласился Вителис.

Уже под вечер Бебий, озадаченный таким откровенно бесцеремонным и вызывающим напором представителя местной власти, решил известить чиновника, что устал и хотел бы отдохнуть. Пусть Вителис примет его извинения, но на пир он не пойдет. Однако при вдумчивом – на чем особо настаивал Марк Аврелий! – рассмотрении вопроса, Бебий решил, что за показной простотой и оглушительной навязчивостью скрывалось что-то подспудное, не дававшее покоя местному служаке. Вспомнилась едва заметная оговорка Вителиса насчет императора, чью жизнь должны были хранить боги.

Как он выразился – да сохраняют боги *ему* жизнь!», а не *его* жизнь.

Разница существенная!

Эта подозрительная оплошность и скрывающийся за ней намек (даже если это ему только померещилось), тем более вызывающий отказ от приглашения, сразу ставил Лонга в конфликтную ситуацию с местными властями, что было чревато ответными мерами. Они сумеют не только помешать ему познакомиться с состоянием дел на местах, но и окончательно испортят отдых.

Этого ли ждал от него Марк?

Бebий не отказал себе в удовольствии приободрить себя – кто я? Столичный «прыщ» или заскорузлый тупой провинциал?

Неужели не сумею пустить пыль в глаза?..

Он приказал Филомузу готовить себя к вечернему развлечению, и, пока слуга облачал его в тогу, навскидку припомнил несколько имен прославившихся в самое последнее время гладиаторов и возниц, выигравших солидные призы на последних скачках. Перебрал в памяти последние столичные сплетни, а также взволновавшие Рим события, среди которых надо обязательно упомянуть о непрекращающихся нападениях разбойников, переодетых в тени незахороненных мертвецов, а также пожар, случившийся в лагере преторианцев.

Однако действительность или, по выражению его учителя Диогнета «объективная реальность», внесла такие поправки в намечаемую линию поведения, что Бебий более чем на неделю забыл о сплетнях, письмах, пирамидах.

Глава 5

Все началось с открытия, больно ударившего по самолюбию гостя – припасенные им «жареные» столичные новости были хорошо известны присутствующим на роскошном обеде, устроенном Вителисом в честь небезызвестного Корнелия Галла, о котором на школьных уроках истории рассказывали, что тот потерпел сокрушительное поражение в Эфиопии, а «завоеванную» им Аравию, пришлось покорять вновь, сто лет спустя, по приказу Траяна. Но об этом не стоило упоминать за столом, и Бебий

прикусил язык. Конечно, он постарался вставить несколько замечаний насчет разлива Тибра, затопившего нижние восточные кварталы, зловещих птиц, слетевшихся на Капитолий, на что ему возразили – «...а у нас в окрестностях Антинополя видели громадную змею с гребнем, которая сама себя пожрала от хвоста до середины туловища».

Что касается теней мертвецов, наводивших страх на жителей столицы, о их происхождении были высказаны разные точки зрения, которые один из гостей – легат II Траянова Неустрашимого легиона Гай Валерий Муциан – отмел с ходу.

– Это все детские забавы! Поглядели бы вы на обезумевших жителей Сирии, ни с того ни с сего уверовавших в неминуемый конец света. О его приближении якобы свидетельствует надвигающаяся вселенская Тень, составляющая одну семейку с мраком и ночными призраками.

Что касается пожара в лагере преторианцев, местный квестор, ведавший сбором налогов, позволил себе поспорить с столичным гостем насчет причин возгорания и ущерба.

Квестор свалил вину не на происки судьбы или злой умысел, а на нераспорядительность префекта претория Гавия Максима. Бебий возразил – кто мог предугадать, что в самый нужный момент сифон²⁶ выйдет из строя.

– ...вот я и говорю, – настойчиво подтвердил квестор, – всему виной преступная халатность и распущенность, которая чем дальше тем заметнее воцаряется в Риме.

Вителис тут же полез в спор.

– Этим, уважаемый Флегонт, как раз и занимается наследник престола Марк Аврелий.

– Этот-то куда полез? – удивился командир легиона.

Хозяин дома объяснил.

– О-о, он теперь в большой силе и ведает всеми магистратами Рима.

– Не молод ли? – усомнился легат.

– Зато не по годам грамотен! – возразил Вителис.

Все засмеялись, и хозяин дома поднял тост за «славного юношу», надежду Рима и всех его обитателей.

Обозначение «славный» неприятно покорило Бебия.

Неожиданно молчавший до сих пор мрачноватый верзила, которого представили как Публия Христогона и о котором было сказано, что он является ближайшим советником префекта Египта Гая Корнелия Гелиодора, – прищурившись поинтересовался.

– А как насчет письма, уважаемый, которое ты должен передать Гелиодору?

– Какого письма? – удивился Бебий.

– Разве ты не везешь послание префекту Египта Гаю Гелиодору?

Бебий растерялся.

– Я не везу никаких писем, только приветы. Я всего лишь путешественник, частное лицо.

Христогон сразу потерял интерес к гостю и насмешливо поинтересовался.

---

²⁶ Ручная помпа была изобретена Ктесибием во II в. до н. э. В Риме ее называли «сифоном»

– Тогда расскажи насчет рожденного на Тибуртинской дороге теленка, у которого голова срослась с ногой? Говорят, впавшие в исступление женщины Рима стали пророчить, будто главою дел человеческих вместо нынешнего предводителя готовится стать кто-то другой?

Бebий растерялся – что тут можно сказать? Что он впервые слышит об этом зловещем предзнаменовании? Или пристыдить верзилу за доверие к слухам «исступленных женщин»?

Неловкость прервал неунываха Вителис. Он засмеялся и объявил – скука самый неприятный гость на празднестве, а посему... – и три раза хлопнул в ладоши.

Тут же в зал вбежали танцоры и танцовщицы с бубнами. Музыканты заиграли разухабистую мелодию и раскрашенные плясуны пустились в пляс.

Скоро артисты и артистки – кому кто нравился – расползлись по ломам, на которых возлежали гости. Одна из смазливых чернокожих танцовщиц попыталась было пристроиться к Лонгу, однако распорядитель пира, скрестив руки на груди наблюдавший за разгулявшимися гостями, отогнал ее.

В этот момент к лицу Лонга сзади прикоснулись чьи-то нежные пальчики, закрыли глаза, затем кто-то чмокнул его в щеку.

Пальчики ослабли, Бebий осторожно убрал их и повернулся.

На него смотрела Пантея.

Он узнал ее сразу, несмотря на то, что на ней была напялена «маска медузы»²⁷. Глаза ее сияли, она прильнула к Лонгу с такой силой, что всякая настороженность, связанная с этим роскошным пиром, посвященным какому-то незадачливому полководцу, вопросами насчет Марка, интерес к письмам, которые он якобы должен передать префекту, и предположениями о ком-то «другом», призванном сменить кого-то на троне, растворились в поцелуе, которым наградила его желанная женщина.

– Как ты здесь очутилась?!

Пантея приложила пальчики к его губам и шепнула – «потом, потом»...

Неожиданно хозяин, по привычке не считая нужным приглушать свой раскатистый бас, воскликнул.

– Граждане! Вы только посмотрите, что служительница Аштарту делает с нашим гостем. Он тает! Ты растаял, Бebий? Я тебе завидую – такая красotka способна растопить любое сердце. Ни один из самых целомудренных философов не в силах устоять перед ее чарами. Смотрите, с какой страстью она прильнула к нему. Я рад, за тебя, Бebий. Я дарю тебе эту красotka, которую я только вчера приобрел по сходной цене у уважаемого Нератия. Это он, Нератий, владелец амбаров и судов, не позволяет великому Риму остаться без хлеба. Нератий, ты согласен, если я вручу твой дар нашему драгоценному гостю.

Нератий Приск, улыбчивый толстячок с остатками волос, венчиком обнимающими голову, азартно закивал и воскликнул.

– Я рад услужить нашему дорогому гостю! В придачу я дарю Лонгу тысячу золотых монет, которые позволят ему достойно провести время в жемчужине Египта Александрии.

---

²⁷ В форме свастики.

Неожиданно командир легиона Валерий Муциан поднял руку.

– Со своей стороны, – заявил он, – я хочу пригласить сына и наследника знаменитого воина и префекта конницы Ларция Корнелия Лонга в легионный лагерь. Мы не забыли твоего отца, Бебий. Память о нем до сих пор живет в сердцах защитников Рима. Знаешь ли ты, как до сих пор называют его легионеры?

Растроганный Бебий приложил руку к сердцу. Мысль о том, что недостойно принимать подарки от незнакомых богачей, отступила, на глазах выступили слезы.

– ...мы его звали «железная лапа». От его меча погибло множество врагов Рима. Я участвовал с ним во втором дакийском походе, когда он с честью вышел из труднейшего положения, затопив в подземной пещере орду злобных даков. Я встречался с ним в Сирии, когда он получил в дар от аравийских туземцев знаменитого на весь Рим коня по кличке Снежный...

Его прервал хозяин дома.

– Чем ты собираешься заняться Бебий в Египте?

– Мне бы хотелось совершить путешествие к пирамидам и заодно посмотреть страну. Здесь говорят, много древностей, заслуживающих внимания.

– Учти, – предупредил его Вителис, – ездить в одиночку по Египту небезопасно.

Христогогон, советник префекта, откликнулся.

– Я поговорю с Гелидором. Он обеспечит тебе охрану...

– А я, – подхватил Непот, – выделю верблюдов.

* * *

Уже полночь, до отвала насытившись любовными ласками, на которые Пантея оказалась неистощима, Бебий наконец спросил.

– Как ты очутилась в Египте?.

Женщина разрыдалась.

– Меня выкрали, Бебий! Меня бесцеремонно и нагло выкрали!.. Прямо в центре Рима. Зажали рот и затолкали в носилки, потом доставили к какому-то негодяю. Я не могла сообщить о себе. Я поклялась, что не поступлюсь своей честью и покончу с собой.

Она неожиданно успокоилась, отвернулась и призналась.

– Но вышло иначе... Пришлось поступиться... Меня украли по просьбе этого мерзкого, похожего на жабу толстяка Нератия. Погрузили на его быстроходную галеру и доставили сюда. Все эти дни я была как в бреду. Рядом со мной была какая-то старуха, она поила меня какой-то гадостью.

Оказавшись в объятиях этой жабы, я решила, что жизнь моя кончена, но как видишь, сумела выжить. Злодею не удалось сломать мою жизнь во цвете лет... По воле божественного Христа я в конце концов досталась тебе. Этот великий знак дарит надежду.

...«хорошо излагает», – пришло в голову Бебию, – «как по-писаному.... «в конце концов», «великий знак».

Эта подлая мыслишка показалась ему слишком оскорбительной в отношении такого чуда, каким оказалась Пантея.

Он прижал женщину к себе, шепнул на ухо.

– Я сегодня же напишу Люпусуану, поздравлю его с великой радостью.

Женщина наградила его поцелуем.

– Стоит ли так спешить? Я теперь в безопасности, а если ты напишешь письмо, дядя потребует срочно вернуть меня в Рим и что случится потом, об этом даже подумать боюсь.

Женщина всплакнула.

– После всего, что произошло со мной, я не могу считать себя достойной его. Я хочу побыть с тобой. Я вся в твоей власти. Ты можешь в любую минуту выгнать меня, продать самому проказливому старикашке. Если ты сообщишь обо мне, нас насильно разлучат. Я на все готова, но только дай мне возможность хотя бы еще немного побыть с тобой.

Наслаждение было столь сильным, изнеможение столь приятным, что он выразился кратко и определенно.

– Живи. Будь рядом. Я сам отвезу тебя в Рим, а там мы с твоим дядей уладим этот вопрос.

Женщина накинулась на него, шептала долго и страстно... Потом оседлала, и с тем же восторгом, с переменой положения тел, объятьями, закидыванием ног и поклонением очаровательным ягодицам, – они вновь отправилась в длительное и незабываемое путешествие.

Потом были и хриплые выкрики, и жесткие и болезненные хватания, иступленные удары мужским молотом, доводившие раскалившие лоно Пантеи до умопомрачительного служения богине любви...

* * *

Угар любви схлынул через неделю.

К тому моменту Пантея уже прижилась в маленьком домике, предоставленном Бебию Корнелием Лонгу. Она уже всюю командовала на вилле, состоявшей из небольшого двухэтажного жилого строения, бассейна со ступенчатым спуском к воде, прилегающего сада, обсаженного яблонями и сикоморами (фикусами) и двумя финиковыми пальмами у главного входа, выходившим на небольшую площадь с колодцем и стелой, изображавшей голову льва.

Короткая улочка, упиравшаяся в тупиковую площадь, вела на центральный проспект Александрии, рассекавший город с запада на восток.

Усадьба когда-то принадлежала римскому чиновнику, и после еврейского восстания, случившегося в городе около двадцати лет назад, когда Траян вел войну с Парфией, – в качестве гостевого дома досталась службе фрументариев, следивших за поставками хлеба в Рим.

Это были жуткие месяцы, обернувшиеся неслыханными для городского великолепия разрушениями. Явившиеся из Палестины истеричные проповедники взбунтовали евреев, заселявших восточные кварталы города. Они воспламенили своих приверженцев известием, что на землю во исполнение пророчества явился *мессия*, посланный Творцом спасти

еврейский народ. Они кричали, что наступил «день гнева» и ярость Яхве должна обрушиться на врагов.

Мятеж очень скоро превратился в регулярную войну между приверженцами иудейского культа, составлявшими более трети населения тогдашней Александрии (а оно тогда насчитывало около миллиона), и всеми остальными жителями города – египтянами, греками и италийцами. Сначала восставшие имели успех. Префект Египта, Корнелий Луп вынужден был отступить. В Александрии началась паника. Греки, египтяне и римляне укрылись вместе с Лупом в западной части города, из которого устроили укрепленный лагерь.

На их беду, в начале весны к Александрии с запада, из Киренаики – то есть с противоположной стороны, – приблизилась орда обезумевших евреев, целью которых было объединиться со своими единоверцами в Египте, откуда они намеревались двинуться в Иудею, и, если бы полководцу Марку Турбону и его когортам, встретившему бунтовщиков в боевых порядках, не удалось разгромить их, – городу было бы несдобровать.

Избиение восставших было поголовным.

Легионеры никого не щадили. В резне участвовали все, даже обозники, рабы и лагерные шлюхи. Киренаикские бандиты рассеялись по всему Египту, вплоть до священной Фиваиды (в среднем течении Нила), и везде их безжалостно и зверски убивали. Никто из безумцев даже не пытался просить пощады. Они сами бросались на мечи, в пламя костров, воспевая своего бога, якобы не бросившего их в несчастье и доказавшего, что его царство близко.

В те же дни Корнелию Лупу удалось окончательно подавить очаги сопротивления в самой Александрии. Прорвавшиеся в сторону Иудеи евреи укрылись в пустынях Синая, где, невзирая ни на какие трудности, стремились добраться до стоянок мятежных арабов, называя их «братьями».

После подавления восстания квесторы насчитали более двухсот двадцати тысяч трупов. Это почти все население провинции, которая превратилась в пустыню.

С тех пор город, основанный великим Александром Македонцем, отстроился, раздвинул границы, о чем Бебий подробно написал в послании Марку в Рим.

Что касается путешествия к пирамидам, Бебий не мог ничем похвастаться.

Нератий Приск, обещавший предоставить верблюдов, исчез, а в канцелярии префекта к просьбе выделить охрану отнеслись более, чем прохладно. Чиновники отводили глаза, отсылали от одного к другому, ссылались на то, что после его приезда на город обрушилась новая беда – на улицах Александрии начали разбойничать тени. Кто скрывался за этими нападениями, городским властям выяснить не удалось, однако орудовали злоумышленники дерзко. Запоздавших путников внезапно встречал исступленный собачий лай, затем путь преграждала повозка, над которой вырастала гигантская, неясная и пугающая фигура в черном, потом во всех сторон налетали тени и начиналось избиение.

Несколько таких случаев привели город, давно не знавших подобных ужасов, в состояние паники.

Пантея умоляла Бебия не выходить по ночам, а уж если визит нельзя было отложить, брать с собой надежную охрану, которую следует непременно вытребовать у Вителиса. Она настаивала, что одного Храбрия будет недостаточно.

Оно, может, и так... Бебий вовсе не собирался бездумно рисковать жизнью, однако и посвящать чужих людей в свои секреты не собирался, тем более, что слежку за собой он обнаружил сразу, как только оставил на своем столе в спальне недописанное в Рим письмо.

Вернувшись, чтобы закончить описание великолепного города и его достопримечательностей, он обнаружил, что кто-то посмел развернуть запечатанный свиток и ознакомиться с его содержанием. С того момента, трезво оценивая опасности, которые угрожали ему в Александрии, он начал запирает свои записи в особый ящик, за которым приказал следить Филомузу, а Храбрия попросил приглядывать за живущей в усадьбе прислугой.

Их было пятеро. Старая кухарка, ее супруг, исполнявший обязанности прокуратора, их сын, приглядывающий за садом, и два дряхлых старика, один из которых являлся сторожем и по совместительству набивальщиком матрасов, а другой – выщипывателем волос. Он сразу предложил гостю свои услуги, на что тот по наивности согласился. Этот «мастер банных дел» драл волосы с такой неумной страстью, что Бебий взвыл от боли и далее подмышек его не допустил. Вот еще что поразило Бебия – здесь как и на всем греческом востоке вода не текла из кранов постоянно. Они закрывались наглухо, чему удивлялись все римляне, ведь у них в столице мира вода текла не прерываясь. Иначе и быть не могло, ведь для любого италийца текущая вода священна, а запруженная служила источником всякого нездоровья, гнили и скопищем нечистой силы.

За эти дни он нанес несколько визитов, в частности наставнику местной христианской общины Евмену, которому передал письма от Эвтерма и римского пресвитера Гигина, затем посетил Публия Христогона, ближайшего советника префекта, с которым познакомился, на пиру у Вителиса, и попросил посодействовать в получении проездных документов и выделения охраны. Ничего толкового от здоровенного, мрачноватого, погруженного в какие-то свои мысли, чиновника Бебий не добился. Христогон уходил от прямых ответов, ссылаясь на свою малозначимость, что якобы подтверждалось невозможностью предугадать будущее и его малым рангом – *virī egregi* («отличный муж»). Весь разговор свелся к попытке уговорить гостя похлопотать за него в Риме насчет получения следующего чина *virī perfectissimi* («превосходнейший муж»).

Правда, случались и более приятные встречи. Однажды утром к нему явился посланный легатом Муцианом молодой центурион с приглашением посетить легионный лагерь.

Вояка приехал ранним утром в сопровождении двух конных воинов и начал с такой силой долбить в дверь, что переполошил всю прислугу. Храбрый даже обнажил меч, а Пантея, пригревшаяся на ложе, с перепугу вскочила и бросилась к маленькому, забранному прозрачным стеклом окну.

Бebий спросонья отметил только, что у нее на поясице выделялась красноватая ссадина, которая обычно бывает при бичевании.

Он приказал ей отойти от окна и не «пялиться», на что женщина удивленно ответила.

– Там какой-то вояка. Лица не разберешь, но симпатичный и злой просто ужас...

Женская логика как всегда позабавила Бebия – лица не разберешь, но симпатичный.

Он приказал ей удалиться на женскую половину и носа не высовывать, а сам торопливо напялив тунику, спустился встречать гостя.

Встретил в атриуме, возле имплювия.

Гость в парадных доспехах, в сопровождении двух полуголых воинов первым делом одобрил присутствие Храбрия, сжимавшего ручку дакийского меча.

– Верное решение, Бebий. Всегда надо быть готовым к неприятностям. Мали ли, а вдруг меня послали арестовать тебя? Или принудить к самоубийству? Что ты скис? Не узнаешь, приятель?

Бebий всплеснул руками.

– Боги, кого вы послали мне в такую рань!

Потом, повернувшись к Храбрию и понизив голос, прошипел.

– Спрячь оружие! Привет, Авидий! Как ты здесь оказался?

– Послан к тебе напомнить о приглашении моего командира посетить легионный лагерь? Я твоего отца не знал, но много слышал про «железную лапу». Помнится, ты в Антиохии ни разу не упомянул о его подвигах, все только философия, попойки, и короткие вылазки в стан местных красоток. Зря все-таки ты не остался служить, сейчас уже был бы легионным трибуном. Я, например, пока еще центурион, но лиха беда начало. Что ты стоишь? Собирайся, конь для тебя уже готов. Кого возьмешь с собой? Этого молодца, – он указал на Храбрия.

– Нет, его я оставлю дома, охранять пожитки, которых у меня нет. Я поскачу в одиночку, как в былые годы в Антиохии, когда исполнял воинский долг перед отечеством.

– Ну и как, исполнил? – подмигнул Авидий. – Что-то я смотрю больших чинов на штатской службе ты тоже не нажил. Все истину ищешь?

– Ищу, Авидий! А чины это преходящее. Это для сборщиков налогов.

– Ты кого имеешь в виду, местного квестора? Ну это известный запускала! – засмеялся гость.

– Кто?

– Ну, этот... кто запускает руку в казну. Вот видишь, я сразу выдал тебе один из главных секретов, о котором здесь, в Александрии, не принято говорить. Еще больше ты услышишь в военном лагере.

– Я хотел бы угостить тебя, Авидий...

– Будем терять время или?..

– Или! – воскликнул Бebий.

– Это мне нравится! Это по-нашему...

По дороге обсудили случившееся за те пять лет, что прошли после ухода Бебия с военной службы и возвращения в Рим. Припомнили старых знакомых, потом разговор плавно перешел на состояние дел в столице. Бебий рассказал о последних мерах, предпринятых новым принцепсом для успокоения подданных, без чего нельзя призвать их стать лучше.

Авидий Кассий засмеялся.

– Бесплезное занятие!

– Улучшение нравов ты считаешь бесплезным занятием?

– Нет, призывы. Нравы можно и нужно улучшать, но только с помощью центурионской палки. Это единственное надежное средство. Так было в старые добрые времена, во времена Манлия Торквата и Камилла²⁸, так должно быть и теперь.

Теперь пришел черед Бебию рассмеяться.

– Ты все такой же республиканец.

– Конечно, ведь я потомок Кассия,* (сноска: один из руководителей заговора против Юлия Цезаря.) и на дух не переношу всякого рода разглагольствования насчет врожденных добродетелей, смены вех, замшелых республиканских консерваторов и особенно насчет достоинств деспотии.

– Не зря мы звали тебя Катилина. Но если ты против деспотии, как относиться к твоему тезису насчет палки центуриона.

– Никак не относиться, а просто применять палку. Впрочем, что это мы о пустяках... Ты лучше подскажи, что это за девица мелькнула у тебя в окне?

– Эту женщину подарили мне боги! Мы познакомились в Риме. Она родом из Медиолана.

– Ты в этом уверен? Мне кажется, я встречал ее в другом месте. В храме Астарты в Антиохии, где она исполняла роль храмовой шлюхи и считалась одной из самых умелых шлюх.

– Ты ошибаешься! Она никогда не бывала в Сирии. Она племянница друга нашей семьи. Ее нашли совсем недавно и привезли в Рим.

– Возможно. Республиканцы тоже могут ошибаться. Ты собираешься взять ее в жены?

– К сожалению, это невозможно. Она побывала в чужих руках. Более того, перед самой поездкой я женился.

– Вот как! Я смотрю ты здесь времени даром не теряешь. Впрочем, близкому другу «диалогиста» все позволено.

– Кого ты имеешь в виду?

– Как кого? Наследника! Так называют цезаря в кругу префекта Гелиодора. Это словечко префект подцепил в Риме и привез в Александрию. В столице его уверили, что подобные клички не к лицу первым лицам государства, но об этом мы поговорим в лагере. Ты еще не научился стрелять из лука и метать пилум? А как насчет орудовать мечом?

---

²⁸ *Манлий Торкват* – римский консул 340 г. до н.э., приказавший казнить родного сына за то, что тот в нарушение приказа, вызвал на поединок знатного противника. Казнь была проведена несмотря на то, что юноша одержал победу; *Марк Фурий Камилл* – в 396 г. до н.э. Камилл захватил этрусский город Вейи, который был в осаде в течение 10 лет, после чего его обвинили в несправедливом разделе добычи. Считая обвинения несправедливыми, Камилл отправился в добровольное изгнание. В 387 году до н.э., Рим был захвачен галлами. Республика находилась на краю гибели. Камиллу предложили вернуться и возглавить борьбу против галлов. Камилл собрал войско и изгнал галлов из Рима.

Бebий засмеялся.
– Скоро увидишь.

* * *

Бebий принял участие в упражнениях на деревянных мечах.

Ни легат Валерий Муциан, ни Авидий не могли позволить выставить против потерявшего форму Бebия Лонга опытного бойца, поэтому выпустили молокососа. Гость, сражаясь с ним, пусть и не без неловкости, сумел броситься в ноги сопернику и свалить того на землю. Вскочив первым, Бebий занес палку для смертельного удара.

Легат предупреждающе захлопал в ладоши.

– Хватит, хватит!..

Когда Бebий, распаренный и запыхавшийся, подошел к группе командиров, собравшихся на претории, легат одобрительно похлопал молодого человека по плечу.

Потом была баня, обед, после которого легат и гость отправились на конях осматривать достопримечательности Египта. Охрана, которую возглавил Авидий Кассий, держалась позади, так что они могли спокойно поговорить.

Отъехав подальше от лагеря, Муциан поинтересовался.

– Как проводишь время, Лонг?

Бebий смутился – «...и этот туда же!», – однако вслух пожаловался на канцелярских крыс, засевших в окружении префекта.

– Не могу понять, чем они занимаются? – возмутился он.

– Ждут! – засмеялся Валерий Муциан.

– Чего? – не понял Бebий.

– Что могут ждать канцелярские крысы? Великих перемен.

– Каких? – удивился гость.

– Всяких! Рим всегда богат на сюрпризы. Сегодня уroda-теленка нашли, завтра вдруг ворон прокаркает над императорским дворцом.

Бebий заверил.

– Никаких перемен такого рода, ожидать не следует. Власть в надежных руках и крепчает с каждым днем.

Легат искоса глянул на гостя.

Бebий, оценив подспудную серьезность разговора, добавил.

– Я беру на себя полную ответственность за эти слова. Ты можешь сомневаться – кто такой, этот Лонг, чтобы рассуждать о таких вещах. Да, я не велика птица, и будешь прав, но в отношении перемен я постараюсь переубедить тебя. Ты можешь молчать, можешь поделиться с префектом – поступай, как знаешь. Сам выбирай – спрашивать или молчать. Спасибо, что завел этот разговор, а то в Александрии, как мне кажется, собрались одни молчуны.

Что касается умения Антонина обращаться с властью, готов заверить, что они оба – и император, и наследник – вполне серьезно относятся в слухам о попытках некоторых сенаторов переиграть выбор Адриана. А когда все были

довольны? Даже во времена славного Траяна находились честолюбивые безумцы...

После паузы Бебий продолжил.

– Наследник предупредил меня, что с тобой надо быть искренним, тем более что ты уже сталкивался с Антонином по судебным делам.

Легат помолчал, потом согласился.

– Что ж, Бебий, я готов выслушать тебя. Ты упомянул о важном. У тебя есть ко мне послание?

– Да, только устное.

– А к префекту Гелиодору?

– Нет.

Легат некоторое время что-то прикидывал про себя, потом кивнул.

– Хорошо, пусть будет устное.

– Никаких серьезных, тем более трагических, перемен в Риме не предвидится. Да, такие расчеты есть. Эти скрытные поползновения учитываются, но решимости – я уже не говорю о военной силе – у того, кто держит в руках империи, вполне достаточно, чтобы справиться с любой угрозой. Мне кажется, тебе стоит обратить внимание на мои слова, а не вести себя так, как префект Гелиодор, избегающий встречи со мной, что вызывает определенные сомнения в его верности трону.

После паузы гость продолжил.

– Угроза прекращения поставок хлеба из Египта существует, это может серьезно дестабилизировать обстановку в столице. Я отчетливо осознаю эту угрозу, потому и тешусь с девицей. Меня просили передать, что надеются на тебя и при первом же факте саботажа, ты получишь особые полномочия. В твоих руках воинская сила, и сам решай как использовать ее.

– Но если?.. Почему же нельзя одним ударом!..

Бебий засмеялся.

– Твой вопрос и есть один из главных моментов, ради которого я приехал в Египет. Один из великих императоров, не буду называть его имя, тоже решил одним ударом расправиться с врагами. Что из этого вышло? Все свое царствование он ощущал смертельную опасность со стороны тех, кто счел себя проигравшим. Но это полбеды – в борьбе за власть всегда находятся проигравшие. Страшнее те, кто обижен. Эти обычно теряют разум и готовы на все. Ты понял меня?

Муциан кивнул.

– В таком случае, – продолжил Бебий, – как должен поступить преемник? Повторить ошибку отца? Не лучше ли оставить врагам выбор – если они решатся на дерзость, они потеряют все, а в случае готовности смириться, останутся со всем, что нажили. Прежде всего, с добрым именем и уважением потомков, что очень полезно для наследников. Поэтому, если даже Гелиодор уже сделал выбор, он не безнадежен. Префект – опытный администратор, император не может пожаловаться на него в смысле поставок хлеба.

Меня просили особо подчеркнуть – главное, сохранить спокойствие *in orbem terrarum*²⁹. У римлян и у всех, кто населяет это пространство слишком много дел, чтобы еще заниматься междоусобицей. Мне кажется, это верная

---

²⁹ В обитаемом мире.

политика, даже не взирая на то, что взбунтовавшийся будущий император Веспасиан, когда-то командовал легионом в Египте. Именно с берегов Нила он отправился в поход за императорским жезлом.

– У него не было выбора. После гибели Нерона власть в Риме досталась гнусным проходимцам, а это было чревато...

– А если будет выбор?

– Тогда другое дело.

– Так вот, выбор есть. Тот, кто сохранит верность присяге, сможет добиться большего, чем при опрометчивом желании рискнуть. Прежде всего уважения и почетной старости.

– Ты ведешь опасные разговоры, Лонг.

– Согласен, – кивнул Бебий. – В любом случае я обязан исполнить свой долг.

Легат помолчал, потом признался.

– Многие здесь решили бы рискнуть, но не я! Так и передай в Риме.

– Или переждать? Как, например, Вителис?..

– Не знаю. Доносчиком не был и не буду!

– Это радует. Каждый должен заниматься своим делом. А дело у меня такое – мне надо осмотреть пирамиды. Глупо побывать в Египте и не увидеть седьмое чудо света, а заодно приглядеться к тому, что творится на местах. Поскольку в канцелярии префекта мне не говорят ни «да», ни «нет», мог бы ты выделить охрану для такого путешествия? Это вполне в твоей власти, а помочь наследнику «железной лапы» вполне достойно. Пусть префект задумается – куда же я раньше смотрел? Выбор за тобой.

– Я выбрал. Ты сумел убедить меня, что приехал сюда не только для изучения египетских древностей. Ты прав, я знаком с Антонином, следовательно ты не пустобрех и не провокатор. Антонин, будучи одним из четырех консуляров, управлявших Италией во время отсутствия Адриана, честно разобрал мое дело и, главное, настоял на исполнении решения суда. Это было непросто. Поверь Бебий, это было очень непросто наступить на хвост известному своими криками сенатору.

После долгого молчания Валерий Муциан добавил.

– Я хотел бы предостеречь тебя, Бебий. Ты еще молод и неоправданно доверчив. В Александрии есть свои тени, способные проникать не только в чужие дома, но и в чужие разговоры, и их немало. Я бы назвал этот город рассадником теней, так что поберегись делиться чем-либо стоящим с малознакомыми людьми. Особенно во время поездки к пирамидам, а то можно и не оценить их величавость. Кого бы ты хотел иметь в сопровождающих. Авидий подойдет?

– Вполне. Мы сошлись с ним в Антиохии...

– Вот-вот, об Антиохии он тебе тоже кое-что расскажет – о том, что там творится за кулисами бодрящих рапортов и уверениями в безусловной преданности. Ты слышал, как здесь в префектуре оценивают сложившуюся в столице ситуацию? Теневой заговор.

– Даже так?

– Или точнее, «заговор теней».

Авидий в сопровождении двух всадников доставил Бебия домой. По пути договорились о дате отъезда к пирамидам и количестве сопровождающих. Услышав о желании Бебия взять с собой Пантею, Авидий напомнил о предупреждении Муциана.

– Ты ведешь себя легкомысленно. Наша поездка обязательно привлечет внимание тех, кто прячется в тени, а я еще хочу жить. Ты на всякий случай приглядел бы за своей красоткой. Знающие люди рассказывают, что у храмовых шлюх в Антиохии есть особая примета – маленькое клеймо в виде цветка под мышкой.

* * *

Уже ночью, до изнеможения насытившись Пантеей, Бебий перевернул женщину на бок, поднял левую руку и обнаружил на коже неясный, но отчетливый ожог.

Пантея напряглась, замерла, притихла.

Бебий повернул ее лицом к себе.

– Рассказывай!..

Женщина заметно испугалась, потянулась к Бебию.

– Что рассказывать?

Лонг отвел ее руки.

– Кто подослал тебя? Как ты оказалась в Александрии да еще раньше меня? Что тебе приказано выведать?

Пантея заплакала.

Бебий не торопил ее.

Наплакавшись, Пантея едва слышно выговорила.

– Не могу. Христ меня накажет!..

– Не накажет, – успокоил ее Лонг. – У могучего Рима достаточно сил, чтобы справиться со всякими самозваными сынами божьими. А ну-ка, подскажи, где в Медиолане находится мясной рынок – за Фламиниевой дорогой или возле форума?

Пантея опустила глаза.

– Нас с братом не пускали на рынок.

Бебий усмехнулся.

– Тебя, взрослую девушку, не пускали на рынок? Даже для сопровождения хозяйки?

– Нет.

– Где тебя украли в Риме?

– В Каринах.

– Ты гуляла по Риму одна? Твой дядя позволял тебе в одиночку гулять по городу?

– Меня сопровождал Викс, мой брат. Мы случайно потеряли друг друга.

– Дальше ты ничего не помнишь?

– Не помню.

– Но хотя бы сколько времени ты провела взаперти прежде, чем оказалась на боту галеры?

– День... два...

– А что помнишь в порту?
– Там было много кораблей... А на берегу портик...
– Значит, твои похитители отплыли из Остии. Вот так спокойно взяли и отплыли?

Женщина кивнула.

– Вот что, Пантея, или как тебя там... Ты не могла отплыть из Остии, этого протсо не может быть. Люпусиан сразу бы поднял бы тревогу и сообщил мне, а если добавить, что я в приятельских отношениях с наследником престола и следовательно с императором, тебя просто не могли незаметно пронести на борт судна, а судно не могли бы выпустить в море без тщательного досмотра. Ты будешь говорить правду?

Пантея резко посуровела.

– Я все сказала.

– В таком случае я прикажу Храбрию подвергнуть тебя бичеванию.

Женщина зарыдала.

– Бебий... Бебий...

– Зачем ты вскрывала мои свитки? Что ты искала? Кому передала последний свиток. Я все равно добьюсь правды, но после этого ты станешь калеккой.

Женщина всплеснула руками.

– Боги, почему вы так немилосердны?..

– Говори, шлюха! – Бебий столкнул женщину на пол. – Молчишь? Храбрый! – позвал он.

– Нет-нет, – испугалась Пантея. – я все скажу. Но после того, как ты узнаешь правду, наши с тобой жизни не будут стоять горсточки пыли на дороге. От теней не укроешься.

– Ничего, я буду осторожен. Говори!

– Меня послал Антиарх. Он умеет обращаться с тенями. Он умеет принуждать исполнять его прихоти. Этот шрам он нанес ударом бича по моей тени.

– Зачем он послал тебя?

– Я не знаю. Антиарх исполнял приказ кого-то очень важного человека в Риме. Я не знаю кого. Сразу после подстроенного похищения меня доставили в Остию и мы тут же отплыли. Викс появился в доме дяди под вечер и рассказал, что меня похитили, как он пытался отыскать меня и как боялся появиться в доме.

– То есть, когда Лупа поднял тревогу, галера уже отплыла?

– Да. Все плавание я просидела в каюте на корме. На палубу меня выпускали только ночью и все равно сопровождавший меня раб Антиарха мазал мне лицо черной краской и заставлял надевать черную тунику и накидку.

– Как звали этого раба?

Женщину бросило в дрожь.

– Я не могу назвать его имя. Если назову, мне не жить. И тебе тоже...

– Говори!

– Исфаил... Он – эфиоп, и ему не надо красить лицо. Он сам как тень, только очень большая и страшная тень.

– Ладно, я не буду подвергать тебя бичеванию, но ты должна покинуть мой дом.

– Куда я пойду, Бебий?

– Не знаю. Мне все равно. Ступай к своему Исфаилу. Возвращайся к Вителису.

– Ты обрекаешь меня на вечные муки! Я успела привязаться к тебе... Я давно хотела признаться во всем. Мне от тебя ничего не надо, только позволь быть рядом с тобой. Я буду верно служить тебе.

– Ты не оправдала мое доверие. Я – римлянин, Пантея, и долг для меня превыше всего.

– Какой долг?

– Любой. Гражданский, человеческий, и, конечно, семейный. Как я могу держать возле себя змею, ловко вползшую на мое ложе.

– Бебий!.. Бебий!.. Умоляю, не выгоняй меня!

– Ты хочешь, чтобы я сдал тебе в префектуру, где ты просидишь до моего возвращения из поездки к пирамидам, а потом тебя доставят в Рим, где будут долго и страшно пытаться? Уходи!

Женщина встала, собрала вещи, завязала их в узелок, умоляюще посмотрела на Лонга.

Тот отвел глаза.

– Ты можешь покинуть этот дом утром.

Пантея презрительно рассмеялась.

– Нет уж! Уходить так уходить...

* * *

Из своей спальни Бебий слышал причитания старушки, проводившей женщину до ворот, побряхтывание старика, скрип открываемых дверей...

Некоторое время Бебий сидел стиснув зубы, прикидывал – может, догнать Пантею? Она не могла уйти далеко. В конце концов, он вправе посадить ее под замок, подвергнуть бичеванию – конечно, легкому так, чуть-чуть. В памяти всплыл рубец на спине женщины, ее беспардонное вранье насчет того, что эта отметина – след удара гнусного старикашки по ее тени.

Такое выдумать!..

Впрочем от этих фанатиков всего можно ожидать. С ними ухо надо держать востро. Пусть те, кто послал ее следить за ним, побеспокоятся о ней, а он известит Марка о всей этой истории. Сообщит о заговоре теней. Но прежде надо предупредить Лупу о змее, поселившейся в его доме.

А может, ее так называемый братишка тоже из этих... подручных Аристарха? Тогда жизнь Лупы в большой опасности и, поскольку тот верный слуга отчеству, его безусловно следует предупредить.

Угодив в такую заварушку, Бебий впервые осознал, насколько философия далека от жизни и следование пусть даже и справедливым правилам несколько не помогут в борьбе со злом.

И где оно, зло? Как с ним бороться? Как исполнить долг перед принципсом и его наследником? При этом не имеет никакого значения

дружат ли они? Долг должен быть исполнен при любых обстоятельствах, как исполнил его Муций Сцевола или Атилий Регул³⁰

Как исполнил Марий, Юлий Цезарь, Октавиан.

На следующий день, промучившись всю ночь, Бебий, поручив сборы Филомузу и Храбрию, которые не скрывали недовольства расправой с Пантеей, сам отправился к Вителису, чтобы выразить возмущение по поводу проволочек, с которыми столкнулся в префектуре, необязательности Нератия Прииска, забывшего о верблюдах.

Вителис, похотывая, успокоил гостя.

– Этот вопрос мы уладим... В течение нескольких дней. Ну, может, чуть позже, ведь верблюдов надо пригнать в город. Ты подожди, а уж потом... Глядишь, я тоже составлю вам компанию.

– Нет уж! – резко возразил Лонг. – Ты уже преподнес мне подарочек. Неужели ты не знала, что твоя девка не та, за кого себя выдает?

– То есть, как это не та? – удивился чиновник. – Очень даже та. Самая сладкая ягодка, которой я мог порадовать тебя.

– И заодно шпионить за мной! Она мне многое рассказала. И о том, как ее якобы выкрали в Риме, и с какой быстротой доставили в Египет. Тебе не кажется странным, что пока я ковылял на купеческом зерновозе, ее доставили в Александрию на быстроходной галере? Рассказала она и о том, что некий мерзкий старикашка Антиарх заставил ее совершить это путешествие. Ты не знаешь, кто этот Антиарх?

– Первый раз слышу это имя.

– И о том, что за спиной Антиарха стоит какой-то важный господин в Риме, тоже слышишь в первый раз?

– Что ты говоришь! – всплеснул руками Вителис. – Ай-яй-яй! Кто бы мог подумать.

– Вот и я говорю – ай-яй-яй! – усмехнулся Бебий. – Ты мог бы подумать, прежде чем подсовывать мне храмовую шлюху, да еще спешно доставленную из самого Рима.

Взгляд у фрументария остекленелся.

Бебий тронул его за плечо.

– Что с тобой, Вителис? Тебе плохо. Ладно, не переживай, – успокоил его Бебий. – Я не буду писать в Рим об этом забавном приключении.

Вителис порывисто схватил его за руку.

– Благодарю тебя! О-о, как я благодарю тебя!! Теперь я твой вечный должник. Проси у меня чего хочешь, все исполню!

Эта напыщенность покорила Лонга.

---

³⁰ *Муций Сцевола* – пытался убить царя г. Клузий (Этрурия) Порсену в 550 г. до н.э. Пойманный, положил руку в огонь, чтобы доказать несокрушимость римского духа; *Марк Атилий Регул* – консул. Во время Пунических войн попал в плен к карфагенянам. Был под честное слово отправлен в Рим, чтобы передать условия мира и призвать сограждан заключить мир. Вместо этого он призвал римлян к войне до победного конца. Вернувшись в Карфаген, подвергся жестокой казни – его положили в ящик, утыканном гвоздями, где он и умер от бессонницы.

Он поспешил распрощаться.

* * *

Уже в пустыне, оглядывая со спины громадного верблюда, бескрайнюю бесплодную равнину, Бебий никак не мог отделаться от ощущения, что, прожив без хлопот и разочарований почти тридцать годков, он так ничего и не понял в окружавшей его действительности, о происхождении, становлении и гибели которой с таким апломбом рассуждал на диспутах или на дружеских симпозиумах. Поднимая тосты за одухотворяющую *пневму*, мироправящий закон, за великую науку жить по правилам, установленным вселенским разумом, который, как оказалось, пропитывает каждого из нас и придает смысл и перспективу человеческим деяниям, – он упустил что-то чрезвычайно важное, основополагающее, без чего душа была не на месте.

В поучениях великих стойков все было складно, притерто, разумно – как, например у Эпиктета, который жизнью оправдал изрекаемые им истины. То, что это были истины вечные, всеобщие, осязаемые, – бесспорно, и все равно, чего-то в них не хватало. Существовали зазоры, которые никакой, даже самый разумный и чистоплотный философ не мог объяснить. Например, сюрприз, который ждал его утром следующего дня.

Сразу после восхода солнца к его дому подогнали пяток верблюдов, разбудивших своими криками всех домочадцев. Бебий выскочил на улицу и сразу угодил в объятия Нератия Приска. Купец беспрестанно кланялся, рассыпался в извинениях, слезливо требовал милости.

Его объяснениям появлению этих волосатых, одnogорбых великанов, успевших загадить всю проезжую часть улицы, трудно было поверить, но пришлось поверить.

– ...я вовсе не забыл о своем обещании, но господин должен простить меня – я хотел выбрать самых красивых, самых могучих «кораблей пустыни»...

Он принялся яростно чесать шею самого здоровенного из этих пугающих животных. Тот победно завопил, да так, хоть уши закладывая.

Вот еще загадка – Авидий Кассий даже не удивился появлению верблюдов. С Нератием он разговаривал сурово и даже выговорил ему за малочисленность припасов и постыдный вид грязных и оборванных погонщиков.

Тех поменяли...

Выбравшись за городские стены, опоясывающие Александрию со стороны пустыни, Авидий поинтересовался.

– Как там твоя красотка? Успел насытиться? Здесь в пустыне таких куколок больше не встретишь. Все грязные до невозможности.

Бебий поджал губы.

– Я еще с вечера избавился от нее. Мне в доме соглядатаи не нужны.

Авидий засмеялся.

– Правильно сделал! Поступай в том же духе и скоро станешь столичным префектом.

* * *

До наступления жары Бебий раздумывал – правильно ли он поступил с Пантеей?

Добропорядочно или нет?

Приемлема ли такая жестокосердность в поведении человека, придерживающегося разумных взглядов на жизнь? Не проявилась ли в его поступке скрытая расчетливая предубежденность? Точнее, неразумная службистская тяга, которой он с такой легкостью позволил овладеть собой.

В любом случае невозмутимостью его решение даже не пахло, и эта уступка слепой обиде не давала покоя. Теперь, оказавшись в сердце пустыни, гнев, которому он позволил овладеть собой, казался мало того что поспешным, но еще и неуместным.

Неожиданно поддался жалости – взял бы Пантею с собой... Ехали бы на одном верблюде, она бы обнимала его за пояс. Вдвоем и жару переносить легче.

...припомнилось, с каким упоением она пальчиками своих ног почесывала его напряженные в сладостной работе икры.

Он оборвал эти глупые мысли. Император, наследник, великий Рим понадеялись на него, а он распустил нюни.

Что сделано, сделано, тем более, что предупреждение о заговоре теней он успел изложить утром в послании Марку. Он послал Филомуза к надежному человеку, на которого ему указал Марк, с приказом, как можно быстрее доставить письмо в столицу. Звали этого человека Евсевием, он являлся помощником Вителеса и заведовал канцелярией фрументария.

...надо было бы к нему заглянуть, поговорить о том о сем, уговаривал себя Лонг. Он пытался отвлечься от воспоминаний о Пантее, однако угрызения нарастали и давили, как нарастал и давил зной всходившего к зениту солнца.

Путешествие заняло почти три недели, с остановками, посещениями древних египетских храмов, угощениями от местных магистратов. Погода была жаркая, и все равно Бебий лично убедился, что первый урожай в этом году будет обильный. Если боги расщедятся, второй урожай тоже будет богатым, так что в Риме могут не беспокоиться – столица будет с хлебом.

Что касается пирамид, они уже издали подавили всякие сомнения в полезности поездки. Рукотворные горы оказались куда более громадными и величественными, чем это представлялось по изображениям, рассказам свидетелей и предчувственным ожиданиям. Чем ближе, тем меньше оставалось сомнений – такое чудо могли сотворить только великаны, которых по определению не могло быть на земле даже в мифические времена. А вот на тебе – пирамиды как стояли так и стоят. Их треугольные спины ярко блестели на солнце, напоминая, что есть на земле нечто непостижимое для наших мудрецов.

Еще более величественными они показались на закате.

Ночью Бебий так и не смог заснуть – все разглядывал непостижимо величественные сооружения. Черные тени пирамид закрывали полнеба – яркого, звездного, обволакивающего землю. Он не мог отделаться от изумления – если эти искусственные горы дело рук невзрачных загорелых крестьян, нескончаемые, надрывные труды которых ему приходилось наблюдать в Дельте, каков же размах мысли был у создателей этого чуда?

Разговоры с Эвтермом, короткие объяснения Зии убедили его – весь окружаемый, доступный человеческому взгляду мир был создан единой силой. Глядя на пирамиды, занимало другое – какое место неведомый создатель отвел в этом пространстве человеку? На что он может рассчитывать и какова была цель миротворящего разума, сотворившего такое непостоянное в добродетели, подверженное нелепым страстям, существо?

На рассвете опять подмешалась неясная грусть – не давали покоя утомительные и навязчивые тени воспоминаний, ведь память это ничто иное, как коллекция теней прошлого.

Припоминалось все – и руки этой красотки, ее поцелуи, ее умение прижиматься и выдавливать из него все, до самого донышка; вспоминался неимоверный прилив страсти.

Он вышел из палатки и уселся на песок в ожидании восхода. Сидел неподвижно, только руки продолжали ощупывать и поглаживать песок, на котором он сидел. Справиться с прихлынувшим желанием было невозможно, и вопреки всякой логике, всякой нелюбви к соглядатаям, дал слово, что как только вернется в Александрию, сразу же прикажет Храбрию отыскать Пантею.

Он вернет ее...

С тем и заснул на мягком ложе, на матрасе набитом тростником, из которого местные умельцы ловко выделяли предназначенную для письма принадлежность, называемую папирусом. Это ремесло граничило с искусством и, следовательно, с чудом.

Обратный путь оказался недолог, и к вечеру четвертого дня, караван вошел в Александрию.

С Авидием он простился возле легионного поста, с погонщиками перед городскими воротами. В дом вошел еще засветло, был встречен радостными криками старушки и старика и обоих сторожей – набивателя матрасов и выщипывателя волос.

Омылся в бане и при последних лучах солнца искупался в бассейне.

У себя в спальне достал чистый папирус и, пристроившись на ложе, прикинул, как покороче и поточнее описать свои впечатления от поездки к пирамидам.

... тогда и раздался стук.

Кто-то с силой забарабанил в ворота его дома.

Бебий не в силах совладать с собой, бросился к уличному выходу. Следом помчались Храбрий и Филомуз. Дак попытался обогнать хозяина, отеснить от двери.

Бебий оттолкнул его и, первым выскочив на улицу, споткнулся.

Возле порога лежал увесистый сверток, в нем было что-то мягкое. Бебий наклонился, откинул ткань и вздрогнул – на него смотрела Пантея. Смотрела бесчувственно, из вечности. Горло у нее было наполовину перерезано, и эта отвратительно глубокая и черная, похожая на тень, щель сразу ударила по глазам.

Бебий разрыдался, развернул сверток. Женщина была одета в те вещи которые были на ней, когда она покинула его дом.

Храбрый оттащил его от безжизненного тела, потребовал, чтобы хозяин взял себя в руки и убрался с улицы, чтобы не привлекать зевак сбегавшихся зевак. Они действительно прибывали и прибывали.

Бебий взял себя в руки и помог Храбрию занести Пантею в дом.

Здесь приказал доставить ее атриум...

Глава 7

Пантею похоронили на следующий день – тело сожгли на погребальном костре. Дома Бебий, исходя из той мысли, что он вроде как дал вольную рабыне, устроил небольшие поминки, на которые никого не звал.

Вителис явился сам. Пришел, поцокал языком, обвинил в убийстве местных бандитов. Поделится секретом, полученным от Христогона – будто эти бандиты, которых развелось в Египте слишком много и которые отсиживаются в нильских плавнях, совсем распоясались. Они называют себя «слугами Каукет-мстительницы», пугают прохожих языками пламени.

– ...сначала извлекают ма-аленькую искорку, которая вдруг раздается в громадный огненный шар, – Вителис сделал испуганное лицо и обвел руками факел, которым налетчики приводили в ужас обычных смертных.

Бебий машинально поинтересовался.

– Кто такая Каукет?

Вителис буквально восхитился возможностью поведать гостю о страшной богине.

– Местные... египтяне то есть, рассказывают, будто Каукет или Кекет вместе со своим супругом Куком входит в божественную семью, называемую *Огдоадой*. В первозданное время, – Вителис, изображая первородную темноту хаоса, предшествующую свету, опять, раскинув руки, обвел несуществующий объем, – мир был похож на водянистую массу темного цвета. В этом бесцельном хаосе якобы жили четыре богини-змеи и четыре бога-лягушки. Этими божествами были прародители воды – Нун и Наунет, невидимости – Амун и Амаунет, бесконечности – Хех и Хаунет, и тьмы – Кук и Каукет.

Эти восемь божеств сотворили мир, который мы наблюдаем. Они создали небо и землю, верх и низ, «лево» и «право», прошлое и будущее. Они дали начало самой жизни.

Рожденная в птолемаидских катакомбах, Каукет является богиней закатных сумерек, в которых вечером уходит солнце. Ее муж Кек олицетворял утренние сумерки, из которых оно рождалось.

Бебий усмехнулся.

– Ты, оказывается, поэт, Вителис. Любишь сказки...

– Нет, скорее, я – наблюдатель, которому хорошо известно, что при приближении царства тьмы первыми на землю пробираются полчища теней, повелительницей которых является сама Каукет. Противостоять им бессмысленно.

– А если попробовать? – поинтересовался Бебий. – Опереться, скажем, на надежного человека у власти?..

– Такие только в сказках бывает, – засмеялся Вителис.

– Не скажи, – упрекнул его хозяин. – В Риме достаточно упорных и приверженных римским древностям граждан. Другое дело, что времена действительно изменились, тени осмелели, но ведь днем в самый полдень они где-то прячутся. Или кто-то их прячет. Я хотел бы предостеречь таких приверженцев мрака от поспешных и необдуманных поступков. Сейчас не время разводить тьму. Сейчас надобность в тех, кто стремится к свету. Это вовсе не означает абсолютное отрицание тьмы. Это означает принятие и яркости, и смутности. При свете дня теням тоже найдется место. Что касается Тьмы, ее беда в том, что во мраке нет разнообразия, нет многоцветия, только кровь и гибель.

– Это кто ж тебя просветил? – засмеялся Вителис. – Уж не эта ли погибшая шлюха? Интересно, что она еще напридумывала? Эти шлюхи способны на такое вранье, что только держись.

– Я держусь, Вителис. Только Пантея уже вряд ли способна что-нибудь наврать. Или я не прав? Интересно взглянуть на ее убийц.

Вителис засмеялся и подхватил.

– Вот об этом мы и поговорим на вечернем симпозиуме. Угощение обещаю пальчики оближешь. К тому же я приготовил тебе подарок... Таковую лапочку...

Бебий перебил фрументария.

– Не надо лапочек! У вас, в Египте, гляжу, любят дарить женщин, а потом вспарывать им горло. Это намек?

– Никакого намека! – восторженно заверил его Вителис. – У нас этого добра не меньше чем в столице. Впрочем, нет так нет. А насчет Каукет, самый большой специалист по этому вопросу Христогон. Ему есть что рассказать по этому поводу. И предложить...

– Хорошо, – согласился Бебий.

* * *

Проводив фрументария, Лонг решил отписать в Рим обо всем, что случилось с ним за время поездки к пирамидам. В первую очередь поделиться опасениями насчет странного поведения высших магистратов провинции Египет. Обязательно упомянуть о происках «огнедышащих» теней», а также сообщить, что в случае непредвиденных обстоятельств можно будет опереться на Муциана и его легион.

На мгновение задумался – стоит ли упоминать о Пантее или отложить этот разговор до возвращения в Рим? Руки тяжелели при одной только мысли о том, что придется писать о собственном жестокосердии.

...тут его и ударило!

Он отбросил наполовину исписанный папирус и попытался унять расхолодившееся сердце. Неужели к животной страсти, которая тревожила его воспоминаниями об этой женщине, примешивались какие-то иные, более чувствительные соображения?

Эта догадка внезапно оформилась в пугающе болезненный надлом – зачем его навел Вителис?

Тенью чего он являлся?

Что хотел выяснить?!

Что напридумывала Пантея?

Неужели ее сбивчивый рассказ о невероятно ходкой галере, каком-то гадком старикашке по имени Антиарх и неизвестном господине, который стоял за этим безумным предприятием, имел такую важность?

Всплывший следом вопрос окончательно добил его – а не сам ли он навел Вителиса на мысль, что Пантея поделилась с ним, Бебием, чем-то крайне важным?

Кто, кроме него самого, мог сообщить фрументария, что она не та, за кого себя выдает?

Неужели этого хватило, чтобы заставить ее замолчать?

Он сам ответил себе – ...вполне. Если так, значит, она погибла из-за его легкомыслия, и Вителис примчался, чтобы выведать, что еще она успела выболтать.

Приоткрывшаяся истина – мелькнул хвостик и исчез – огорошила еще одним пугающим прозрением.

...почему он решил, что Пантея заглядывала в его письма? Неужели храмовых шлюх обучают грамоте?

Тогда кто? Если намеки Муциана насчет заговора оправданы, значит соглядатай где-то рядом.

Прячется в тени?..

В таком случае, узнай Христогогон, что написано в этом брошенном на пол папирусе, это окажется для него, Бебия, смертным приговором.

...он долго сидел в безмолвном оцепенении – неоправданная поспешность внезапно обернулась беспросветной глупостью и приговором всем его многолетним усилиям по овладениями *правилами жизни*. Все эти годы он верил, что действуя согласно этих правил, можно избежать самых постыдных и недостойных устремлений. Прежде всего разгула слепых чувств! Для *знающего человека* не было более недостойного поступка чем поддаться слепым чувствам.

Жизнь и, что еще хуже, смерть этой далеко не безупречной девицы одним махом зачеркнула все досужие рассуждения насчет миротворящего разума и сопряженной с ним вселенской *пневмы*. Все эти вопросы – дробна или непрерывна материя, рождается человек честным или становится им, что есть доблесть, как относиться к богатству, как цели или как к средству? – оказались не более чем пустопорожними упражнениями в риторике.

Это бесспорная истина буквально доконала его!

...страшная буря разразилась потоком слез.

Стоило ли прилагать столько усердия в изучении основ правильного – что также означало и праведного! – распорядка жизни, чтобы отдать на растерзание женщину, которая доставила ему столько радостных минут?

Хотелось взвыть, однако Бебий сумел справиться с собой, но от признания, что за какие-то несколько дней Пантея стала очень дорога ему, отвертеться не удалось. Как он мог пожертвовать живым, невыразимо сладостным существом в угоду тысячам слов?!

Как мог предать ее?

Своими руками!..

Бебий упорно, с римской последовательностью одолел овладевшее им отчаяние – вина безмерна, однако теперь следует позаботиться о будущем. О самом ближайшем... О «завтра» и «послезавтра»... О том, что мечь зловредных теней неотвратимо нависла и над ним тоже.

А также над Марком, его венценосным отцом...

Над государством!..

Проблеск нездешнего, идущего от куда-то издалека сияния – с небес, что ли? – подсказал...

...оставь упреки!

...отдайся свету! Вот и тебе довелось отведать полноту жизни. В полной мере. Она слеплена из света и тьмы.

...посчастливилось – именно так, «посчастливилось»! – познакомиться с собственной *тенью*, о которой ты слыхом не слыхивал, которая так долго скрытно и ненавязчиво жила в тебе, а тут выглянула на свет. Ты воочию узрел, кто ты есть и с кем теперь тебе придется идти рука об руку. Это трудный путь и начни его с матери-мысли – попробуй выявить мерзкого соглядатая, притаившегося в доме. Затем сегодня же – сейчас же!! – откровенно поведай обо всем, что с тобой случилось, передай это письмо в надежные руки, чтобы в случае беды оно непременно достигло Рима.

...помни о Риме!

...в памяти всплыло имя – Евсевий! Марк Аврелий предупреждал – на него можно положиться!

Упрек стиснул душу – ему назвали верного человека, а он легкомысленно пренебрег им.

Филомуза с письмами посылал!

Подставлял мальчишку?

Выходит, так!..

Что же теперь?

Предаваться отчаянию, спрятаться в норке или пойти на пир к Вителису? Там можно подискутировать, поспорить?

О чем спорить с теньями! С ними можно только воевать!..

...первым делом дописать письмо для Марка, затем тайно встретиться с Евсевием и передать ему свиток, а также приказ стоявшей в Царской гавани боевой галере каждую минуту быть готовой к отплытию.

Филомуза посылать нельзя. Хватит крови!..

Бебий поднял папирус с пола, развернул его.

...на чем я остановился? На заговоре теней?

Он быстро изложил все, что узнал от Пантеи, легата Муциана и Авидия Кассия, приписал некоторые свои соображения насчет местных магистратов – в трудную минуту на них нельзя будет положиться. Хуже того – на высших чиновников тоже! Им по силам прервать доставку зерна в Рим.

Запечатал послание, положил на стол.

Достал из сундука чистый папирус, развернул его.

Это для соглядатая.

С чего начать?

Начнем-ка с приветствия наследнику – пусть доморощенный шпион знает, куда сует свой нос. В письме никаких имен, только сведения о внутреннем положении в стране и верности Валерия Муциана...

В военном лагере они легата не достанут!

Ни слова о «заговоре теней», а вот о Пантее подробно, не стесняя сердце. Особенно о таинственной галере и важном римском господине, стоявшем за спиной мерзкого старикашки; о подозрительном разгуле преступности в Александрии, «огнедышащих» бандитах», прикидывающихся теньями и странной слепотой полицейской службы.

Этого достаточно.

Он запечатал свиток.

Теперь дело за Храбрием.

...позвал Филомуза и велел передать даку, чтобы тот вышел в сад.

В саду Лонг поведал телохранителю о змее, притаившейся в доме.

– Сможешь ли ты незаметно вернуться в усадьбу и проследить за тем, кто посмеет без разрешения войти в мою спальню?

– Сделаем, хозяин, – успокоил его Храбрый. – Может, заодно?..

Телохранитель выразительно ткнул большим пальцем в землю.

– Ни в коем случае! Хватит поспешных решений! Филомуза предупреди, чтобы скрытно собрал мои вещи. Только самое ценное, тряпки пусть не трогает. Сейчас я отлучусь. Когда буду возвращаться, встретишь меня на в начале улицы. Вечером отправимся на пир к Вителису. Храбрый, это будет опасное путешествие... Смертельно опасное!.. Будь готов лицом к лицу встретиться с огнедышащими призраками. Я постараюсь обеспечить подмогу, но не уверен, что она подоспеет вовремя.

– Ничего, господин, справимся...

* * *

Бebий недолго петлял по городу.
Тайных сопровождающих не было.

...они надеялись на вечернюю пирушку?..

Добравшись до нужной двери, постучал три раза и тут же был впущен в полутемную прихожую. Отсюда навстрел вела лестница, по которой торопливо, то и дело всплескивая, руками спускался бородатый, перепуганный человек в греческой хламиде – «...господин, разве можно так рисковать! Почему без телохранителя?»

– Так надо, Евсевий. У меня к тебе срочное, не терпящее отлагательств задание. Немедленно отправь в Царскую гавань верного человека, пусть тот найдет капитана императорской галеры и передаст этот свиток. Письмо надо спрятать понадежнее. Пусть капитан приготовит корабль к немедленному отплытию. Портовые власти предупреждать не надо.

Грек неожиданно успокоился и даже как-то по-домашнему обмяк. Он не без ухмылки поинтересовался.

– Ты уверен, господин, что местные власти не посмеют задержать императорскую галеру?

Лонг удивился.

– Разве в Александрии уже не действуют общеимперские законы?

– С одной стороны действуют, но... Что это мы в прихожей застряли. Прошу подняться наверх, – он указал на крутую, неудобную лестницу.

...расположились они на галерее, с которой был видна часть перистилия.

– Здесь удобнее всего, – объяснил хозяин. – Здесь нам никто не помешает, ведь береженного Бог бережет, не так ли?

– Какой из богов, Евсевий? – уточнил Бebий.

– Бог един! – утверждающе заявил грек.

– Ты полагаешь? – насторожился Бebий.

Он припомнил неясные объяснения Пантеи насчет некоего «Христа», единобожие которого припахивало огнедышащей смертью.

Грек подтвердил.

– Да, я привержен единому Богу.

– Какому именно? В Александрии мне поведали, будто в Иудее было несколько распятых.

– Я из назореев.³¹

Бebий многозначительно усмехнулся.

– Не слишком ли ты откровенен с римским всадником?

– Я откровенен с воспитанником отмеченного Божьей милостью Эвтерма и его добродетельной супруги.

---

³¹ В ту пору христиан называли «назореями» – то есть последователями пророка из Назарета.

– Ты с ними знаком?

– Да. Они отписали мне о твоём прибытии.

– Неужели они тоже верят в Христа?

Евсевий даже подскочил.

– Ни в коем случае!!

Потом возбужденно заверил гостя.

– У нас один светоч – Иисус Христос. Те, кто поклоняются темному, исполненному злобой Христу или повелителю теней, сумрачному Ялдаваофу, или новорожденному Хаосу, обратившемуся в слепого Абракаса, или злодею Каину, – являются прислужниками дьявола, воплотившегося когда-то в мерзкую Каукет. Я слушаю тебя, Лонг?..

– Та-ак...

Бебий потер виски, потом кратко, в двух слов повторил просьбу не только предупредить капитана галеры, но и обеспечить ему охрану на пути от дома главного фрументария до арендованной усадьбы.

В конце как бы между просим поинтересовался.

– Что ты не поделил с Вителисом?

– Тебе скажу. Он продался Христогону, а тот кому-то в Риме. Кто-то предложил этому негодяю хорошую цену за молчаливое содействие.

Лонг, беда зреет... Тьма уже в двух шагах... Ведь что такое Тьма как не зловещее перемешивание теней.

Они уже бродят по улицам, разве ты уже не убедился в этом?

Тени купили Вителиса. Ему объяснили – «...тебе есть что терять, а дни Антонина сочтены. Если будешь трепыхаться, первым угодишь под меч». Я не знаю подробностей, но полагаю, что дело идет к завершению. План такой – в нужный момент прервать поставки хлеба в столицу и взбунтовать сирийские легионы. Муциан против них не устоит.

– Что значит «в нужный момент»?

– Как только поступит сигнал из Рима, Христогон взбунтует пастухов, которые прячутся в Дельте. Местные называют их буколами. В непроходимых тростниковых дебрях можно спрятать кого угодно. Префект Египта якобы потеряет самообладание, начнет слать в столицу панические извещения, требовать дополнительные силы для подавления бунта...

Бебий прервал его и в упор спросил.

– Ты знал и молчал?

– То, что я знаю и о чем догадываюсь, две большие разницы, Бебий. У меня нет доказательств. Если бы я встрепенулся раньше срока и отписал о своих подозрениях в Рим, меня уже давно на свете не было. Сведения о состоянии дел в столице доходят до Александрии из первых рук. Прямо из императорского дворца!.. Нельзя сказать, что им безоговорочно верят, но Вителис трус и до сих пор мечется между...

– Префект Гелиодор тоже встал на сторону заговорщиков?

– Скорее всего, да. Краем уха слышал, что Гелиодор под напором Христогона дал согласие. Пока префект ни в чем конкретно не замешан, но в случае беды он ничем не поможет центральной власти. Как я мог отписать такую новость в Рим, если у меня нет фактов. Я мелкая сошка...

– Эх, Евсевий, ты говоришь, что соратник Эвтерма. Он, помнится, невзирая на гнев моего отца, встал на защиту Лупы. Ладно, я тебе не судья.

Евсевий подался вперед и, стукнув себя кулаками в грудь, с жаром заговорил.

– У любого человека есть грехи! Кто из нас безгрешен? Разве что Иисус Христос!.. Даже у такого праведного человека как Эвтерм есть грехи! Он всю жизнь мечтал уйти к непросвещенным и донести до них слово Христово, а вместо этого отправился на поиски Антиноя, которого прежний император после утопления в Ниле провозгласили Богом. Вот тебе еще один Христ! Адриан надеялся с помощью мальчишки затмить Того, кто пострадал за всех нас.

Адриан не один такой. Знаешь сколько объявилось тех, кто извращает заповеди Христа. Поклонники Хри́стоса или «ловцы теней», как они себя называют, – самые гнусные. А есть еще валентиниане, маркиане, карпократиане...

Бebий прервал его.

– Как ты дашь знак, что все готово?

– Я нарисую на колодце возле твоего дома крест.

* * *

В начале улицы Бebий различил укpывшегося в тени Храбрия.

Тот подошел к нему и тихо выговорил.

– Сын хозяйки.

– Где он сейчас?.

– У мамыши. Я могу вызвать его в сад. Он даже не пикнет...

– Нельзя, Храбрий.

– Позволь, господин!! В память о Пантее!..

Это был сильный удар! Храбрий словно в висок угодил.

Почему те, кто был рядом, разглядели, а он, такой умный, образованный, велеречивый, – непростительно *согрешил*.

Это подвернувшееся на язык словцо, вынырнувшее из детства, упомянутое Евсеем, упоминавшееся Эвтермом и Зией, – окончательно добило Бebия. Неужели когда человеку плохо, он переходит на их язык?!

Бebий Лонг никогда не относился к своему воспитателю всерьез. Конечно, он любил его, доверял и слушался, но все это казалось увлеченному философией юнцу какими-то досужими житейскими мелочами.

Примитивной бытовухой...

А ведь Эвтерм тоже когда-то являлся ритором и знал толк в досужих рассуждениях, касавшихся мирового разума и ненасытной, вся и всех пропитавшей *пневмы*. Выглядеть смешным в глазах окружающих Эвтерм стал после того, как свихнулся на увлечении заповедями палестинского бродяги.

А может, Бога?

Единобо и неделимого, ведь, уверовав в него, Эвтерм рискнул своим благополучием, а то и жизнью, чтобы спасти дерзкого дакийского волчонка, признавшегося в том, что собирался убить Траяна.

А он, знаток философии, под завязку напиханный всякого рода учениями, «истинами» и силлогизмами, – не сумел спасти одного-единственного человека.

Женщину, которая просила о помощи, которая прилепилась к нему, а он к ней...

И что обиднее всего, никто из множества родных – римских! – богов не предупредил знамением, не напомнил, хотя бы шепотом, о святости долга по отношению к ближнему своему.

Ближней своей...

Разве что устами Авидия Кассия они одобрили его твердость к преступнице.

Это был неразрешимый вопрос.

Бебий взял себя в руки.

– Нет, Храбрый! Ты будешь сопровождать меня на симпозиум. На обратном пути на нас могут напасть. Среди тех, кого подошлют, есть некий здоровяк. Он темен лицом... И душой... Он умело режет горло женщинам и умеет плевать огнем.

– Ну, это пустяковое дело, господин. Есть такая горючая жидкость. Стоит только смочить ею рот, как любой выдох превратится в пламя. Особенно, если ко рту поднести зажженный факел.

Бебий удивленно глянул на Храбрый.

– Откуда ты знаешь?

– От уличных фокусников.

Дома с мыслью, что «...есть многое на свете, Марк-дружище, что и не снилось нашим мудреца», Бебий проверил свиток.

Так и есть, метки не совмещаются.

Он вышел в перистиль, заглянул на кухню и как бы невзначай поинтересовался у кухарки.

– Где хозяйский сын?

– Он куда-то отправился. Торопился очень.

Глава 8

Первым делом Бебию на симпозиуме преподнесли огромный, в форме рога ритон с сирийским вином и, судя по крепости, его словно нарочно едва разбавили. Обычно вино разбавляют водой в соотношении два к трем, а здесь и на одну порцию поспешили.

Станным также показался состав гостей. Легата Гая Валерия Муциана не было, как, впрочем, и торговца зерном Нератия Прииска.

«Все свои!» – так назвал это сборище Вителис.

Заправлял «своими» вольноотпущенник префекта мрачный Христогогон. Сегодня он вел себя куда более развязно, чем при первой встрече – покрикивал на подносящих угощение и наполнявших кубки рабов, командовал распорядителем, как и в прошлый раз стоявшим сзади, у одной из колонн, прямоугольным портиком обнимающих расставленные в саду пиршественные ложа.

Вителис лишь поддакивал ему.

Пока угощались, вели себя сдержанно. Наконец заметно охмелевший Христогогон обратился к Бебию.

– С какими чудесами ты встретился на своем пути к пирамидам, Лонг? Неужели пустыня настолько привлекательна, чтобы тащиться по бесплодным камням в такую жару? Ты, вероятно, имел какую-то особую цель? Не стесняйся, поделись с нами увиденным. Нам, местным увальням, будет полезно услышать правду о себе.

– Правду услышать всегда полезно, – согласился Бебий. – Скажу главное – в Египте все спокойно. Урожай обещает быть богатым, а вот в Александрии творятся странные вещи.

– Какие именно? – нахмурился Христогогон.

– Если днем власть префекта не вызывает сомнений, то ночью улицами владеют самые отъявленные бандитские тени. Разве их нельзя унять, Христогогон?

– Как их уймешь, когда день ото дня этих негодяев становится все больше и больше!

– Выведите на ночные улицы караулы. Прикажите Муциану взять под охрану легионеров центральные районы города и прежде всего Царский дворец.

– Вон ты куда загнул, Лонг! – засмеялся Христогогон.

Вителис хохоточком поддержал его.

– Мы не настолько неосмотрительны, чтобы довериться воякам, которые, случается, бывают похуже самых отъявленных разбойников. Ты уж позволь нам самим решать, как и с чьей помощью мы должны сохранять спокойствие в городе.

– Безусловно, – кивнул Бебий. – Охрана порядка в городе в руках префекта.

– Что ты еще высмотрел, Бебий? – поинтересовался квестор, ответственный за сбор налогов. – Не подобрал ли себе новую красотку?

– Откуда ты, сборщик налогов, знаешь, что кто-то посмел покушаться на жизнь моей рабыни?

– Ха, об этом весь город знает!

– Весь город – это кто? – Бебий проявил настойчивость. – Назови имена.

Квестор заерзал на своем ложе.

– Ну-у, и там и здесь говорят...

– Имена! – потребовал Бебий. – Я не оставлю это злодеяние без возмездия, и первый, к кому придут легионеры, будешь ты.

Вителис попытался унять разгоравшуюся ссору.

– Нашли тоже о чем жалеть! В Александрии такого добра пруд пруди.

– Такого добра, может, и пруд пруди, а вот грамотная шлюха попалась мне впервые. Она, оказывается, была настоящая сказочница. Такие сказки по ночам рассказывала, заслушаешься.

– Ловлю тебя на слове, Бебий! – закричал Вителис. – Я подыщу тебе не только грамотейку и сказочницу, но и редкую умелицу по части телесных наслаждений.

– Подыщи, подыщи! – согласился Бебий. – Друзья, прошу меня извинить, но я очень устал за эту поездку. Путешествие на верблюде запомнится мне

на всю жизнь. У меня до сих пор все косточки болят. Разрешите откланяться. Завтра я намерен добиться аудиенции у префекта Гелиодора – придется раскрыть ему глаза на разгул бандитствующих элементов в столице провинции, – поэтому мне надо хорошенько отдохнуть.

– Завтра префект никого не принимает, – огрызнулся Христогон.

– Вот я и прошу тебя, Христогон, посодействовать мне в этом деле. Я полагаю, что личного представителя цезаря Марка Аврелия он не откажется принять?

– Может, и примет... – неопределенно согласился Христогон. – В котором часу ты намерен посетить префектуру?

– Как всегда, когда спадет полуденный жар.

Христогон кивнул, словно взял на заметку срок, назначенный гостем.

* * *

Храбрый ждал Лонга на улице.

От носилок-лектик, предложенных Вителисом, Бебий по предварительному уговору с Храбрием отказался. Там за занавесками ни черта не видно, и при внезапном нападении сомнут так, что и пикнуть не успеешь, как получишь удар мечом в сердце и в печень.

Путь был недолгий. На центральной улице еще было много прохожих – правда, все они, судя по напряженным лицам, спешили поскорее добраться до надежных домашних стен.

Бебий и Храбрый тоже не медлили – шли в ногу, с оглядкой. Бебий ближе к проезжей части, дак прикрывал хозяина со стороны стен и колонн портиков, откуда в любое мгновение могли выскочить недобрые люди.

...добрались до своей улицы, свернули направо. Впереди в свете масляных светильников уже угадывалась знакомая площадь с колодцем, украшенным стелой с головой льва.

Однако до открытого места добраться не удалось. Выход на площадь внезапно перекрыла выкатившаяся на проезжую часть арба с громадными, выше человеческого роста, колесами. На ней неожиданно выросла гигантская бесформенная завеса.

Следом из черных завес выдвинулась темная зыбкая тень. Рожденная в птолемаидских катакомбах, она был темнее ночи.

Тень не спеша сползла с повозки и двинулась в сторону опешившего от ужаса Лонга.

Да не раздумывая выскочил вперед и метнул метательный нож. Лезвие звякнуло о металл, и этот звук разом привел Бебия в чувство. Призрак гнусно, вполне по-человечьи выругался и ускорил шаг.

Бебий и Храбрый встали спина к спине – дак лицом к гиганту, Бебий прикрывал его сзади. Так они и двинулись в сторону спасительной двери в усадьбу. Что творилось за спиной Бебий не видел – слышал только лязгающие удары и скрежет сведенного оружия.

На него самого внезапно выскочили три невысоких, тоже одетых во все черное негодяя. Выпад первого Бебий отбил, при этом сумел нанести тому смертельный удар.

...не к месту вспомнились учебная схватка в военном лагере. К месту – не к месту, а жить захочешь, вспомнишь.

Двое других бандитов начали осторожничать и попытались подобраться к Бебию с боков.

Все поменялось в одно мгновение!

Подступавший слева бандит внезапно, словно подавившись, хрипло вскрикнул и сполз на камни мостовой. Горло ему пробила стрела. Следующая угодила во второго бандита. Тот охнув осел на камни.

Изображавший птолемаидскую тень верзила, наступавший на Храбрия, неожиданно скрючился, схватил за ногу повыше колена и бросился наутек. На ходу он попытался вырвать из бедра угодившую в него стрелу.

Не получилось, древко обломилось. Призрак, сбросивший черный плащ и оказавшийся огромного роста эфиопом, свернул в проулок, откуда выкатилась повозка и, громко ругаясь, помчался по проулку.

Бебия сотрясала нестерпимая дрожь. Успокоил его Евсевий, вовремя подоспевший на площадь.

Успокоившись, Бебий ворвался в дом, схватил за волосы Филомуза.

– Собрался?

Тот, перепуганный, часто закивал.

* * *

Первым делом Филомуз и присланные от Евсевия люди принялись выносить вещи и грузить их на повозку, которую бандиты бросили на площади.

Из коридора выглянул перепуганный сын хозяйки. В руке он держал заправленный маслом светильник.

Храбрый решительно двинулся в его сторону.

Бебий схватил его за руку

– Подожди.

– Не уж, хозяин, это ты подожди...

Сын хозяйки метнулся обратно в комнату. Храбрый зашел туда...

Бебий на мгновение замер, прислушался...

И ничего! Ни вопля о помощи, ни мольбы о прощении, ни всхлипов...

Ни-че-го!!

Храбрый вышел из комнаты, вытер лезвие меча о валявшийся поодаль плащ-пенулу и последовал за Бебием.

* * *

Все дальнейшее свершалось помимо воли Лонга. Люди, присланные Евсеем, двигались быстро, как заведенные – за полчаса они докатили повозку до Царской гавани. Идущий впереди здоровяк оглушил раба, присматривавшего за воротами, ведущими в гавань, и распахнул ворота.

Вошли в гавань. Здесь их поджидали. Евсевий перекинулся парой слов с капитаном галеры. Бебий, Храбрый, Филомуз поспешили на палубу. Их провели на корму, где спрятали в потайной каюте.

...отплыли сразу.

Бебий не удержался и выбрался из каюты. Последнее, что увидел в благословенном, а может проклятом богами, небе Египте, было зарево в руке бронзового Посейдона.

Факел освещал низкие тучи. Свет маяка еще долго разгонял птолемаидскую тьму и скопище морских теней, волнами набегавших на борт корабля.

Часть III

Архонты выходят из тени

Тот год был годом ужаса и чувств, более сильных, нежели ужас, для коих на земле нет наименования. Ибо много было явлено чудес и знамений, и повсюду, над морем и над сушею, распростерлись черные крыла Тьмы.

Э.А.По

Глава 1

Мертвый груз будущего давил на Бебия Лонга все двухнедельное плавание.

Не давала покоя открывшаяся лишь в последние дни истина – в Египте все готово к выступлению, тревожило – верно ли он поступил, так скоропалительно сбежав из Александрии?

Может, стоило укрыться в лагере Муциана?

Мысль была глупая – тем самым он давал повод префекту Египта Гелиодору потребовать его выдачи, а в случае отказа объявить легата и Бебия «врагами государства».

... но более всего удручала необходимость физической близости с Матидией.

...девочка-супруга ни в чем не виновата, а он, такой образованный, начитанный, благородный, пошел на поводу у распутной девки.

... вспомнив о Пантее, смахнул слезу. Неутоленная страсть была сильнее всяких укоров, раскаяния, всяких оправданий и государственных соображений.

Когда миновали Неаполь, капитан выпустил почтового голубя.

...вот что оформилось при виде портовых сооружений Остии – начинается новая жизнь.

...или, что пугало еще больше, жизнь придется начинать заново.

В Остии галеру встретил усиленный патруль конных гвардейцев-сингуляриев. Бебия усадили в закрытую повозку, задернули шторы – все молча, жестами, без единого возгласа. Добравшись до Остийских ворот, Бебию также жестами предложили пересест в носилки-лектики. Здесь он распрощался с Храбрием, приказав тому как можно быстрее добраться до дома Люпусиана и предупредить того об опасности, исходящей от Антиарха и его подручных. Затем четверо громадных лектикариев почти бегом доставили Лонга в родной дом на Целийском холме.

Здесь его уже ждали.

В атриуме собрались наследник-цезарь, Зия, Эвтерм, Матидия. Подальше, за имплювием – водоемом, куда собиралась дождевая вода с крыши, – толпились домашние слуги.

Приветствовали хором.

Расцеловались...

Матидия, коснувшись губами небритой щеки мужа, покраснела. В следующий момент Эвтерм пригласил всех к столу.

Бебий решительно отказался.

– Сначала баня, иначе я окончательно изойду потом, – потом обратившись к Марку Аврелию, предложил. – Давай со мной.

Когда они остались наедине и когда Бебий попытался выложить ему самое важное, наследник решительно прервал его.

– Самое важное оставим на после еды. Нам спешить некуда, а ты, дружище, хорошенько обдумай, что будешь говорить. Наш разговор будет записывать писец...

– То есть?..

– Поэтому постарайся выложить все ясно и точно.

– ...и ничего не скрывая?

– Само собой. Тебе есть что скрывать?

Бебий кивнул. На мгновение вспомнилась робость Матидии, ее волнение и некоторую стесненность в тот момент, когда он в знак приветствия легко обнял ее.

– ... это существенно? – поинтересовался цезарь.

Бебий отрицательно покачал головой.

– Может подождать, – потом признался. – Меня смущает присутствие писца. Он проверенный человек?

– Более чем, – заверил наследник престола.

– И тем не менее...

Понизив голос, он сообщил Марку о предупреждении Евсевия – мол, все что происходит в императорском дворце, через пару недель становится известно в Александрии.

Затем, уже громче, Бебий предложил.

– Давай-ка я сначала расскажу все, что случилось со мной в Египте, потом ты сам решишь, что выкладывать в присутствии раба-номенклатора, о чем лучше промолчать.

Марк возразил.

– Нет, Бебий, будет лучше, если ты расскажешь все, как есть. Моему человеку можно доверять. Можешь также довериться императору – все, что следует сохранить в тайне, будет сохранено.

* * *

После бани, удалившись с Марком в кабинет отца, который им уступил Эвтерм, Бебий начал с изумления, которое он испытал от неожиданно шумной встречи, организованной местным фрументарием в Александрии. Громогласная навязчивость Вителиса, окружение префекта, в котором всем заправляет мрачный, злопамятный вольноотпущенник Гелидора Христогона, ошеломляющая неожиданность и щедрость подарка, приготовленного ему Вителисом – никак не соответствовали частной поездке, которую в качестве туриста совершал Бебий.

Сначала то и дело поглядывал на писца – тот невозмутимо водил стилóм по восковым дощечкам – и Бебий немного успокоился.

...вскользь поведал о Пантее и только для того, чтобы выявить ее связь с неким Антиархом в Риме и его подручным Исфаилом, устраивавшем в Александрии нападения теней, обжигающих огнем, очень похожие на те, что случались в Риме

...упомянул о последней стычке с тенями, поджидавшими его у фонтана.

– Что касается эфиопа, он ранен в ногу. Должен остаться шрам. Эфиоп и Антиарх имеют какое-то отношение к Люпусуиану, поэтому того надо предупредить немедленно. Схватить этого прыгуна Викса. Но главное выяснить, кто изображает из себя верховную тень, и у кого нечистые мысли насчет дворца.

– Этим уже занимаются. Как насчет легата II Траянова Неустрашимого легиона, расквартированного в Египте?

– Муциан хранит верность присяге, тем более, что он должник Антонина, но у него только один легион. Мой сослуживец Авидий Кассий утверждает, что главная угроза исходит из Сирии. Там три легиона, которыми командует неумеренно алчный и спесивый претор Присциний, а также вечно фрондирующая местная знать.

– Кто такой Авидий Кассий?

– Центурион II легиона. Достойный служака, но настроен чрезвычайно республикански.

– Это хорошая характеристика для молодого человека, особенно если он считает, что верность присяге и безупречное исполнение долга обязательны даже для самого верного республиканца.

– В этом можешь не сомневаться. Перед отъездом я договорился с Муцианом, что тот вслед за мной отправит в Рим Авидия для получения конкретных указаний.

– Вполне разумная мера, – одобрил Марк, – тем более что слова Кассия подтверждают имеющиеся у нас сведения.

– Почему бы не пустить их в дело и одним ударом вырвать заразу с корнем?

– Потому что Урбик застрял в Британии. Его медлительность вызывает порицание даже у моего приемного отца.

– Да уж... – кивнул Бебий. – Уж кого-кого, а вывести из себя Антонина, это надо уметь.

После недолгого молчания, Бебий неожиданно признался.

– Ты не поверишь, Марк, я сплю и вижу эту женщину, ее обряды и неземные ласки. Случается, обнимаю... Не могу простить себе ее смерть.

– Вот на этом я хотел бы остановиться особо. Тобой недовольны, Бебий. Спокойствие в государстве во много раз важнее любых обрядов, личных пристрастий и безумных страстей.

– То есть?..

– Зачем ты выгнал эту женщину? Мало того, что обрек ее на смерть, так еще и собственноручно оборвал ниточку, которая вела к самому сердцу заговора. Надо было доставить ее сюда. Здесь она бы выложила все, что ей известно о недоброжелателях императора и в первую очередь о Сацердате и его покровителях. Они очень опасны. Вторую грубейшую ошибку ты совершил уже в Риме, приказав Храбрию срочно известить его хозяина о лжеплемяннике. Тем самым ты предупредил заговорщиков и дал им время замести следы.

Бебий растерялся.

– Я как-то не сообразил...

– Тебя извиняет неопытность в государственных делах, но в следующий раз сначала думай, потом делай. В конце концов, ты сам настаивал, что исключительно разум является верным путеводителем в земных делах, а никак не безумные страсти.

– Но здесь Пантею могли бы подвергнуть пыткам!!

– Если этого потребуют интересы государства.

– Марк, я не понимаю тебя. Неужели интересы государства важнее жизни этой женщины?

– К сожалению, интересы государства важнее жизни любого из нас. Рим стоял и будет стоять на этом, разве не так?

– Так-то оно так, но я думал...

– Мы с тобой очень много думали, теперь пора перейти от слов к делу. На нас возложена ответственность. Пора придать нашим мечтам, нашему видению мира, ясному представлению о том, что такое хорошо и что такое плохо, практический смысл. Эта шлюха много знала.

Мы рассчитывали на тебя... Была задумка в будущем назначить тебя префектом Египта, и эта возможность еще не исчерпана, так что выбор за тобой. Забудь об этой девке. Встреча была мимолетной, расставание тягостным, но твоей вины в ее смерти нет. Раскаяние в данном случае неуместно. Как ты будешь жить с Матидией, если не в силах справиться с памятью о случайном, пусть даже очень увлекательном приключении?

Бебий промолчал

...что здесь возразишь?!

Только мельком, сквозь щель в сознании, осветилось... а может, не надо справляться?

Может, лучше не забывать, и каждый следующий шаг соизмерять с искуплением вины? Но жалость, как с детства уверяли всех мальчиков и девочек в Риме, унижительна. Для римского гражданина это самая позорная, самая недостойная страсть.

Жалость!..

Римлянина можно простить, амнистировать, к нему можно проявить милосердие, основанное на разумном предположении, что осознавший вину гражданин теперь не пожалеет жизни, чтобы искупить ее.

Но сострадать!..

Присесть рядом и обоюдно пустить слезу – это было невысказано, оскорбительно для римской доблести.

Щель замкнулась.

В памяти возникло смущенное лицо Матидии. Она была хорошенькая и с ней предстояло жить. Она-то в чем виновата?

* * *

Лука долго вглядывался в лицо мальчугана, выдававшего себя за его племянника.

Оно было невинно, безропотно и покорно, только в глазах изредка промелькивала подспудная тревога.

– Итак, – спросил Люпусиан, – ты утверждал, что сестру украли у тебя на глазах и ты до вечера искал ее в городе? Почему ты не вернулся домой и не предупредил меня? Почему не поднял тревогу?

– Страх удерживал меня, господин.

– Тогда каким же образом Пантея оказалась в Александрии, на противоположном берегу моря, где ее приставили к посланцу императора? Как ты можешь объяснить это странное обстоятельство?

– Не знаю, господин.

Люпусиан некоторое время пристально разглядывал физиономию Вика, потом спросил.

– Сколько тебе лет?

– Четырнадцать...

Пауза.

– Вот что, «племянник». Сейчас ты отправишься в свою комнату. Там ты крепко подумаешь, не рассказать ли все, что касается тебя, твоей так называемой сестры и вашего пребывания в Медиолане. Вспомнишь все о своей матери, если конечно, тебе есть что вспомнить, а также признаешься, где и когда ты встретился с Пантеей, как вы познакомились, кто вас познакомил и, главное, кто стоит за так называемым «похищением».

Вик дрожащим голосом перебил хозяина.

– Что с моей сестрой?

– Ее убили.

– Как убили?!

– Зарезали, – объяснил Люпусиан.

В глазах мальчишки мелькнул ужас.

На его лицо на мгновение легла тень и оно чрезвычайно постарело. Следом в глазах промелькнуло что-то зловещее, и этот новый облик куда больше подходил «племяннику», чем прикид глуповатого мальчишки.

– Иди... – приказал хозяин. – Подумай.

* * *

Храбрый отвел Вика в его комнату, расположенную на верхнем этаже унылого, непомерно громадного особняка, который отгрохал себе его бывший владелец – сенатор Аквиллий Регул и о котором до сих пор в городе вспоминали с ужасом и ненавистью, как об одном из самых отъявленных доносчиков и негодяев, сколотивших свой капитал при недоброй памяти Домициане.

По пути Вика поинтересовался у Храбрия.

– Это точно насчет Пантеи?

– Точнее не бывает. Сам видал.

– Но этого не может быть... – задумчиво, обращаясь к самому себе, подытожил мальчишка.

Уже у самой двери Вика вновь подал голос.

– И ты видал, кто это сотворил?

– Нет, кто сотворил, не видал, а вот с черным дьяволом, выдающим себя за посланца птолемаидской Тени, пришлось познакомиться.

«Племянник» переступил через порог и сквозь зубы предупредил.

– Это дорого обойдется тебе...

– Иди, иди, – подтолкнул его Храбрый.

Только затворив за «племянником» дверь Храбрый с удивлением и не без дурного предчувствия отметил, что последние слова пленника никак не соотносились с хныкающим и обиженным ребенком. Угроза более подходила пронырливому и безжалостному злоумышленнику, сумевшему ловко втереться в дом к «дяде». За такими как Википед нужен глаз да глаз.

...может предупредить хозяина, чтобы мальчишку связали и лишили возможности двигаться?

* * *

Храбрый как в воду смотрел.

Вечером, когда мальчишке принесли ужин, в комнате никого не оказалось. Вика словно сквозь землю провалился.

Обыскали дом.

Люпусиан приказал удвоить караул и на ночь выпустить всю свору собак.

Глава 2

Тайна раскрылась случайно.

Это случилось в тот день, когда маленький Луций Вер, цезарь и соправитель Марка Аврелия узнал, что в латинском языке существуют буквы и звуки, а звуки бывают гласные и согласные.

К сожалению, это открытие не очень-то заинтересовало мальчишку. В ответ на угрозу порки, Луций показал учителю язык, на чем и попался. В зал, где обучался Луций, вошли император и его соправитель Марк. Заметив высунутый язык, они очень удивились.

Мальчик тут же спрятал язык, а смущенный грамматик отступил назад и поклонился.

– В чем дело, Луций? – поинтересовался Антонин.

Мальчик покраснел, заерзал, потом, набравшись смелости, заявил.

– Аполлоний пугает меня всякими демонами. Он называет их звуками и буквами. Он заявляет, что демоны-звуки бывают гласные и согласные, а буквы маленькими и заглавными. А мой дядя Цивика заявляет, что для будущего августа важнее держать подданных в страхе и проявлять милость к подданным, а не издавать всякого рода звуки или писать буквы.

– Как же ты будешь отдавать распоряжения, если будешь молчать?

– Я не стану молчать!

– Ну, а тем, кто находится в сотнях миль от тебя, как будешь отдавать приказания?

– У меня будут слуги, которые доставят их в самые отдаленные провинции.

– Как же жители тех провинций удостоверятся, что приказы подлинные, а не фальшивые.

Луций задумался, потом просиял.

– А я их подпишу и приложу императорский перстень.

– Но как же ты подпишешь документ, если не будешь различать буквы?

– Ладно, – согласился Луций, – буквы я выучу, но за это, отец, ты должен подарить мне маленькую лошадку.

– Не рано ли ты решил ставить условия принцепсу, Луций? – возмутился Марк Аврелий.

– Этому надо учиться с малолетства, Марк! – решительно возразил мальчишка. – Иначе будет поздно. Дядя утверждает, если опоздаешь, потом тебя никто слушаться не будет.

– Странное утверждение, – удивился император. – Помнится, я учил тебя, что прежде чем объявить свою волю, надо быть уверенным, что она будет исполнена точно и в срок и послужит процветанию Рима.

– А Цивика говорит, любой приказ императора подлежит исполнению. Даже самый наиглупейший.

Император и Марк Аврелий удивленно переглянулись, затем Тит обратился к Аполлонию.

– На сегодня, думаю, достаточно. Урок окончен. Ты свободен.

Учитель поклонился и вышел из комнаты.

Император подошел к мальчику и взял его за плечо.

– Ты делишься с Цивикой с тем, что услышал во дворце?

– А как же, ведь он мой дядя, а я будущий принцепс и должен знать, что творится во дворце.

Марк Аврелий изумленно открыл рот.

– Какой же приказ он назвал наиглупейшим? – спросил он.

– О поездке Лонга в Египет. Любой догадается зачем Бебия послали в Египет.

– Зачем же?

– А то вы не знаете! Чтобы сменить тамошнего префекта Гелиодора. Только вы не думайте, я сам догадался. Что я, глупый, что ли? Только это зряшное дело. Бабий совсем заучился, да еще спутался там с какой-то шлюхой. Я не стал бы ему доверять.

– Луций, разве я не предупреждал тебя, что все, что мы обсуждаем с Марком в твоём присутствии, нельзя выкладывать посторонним. Ты будешь наказан, малыш.

– Розгами?

– Розгами, – подтвердил Тит.

Мальчик погрузился.

Император поинтересовался.

– Ну, а с кем Цивика делится этими секретами? Хотя откуда ты можешь знать?

– Ха, не знаю! С сенатором Ацилием Аттианом. А тот делится новостями с префектом города Катилием Севером. Однажды дядя даже обмолвился, будто Аттиан признался, что есть новость, которая будет очень интересна префекту города.

– Какая новость?

– О том, что в городе появился разбойник Сацердата. Ацилий Аттиан еще заявил, что этого пса следует подержать на привязи.

* * *

Оставшись одни, Тит Антонин и Марк некоторое время молчали.

Тишину нарушил Марк Аврелий.

– Возможно, отец, ты поторопился с Луцием? Не пора ли исправить ошибку?

Император отрицательно покачал головой.

– Его усыновление являлось условием Адриана, и я не вправе отказаться от данного слова.

– Но?..

– Что бы ни случилось, все к лучшему, Марк. Я всю жизнь придерживался этого правила, и оно меня ни разу не подвело. Это во-первых!.. А во-вторых, не так уж плохо мы почитали отеческих богов, чтобы какая-то кучка заговорщиков, поддавшихся живущим в их душах демониам, сумела овладеть Римом, его наследством и славой.

– Но надо же что-то делать!

– Конечно. Но делать по-умному. Пока заговорщики не переступили черту, ответные меры должны быть адекватны содеянному. Мы должны переиграть их в замысле, в умственном, так сказать, отношении.

– Может, мне стоит поговорить с Катилием Севером. Как никак он был моим воспитателем и всегда по-доброму относился ко мне...

– Обязательно, но не сейчас. У нас нет ясности, нет точного понимания, что задумали эти... – он не договорил, только сжал пальцы в кулаки. – Сейчас многое зависит от Урбика. Сколько он будет возиться в Британии?! Нельзя бездумно будоражить Египет, в этом случае Рим останется без хлеба. Следует точно выяснить, что творится в Сирии. Видишь, сколько

неотложных дел? Но самое неотложное... – он задумался, – что задумал Аттиан? Чем опасны тени, которыми распоряжается негодяй Сацердата? Этим ты должен заняться в первую очередь и как можно скорее разузнать об этом разбойнике.

– Я привлеку к этому Бебия Лонга.

Император резко прервал его.

– Ни в коем случае! Пусть Бебий разберется со своими домашними. Воздержись пока от встреч с ним. Это успокоит заговорщиков, даст знать, что мы с тобой не придали значение тем сведениям, которые он привез из Египта. Меня куда больше волнует состояние дел в провинции Сирия – точнее, в Антиохи, в этом рассаднике смутьянов и бунтовщиков. Для этого нам понадобится свежий, неизвестный в Риме человек. Бебий, кажется, упоминал о каком-то сослуживце, с которым встретился в Египте?

– Да. Его зовут Авидий Кассий. Из семьи римских переселенцев. Родина – город Кирр, расположенный недалеко от Антиохии. Отец его был центурионом, к концу службы достиг более высоких должностей. Сам Авидий возводит свой род к Гаю Кассию Лонгину, старому республиканцу, убийце Цезаря. Он гордится этим предполагаемым предком. Ему нравятся прозвища «Катилина» и «Марий», присвоенные ему солдатами. В настоящее время служит во II Траяновом легионе, расквартированном неподалеку от Александрии. Бебий дал ему отличную характеристику – смел, напорист и, несмотря на то, что слывет отъявленным республиканцем, службу знает.

– Надо бы вызвать его в Рим, но незаметно. Извести Муциана – пусть тот назначит его начальником стражи, везущей собранные подати в Рим. Это надо сделать как можно быстрее.

– А как быть с Луцием?

– Мальчишка простоват и невоздержан на язык. Сделаем так...

Глава 3

Спустя месяц после возвращения Бебия Зия, домоправительница Лонгов, неожиданно слегла, тем самым притушив на время назревавший взрыв страстей, сгущавшихся в семье из-за прохладных отношений, установившихся между хозяином дома и его молодой женой.

В первую ночь господин как рухнул на ложе, так сразу уснул. Только к утру, внезапно пробудившись, деловито овладел Матидией, и уже в процессе соития, словно вспомнив, что спит с «чужой», незнакомой ему женщиной и как бы «изменяет» Пантее, – на мгновение помедлил, потом, уступая страсти, довел дело до конца, после чего даже приласкал жену – погладил по лицу и с легким стыдом осознал, что даже не понежничал, не ощупал ее, не познакомился с ней руками...

Навалился как изголодавшийся солдат или неуч, а у девчонки оказалось кое-что занятное. Например, родинка на левом ушке, приятная на ощупь попка, приманчивая и обильная грудь.

Шрам на щеке, мягкие плечики...

Тонкие, но крепкие пальцы...

Приманчивая гладкость кожи между ног...

Мягкая и густая шерстка внизу живота...

Матидия терпеливо ждала постепенно пробуждения набиравшего силу интереса к ней. Она прильнула к плечу мужа, коснулась пальчиками его левой руки, гладившей ее тело в разных местах. Дыхание у нее участилось, она прижалась к мужу, с такой силой обхватила его, что Бебий не устоял.

Утром наступило похмелье.

Весь день молодой господин ходил хмурый, не в силах совладать с нараставшим в душе протестом против половодья мелких хозяйственных забот, вопросов со стороны Эвтерма и Зии насчет дальнейшего управления имуществом, разговоров с набежавшими подрядчиками, предлагавшими свои услуги по ремонту дачи в ПUTEОЛАХ, а может, и городского дома, сдаче в аренду оливковых и виноградных плантаций и кирпичного завода.

Испытывая некоторое раскаяние перед женой, которую в припадке страсти назвал Пантеей, он скинул на нее разговоры с подрядчиками. Себе оставил прием клиентов, каждое утро являвшихся в дом патрона. Клиентов у Лонгов было на пальцах одной руки пересчитать, и отделаться от них можно было одной-двумя фразами.

Матидия повиновалась молча, ни словом не упрекнув мужа в обидной ошибке.

Эвтерм, с которым Бебий поделился сомнениями насчет своих способностей совладать с хозяйством, высказался просто.

– Бебий, теперь не спрячешься, не увильнешь. Мы с Зией совсем одряхтели. Хочешь не хочешь а придется нести этот крест.

– Только не надо, Эвтерм, этих прозрачных намеков насчет креста и прочих суеверий, о которых я и в Александрии наслушался предостаточно.

– В чем ты видишь суеверие, сынок? В необходимости заняться хозяйством? Наладить отношение с Матидией? Твоя дóмина тоже человек, Бебий, а ты, насколько мне известно, всегда придерживался той точки зрения, которая настоятельно требует любезного отношения к окружающим тебя людям. Или ты теперь сменил точку зрения, отыскал новые истины? Этот путь у тебя всегда был недолог. Или, может, ты наконец согласился с вашей римской мудростью, утверждающей, что человек человеку волк? Помните, это выражение обронил Плавт. Или, как твой дружище Марк, ты проникся заветами предков, утверждавших – государство превыше всего? Так, что ли?

Бебий замешкался с ответом.

– Нет, старик. Но я в растерянности...

– Вижу, сынок. Надеюсь, ты позволишь называть тебя сыном, ведь это мы с Зией вырастили тебя. Твоя мать была замечательная – неземная! – женщина, а отец – достойный господин, всегда твердо придерживающийся римских обычаев. Помните, Адриан называл его «замшелым пнем». Но при этом он никогда не посягал на своих домочадцев, уверовавших в Господа нашего Иисуса Христа. Требовал только, что бы мы не выпячивали нашу веру, которую ты назвал суеверием. Не тыкали ею в глаза и не стремились пострадать за нее.

Время, Бебий, неумолимо.

Время, Бебий, невзирая на все уловки местных мракобесов и залетных проходимцев, движется к концу.

Грядет расплата, по нашему *апокалипсис*.

Требуется сделать непростой выбор, от которого сердце болит, а душа стонет.

Это известная многим лихорадка.

Я тоже перешагнул через это, когда, отыскав Антиноя, возвращался в Рим. Адриан в Вифинии сообщил о смерти твоего отца, и мне некуда было податься, как вернуться в Город и заняться хозяйством. Об этом просила меня твоя бабушка.

Я шел и плакал. В прямом смысле слова. Потому что не хотел возвращаться в Рим, это средоточье зла. Что мне было делать в этом вертепе? Как спасти свою душу? Что я надеялся здесь отыскать? Праведную жизнь? Это смешно. Это глупо. В Риме нельзя обрести ни спокойствия, ни уверенности в завтрашнем дне. Здесь только истуканам привольно. Знаешь, как страшно было вновь погрузиться в греховную жизнь. Устою ли?

Куда как легче было отправиться в пустынь! В добровольное изгнание, в котором попытаться растолковать слово Христово каждому, кто пожелал бы его выслушать.

Как-то, отчаявшись, я признался нашему местному пресвитеру, что готов бросить все и бежать из Рима куда глаза глядят. Очень мне тогда хотелось поискать святой жизни. Все лучше, чем ждать потери имущества. Мы тогда, Бебий, были на грани разорения.

Телесфор, наш епископ – ты его не помнишь, маленький был, он наложил на тебя руки и благословил... Крохотный такой старичок, седенький, лицо морщинистое, голосок ласковый, дребезжащий. Он и посоветовал – не спеши, Эвтерм. Не ищи святой жизни в обмен на праведную. Измерь юдоль страданий, а не беги от нее. В каком звании кто призван, в том и оставайся перед Богом. Так учил апостол Павел – «обрезание ничто и необрезание ничто, но *все* в соблюдении заповедей Божиих»*. Праведная жизнь возможна и здесь.

Здесь и сейчас.

Потом объяснил – ты, Эвтерм, в Риме человек небезызвестный. О том, что ты христианин, знают многие из высших и низших, и никто не упрекнул тебя. Ты хозяина своего, Лонга, не испугался. Когда совесть возопила, отправился к Траяну молить за несчастного мальчишку. А теперь, когда познал Христа, когда укрепил его в сердце, решил сбежать? Что скажут язычники? Ушел, мол, Эвтерм. Бросил шесть десятков душ и исчез. Пусть выводят их на невольничий рынок, пусть распихают кого куда. Жен отдельно, мужей отдельно. Матерей отдельно, детей отдельно. А что же, спросят, Эвтерм?

Он куда глядел?

А он святую жизнь отправился искать! Слово Божие проповедовать. Подумай, что обо всех нас, о братьях и сестрах твоих, будут говорить?

Эвтерм, у тебя же есть руки! Ты – раб Божий, а Спаситель без помощи не оставит. Ты грамотен, многознающ – трудись! Ведь не Христос за тебя трудиться должен. Господь наш свое претерпел, а ты свое претерпи.

Говоришь, собственность отягощает, хозяйственные заботы отчуждают от философии, домашняя блудница склоняет к прелюбодейству, но ведь

выбора нет. Придется уживаться, а грехи отмолишь. Такова юдоль печали, которую называют жизнью – и в этом Истина!

Его Истина...

* * *

Бebий был вынужден согласиться с Эвтермом – слова воспитателя были верными, но веяли откуда-то издалека, из недостижимых пока краев.

Может, с небес, но эта обитель, где обитала его родная мать, была недоступна и гипотетична, а тут уныние, хозяйство, счета, подряды, необходимость заняться кирпичным заводом, невысказанные упреки Матидии, на которые так или иначе придется ответить, так что болезнь Зии, а затем ее внезапная кончина вместе с неослабным горем принесла и некоторое душевное облегчение.

Бebий горевал не то чтобы неискренне, но как-то поверхностно и только спустя несколько дней, когда пронзительно вспомнились ее последние слова, сказанные ему перед кончиной – «...похороните меня в катакомбах. Я всегда была тебе как родная, а ты мне как сын. Пусть была строга, иногда несправедлива, но вырастила. Как считаешь?», – Бебия словно что-то подтолкнуло – а ведь верно! Родную мать он не помнил, а Зия всегда была рядом.

...он тогда не выдержал и спросил.

– Ты о чем, матушка?

– Будь добрее с Матидией. Помиришься с ней, признай ее. Приласкай. Я пригляделась к девчонке. Тебе повезло с женой, Бebий. Она – подарок с небес, а ты спутался с продажной храмовой шлюхой. Это не к лицу Лонгам. Будь добрее с Эвтермом. Он очень переживает, что до сих пор сидит в тенетах. Бebий, прошу тебя, не держи его. Если решит уйти, пусть уходит. Я так хочу встретиться с ним на небесах. И с твоим отцом... И с Адрианом... Мне было так хорошо с ними.

После паузы добавила.

– О большем не прошу. Решать тебе, но с девчонкой помирись.

* * *

Спустя несколько дней после смерти домоправительницы, он впервые заговорил с Матидией.

Ночью...

Расспросил, как уживалась с Зией, на что молодая женщина крайне удивленная, что мужа потянуло на такие далекие от поиска истины разговоры, призналась, что «...Зия была еще та штучка!»

– Учила насильно. К нашей родовой прялке, которую я прихватила из дома, отнеслась пренебрежительно – заявила, это, мол, все ваши римские причуды. Ткачеством да покорностью Бебия не приманишь. Принудила съездить на кирпичный завод, на виллу в Путолах. Ту, что Траян подарил твоему отцу. Она, безусловно, стоит немалых денег, но там требуется ремонт. Заявила – тебе, девонька, самой придется тащить хозяйство, я твоего

муженька знаю. Ему истину подавай, да ученую компанию, да досужие разговоры. Она предупредила, что ты не дурак, – Матидия приподнялась на локте и, заглянув в глаза мужу, который никак не ожидал подобной прямоты, добавила. – Ну и ты не будь дурой.

Затем прильнула щекой к плечу мужа.

– Что будем делать с кирпичным заводом, Бебий? Как поступим с виллой в ПUTEОЛАХ? Не хотелось бы продавать, ведь это подарок самого Траяна. Насчет оливковых плантация я договорилась с откупщиками.

– Я так и знал! – в сердцах, но без прежнего холодного иступления и нескрываемого возмущения, откликнулся Бебий. – Ты начнешь требовать от меня того, этого...

– А как же! – согласилась Матидия, – Но сейчас мне бы хотелось потребовать от тебя другого... Я так соскучилась, Бебий!..

Она погладила его по животу, легонько подергала волосы в паху, коснулась мужской плоти.

Та резко взбодрилась, и Бебий обнял жену, перевернул на спину. Пусть и помимо воли, но с нарастающим желанием и проснувшейся обильной страстью вошел в нее.

...успел упрекнуть себя – раскис, расслабился, поддался хозяйственным пустякам. Это казалось обиднее всего.

...с каждым новым толчком эти бредовые мысли безнадежно таяли, обращившись жадой женского тела, непривычного, узенького, ожившего.

Матидия с каждым новым толчком все яростнее разогревала его...

И вовлекала...

Не отпустила, когда Бебий истек, внезапно и обильно. Удерживала, пока сама не содрогнулась.

Но и потом не отпустила. Поерзав, потребовала еще... потом еще, и только когда муж окончательно обессилел, отпустила его и, свернувшись клубочком, закинула девичью еще, не налившуюся приятной женской тяжестью ногу на мужа.

Бебий и это позволил.

Позволил расцеловать себя всего начиная с губ и кончая коленками. Выбравшись оттуда, Матидия победоносно взглянула на мужа и повторила вопрос.

– Что будем делать с кирпичным заводом? Бебий, нам нужны подряды! Как император вознаградил тебя за успешную поездку в Египет или вся наша прибыль составила твои прыжки с продажной шлюхой?

Если бы не упоминание о шлюхе, Бебий сразу бы поставил эту суперпрактичную сенаторскую внучку на место. Его сразила простодушная бесцеремонность, с какой она ввела историю с Пантеей в их семейную жизнь, и та напористость, с которой молоденькая римлянка принялась обсуждать с ним хозяйственные дела.

Матидия, подергав пальчиками соски мужа, утопленные в обильную и мягкую шерстку, совсем по-девчоночьи хихикнула.

– Я вчера встретила Фаустину, с которой обручили Марка. Она спросила, сколько Марк и Антонин заплатили тебе за Египет? Я призналась – ни-че-го! Я ведь сказала правду, Бебий? Я правильно поступила, да?.. Фаустина очень удивилась и посоветовала надавить на тебя, – Матидия хихикнула еще раз. – Со своей стороны она обещала поговорить с Марком.

Неожиданная и наивная приземленность разговора вконец смутила и расслабила Бебия. Совсем недавно, в Египте, во время иступленного служения Астарте он испытывал совсем иные страсти.

Возвышенные!.. Там все было – хриплые выкрики, жесткие и болезненные хватания, битье посохом, иступленные удары фаллосом, доводившие раскалившие лоно Пантеи до умопомрачительно притягательного служения богине любви.

– Чего же ты хочешь, Матидия?

– Чтобы ты обратился к Марку за разъяснениями. Не за поиском истины и выяснением, что есть «возвышенное», а спросил бы своего друга прямо – не смог бы он помочь насчет подрядов для кирпичного завода. Фаустина еще совсем девчонка, а смотри как рьяно взялась за дело. Она гордится тем, что Марк обещал исполнить любое ее желание, в пределах разумного, конечно. Ведь вы же не можете без отсылки к разуму, без возвышенных мечтаний «о природе сущего», без пренебрежения к «отягощениям жизни», с которыми вам то и дело приходится бороться. Любите, чтобы у вас все было по полочкам – это к добродетелям, это к порочному, это пусть считается безразличным.

Бебий засмеялся.

– Ты знакома с учением стоиков?

Матидия обиделась.

– Разве я похожа на какую-то храмовую шлюху! Я, хвала богам, из хорошей семьи и тоже училась понемногу чему-нибудь и не как-нибудь. Ну что, обратишься к Марку? Я поговорю с Фаустиной...

Он испытал прилив страсти и взгромоздил жену на себя. Приступая к обряду восхваления Венеры, уже не без удовольствия овладел Матидией.

Глава 4

Утром Бебия ждал сюрприз – на третий день февральских календ к нему домой неожиданно явился Авидий Кассий.

Встретились по-доброму. Обнялись, похлопали друг друга по плечам. Бебий представил гостя вышедшей в атриум Матидии. Тот как был солдафоном так и остался – решительно одобрил выбор сослуживца и пожелал Бебию не скучать в постели.

Затем объяснил.

– Друзей и знакомых у меня в Риме нет, так что решил заглянуть к тебе. Может, приютишь? Не хочется торчать в казармах.

– Конечно. Матидия, распорядись. Ты надолго к нам?

– Привез собранные в Египте подати в золотых слитках. Жду приказа возвращаться. Когда – не знаю. Цезарь молчит.

Он огляделся, обошел атриум, постоял у семейного святилища-сакрария, некоторое время разглядывал бюст отца Бебий Ларция Корнелия Лонга, которого в армии называли «железная лапа».

– А что, здесь уютно. И хозяйка прехорошенькая.

Матидия покраснела.

Бебий неожиданно испытал досаду – все-таки какое благоприятное впечатление производит на молоденьких – пусть даже и замужних! – женщин военная форма!

Авидий и в самом деле вырядился как на парад. На плечах – белый плащ с бахромой, застегнутый на плече массивной серебряной фибулой-заколкой, под плащом украшенная вышивкой красная туника, на рукавах которой читались красные полоски-клавиши. Поясной ремень с кольцевидной пряжкой, на ремне – меч-гладиус. В правой руке – жезл из виноградной лозы, традиционный символ старшего центуриона, на ногах короткие кожаные сапоги. Шлем с поперечным плюмажем из выбеленного конского волоса Авидий держал под мышкой.

Не прошло и получаса после второго завтрака, как Авидий шлепнул себя по лбу.

– Кстати, цезарь пригласил нас к себе на обед, правда, в частном порядке. Мне сказали, что ты дорогу знаешь, его дом в двух шагах от твоей усадьбы.

Отправились после посещения бани. Марк Аврелий встретил гостей в атриуме. Молодой центурион, вскинув руку, отдал честь наследнику престола.

– Аве, Марк!

Марк жестом приказал гостю опустить руку и предупредил.

– У нас без церемоний, Авидий. Чувствуй себя как дома.

Они устроились в триклинии, куда был подан незамысловатый обед.

На закуску был подан угорь, морская щука, выловленная в устье Тибра, яйца, соленая рыба.

Поговорили о Антиохии. Все трое бывали там – Бебий и Авидий служили в тех местах, а цезарь несколько раз навещал провинцию Сирия, чьей столицей являлась Антиохия.

Этот город всегда отличался откровенным и дерзким вольнодумством по отношению к центральной власти. Здесь торжествовало все греческое и пренебрегалось римское, здесь постоянно рождались самые невообразимые ереси, приводившие в исступление даже самые далекие от азиатских провинций земли. Здесь, помимо расплодившихся со времен апостола Павла христиан, то и дело рождались новые толки одних и тех же заповедей, которые в свою очередь делились на ненавидящие друг друга секты. Стоило только какому-нибудь горластому проповеднику объявить об открытой им истине и не было случая, чтобы он оставался без последователей.

Одним из самых отъявленных безумцев Авидий назвал некоего Гегезипа, одним движением руки разделившего мир на видимое царство, в котором господствовал Свет, и необъятно незримые пространства Тьмы.

– Понаслышке знаю, что этот самый Гегезип утверждает, будто мировая Тьма является людям в виде теней, сопровождающих нас от рождения и до самой смерти.

Все проповедники заявляют, что ничего не существовало до Хаоса, однако Гегезип настаивает – они заблуждаются, поскольку никогда не слышали ни о происхождении Хаоса, ни о его истоках. Хаос якобы выполз из изначальной Тени и был назван «Тьмой»; а Тень в свою очередь произошла от Труда, что существовал с самого начала.

Более того, этот проходимец заявляет, будто между Светом порожденным и низшими пространствами существует завеса. Так вот тень простирается под завесой, то есть на той ее стороне, которая повернута от света. Тень, которая назвалась «Тьмой», стала материей; и эта материя произвела выкидыш – то есть некоего богоподобного творца с мордой льва.

Звать его Ялдаваоф.

Гегезип утверждает – якобы из этой материи выросла раса богов, а по мне так ничего из этой зауми не могло вырасти, кроме расы уродов, что и следует из внимательного прочтения этого бреда. Затем Тень по непонятной причине вдруг осознала, что есть кто-то или что-то, что сильнее ее. Она взревновала и, тотчас забеременев, дала рождение Зависти...

Авидий подытожил.

– С чего бы это?.. Одним словом, вся видимая нами действительность произошла из Тени.

Первым откликнулся Марк.

– Это все слова, а что за ними стоит? На что способны эти безумцы? Стоит ли их опасаться?

– Не знаю, как насчет угрозы, но то, что я видел собственными глазами, ошеломит кого угодно. Например, один из последователей Гегезипа ударом палки по тени ухитрился разбить горшок. Таким же ударом по человеческой тени он может нанести увечье ее владельцу, а то и лишить его жизни. Что еще... По слухам члены этой секты способны украсть человеческую тень и сделать ее бывшего владельца своим покорным бессловесным слугой. Более того, они, как поговаривают, способны отделить свою тень и направить ее для свершения темных дел, вплоть до убийства.

От таких убийц нет спасения.

Они называют себя «ловцами теней». Кого там только нет – от настоящих разбойников как, например, некий Антиарх – его еще называют Собайя – до иступленных прорицательниц, умеющих по тени человека предсказать его будущее, а также колдуний, способных пришить человеку тень осла, а ослу – тень человека. Там, в Антиохи, у этих целый театр...

Марк жестом остановил попытавшегося что-то сказать Бебия и, как бы предупреждая его вопрос, поинтересовался.

– Ты не знаешь никого в Антиохии, кто смог бы просветить нас на этот счет и на все те пакости, которые способны устроить эти так называемые «ловцы теней»?

– Да тот же Гегезип и смог бы.

– Вот и привези его сюда. Отправляйся завтра же с грузом золота, которое будет доверено тебе под охрану. Только постарайся не привлекать к этому поручению лишнего внимания, особенно со стороны Квинтилия Руфа, командующего в Сирии тремя легионами. Кстати, что ты можешь сказать о нем?

Авидий грубо по-солдатски, выругался.

– Напыщенный петух, этот Квинтилий. Кроме гонора и тщеславия у него ничего нет. Спит и видит себя императором. Цезарь, не считай, что я, хоть и провинциал, глуп и простоват. Я сразу смекнул твою задумку насчет Руфа и готов подтвердить – такой на все пойдет, тем более, если его подтолкнуть из Рима.

С какой стати он подраспустил солдат? Ни с того ни сего устраивает денежные выплаты, намекая при этом на какие-то «ожидания», которые рано или поздно должны осуществиться в столице. Я всегда был противник грязных сплетен, но ты, цезарь, спросил, я ответил. Что касается дисциплины в этих так называемых легионах, будь моя воля я бы развесил этих бузотеров на крестах, чтобы другим неповадно было.

* * *

– Не будем спешить, Авидий! – заявил Антонин Пий, входя в триклиний. Все трое повскакали с лож, на которых угощались, и отдали честь.

– Аве, Август! Аве, божественный!..

Император жестом усадил их на места, сам расположился слева, на самом непочетном месте и, заметив удивление в глазах Авидия, заявил.

– Не будем чваниться, центурион. Я знал твоего отца. Как у него со здоровьем?

– К сожалению, величайший, в последнее время он часто жалуется на боли в спине. Старые раны не дают покоя.

– А как насчет острастки, которую он дал тебе, когда ты начал неумеренно восхвалять республиканские доблести твоего предка Гая Кассия Лонгина, поднявшего руку на Цезаря.

Авидий упрямо сжал губы и хмуро отозвался.

– Я внял совету отца, хотя... по-моему, Гай Кассий и Брут боролись за правое дело.

– Это спорный вопрос. Ответ на него дали боги, иначе я не сидел бы здесь в пурпурной тоге, но мне понравилась твоя прямота.

– Свой долг я исполню без колебаний. Я не нарушу приказ и поскольку, полагаю, вы, высшие магистраты Рима, собрали здесь не только для того, чтобы посудачить о тенях, обещаю приложить все силы, чтобы не допустить разгула таких зловредных мужиков как Квинтилий.

– Твоя пронизательность делает тебе честь, Авидий, – улыбнулся император. – Так что постарайся собрать все, что тебе удастся добыть о этих преступниках, называющих себя «ловцами теней». Сколько времени тебе нужно на сборы, Авидий?

– Двое суток, если сделать вид, будто приказ отправиться в Сирию я получил от своего непосредственного начальника, а не...

– Не считай нас лишенными доброжелательства, но обстоятельства вынуждают меня попросить тебя приступить к делу немедленно. Ты поел?

– Да, я сыт, государь.

– Вот и ступай.

Последнее распоряжение вконец доконало Бебия.

Поднять из-за стола гостя – это было что-то запредельное, особенно для такого доброжелательного человека каким был Тит Антонин.

После того, как центурион покинул помещение, принцепс обратился к Бебию.

– Как прошли похороны Зии? Я знал эту женщину, помню, что она выделялась с мужиками, – он многозначительно поднял указательный палец. Даже с императорами! Как Эвтерм? Держится?

– Старается не падать духом, государь. Мечтает о странном...

– А именно?

– Уйти куда-нибудь, спрятаться и молиться своему распятому богу.

– Что же здесь странного? – удивился Антонин. – Его всегда тянуло отправиться в странствия. Помню, как своей решимостью он открыл глаза Траяну на этого негодника, сенатора Регула, пытавшего своих рабов. В следующий раз он отыскал несносного мальчишку Антиноя, смущавшего моего отца Адриана неким «божественным излучением», которое якобы исходило от него. Скажи, ты решил свои семейные проблемы?

– В той мере, в какой их вообще можно решить. По крайней мере, Матидия ошастливлена и больше не будет жаловаться твоей дочке и нареченной невесте Марка на мою холодность. Беда с хозяйством – за что не возьмусь, всюду уйма проблем.

Марк поддержал друга.

– Ему бы пару заказов подкинуть...

– Вот ты как заговорил, Марк! А как же интересы государства, неподкупность и решимость цезаря?..

– Что плохого в том, что Бебий за приемлемую цену доставит нам партию кирпичей.

– В обход других поставщиков?

– Я же сказал – за приемлемую цену. И хорошего качества.

Император засмеялся.

– Я шучу. Если цена не будет завышена, я согласен. Теперь Зии нет, это она умела вырвать лакомый кусок из чьей угодно глотки. Но за это ты, Бебий, должен потрудиться на государство. Спишем твои промашки в Египте на неопытность и мечтательность. Как насчет того, чтобы занять должность квестора – скажем, по финансовой части?

– Только не по финансовой части! – воскликнул Бебий. – Лучше назначьте Матидию!..

Император и наследник засмеялись.

– Прекрасная мысль. К сожалению, в Риме не принято обременять женщин государственными делами. У них своих семейных забот хватает.

В этот момент в триклиний вбежал маленький Луций и сразу потребовал «пожрать»!

– Пожрать так пожрать! – согласился император.

Мальчишка влез на ложе и сходу запустил руки в блюдо с нарезанными куриными ломтями.

– Так на чем мы остановились? – спросил император.

– На женских обязанностях, – отозвался Бебий.

Император погрозил ему пальцем,

– Не увливай, Бебий.

Маленький Луций закричал.

– Он увливает? В Карцер его! А лучше в ссылку! Например, в Испанию. Император задумался, потом поинтересовался.

– Почему именно в Испанию, малыш?

– Потому что наместник Ближней Испании Секст Барбар совсем распоясался.

– Откуда ты знаешь?

– Префект города Катилий Север пожаловался моему дяде Цивике на нерешительность и слабоволие властей. Он сослался на наместника Ближней Испании Секста Барбара. В который раз наместник задерживает доставку золота и серебра с местных рудников, а в последнее время Секст совсем распоясался – подати вообще перестали поступать в Рим, а центральная власть словно не замечает...

Тит Антонин и Марк Аврелий переглянулись, потом император спросил.

– Что еще заявил префект?

– Что еще он заявил, я не слышал, а вот мой дядя возмутился попустительством, с которым высшая власть – то есть мы с вами, – относимся к своим любимчикам, хотя карать следует всех одинаково. Отец, что значит «распоясался»?

Марк попытался втолковать Луцию, что с подобными вопросами не следует обращаться к императору. Мог бы спросить у него, однако Тит жестом остановил старшего наследника.

– Почему он не может обратиться к императору? «Распоясался», Луций, означает, что человек, который позволяет себе распоясаться, ведет себя непотребно, дерзко нарушает все мыслимые и немыслимые установления.

– Тогда его тоже в Карцер!

– Правильно, Луций. А что Север ответил твоему дяде?

– Он заявил, что, кажется, на Палатине, решили разобраться с Секстом. А мой дядя сказал, что такое непростое дело нельзя поручать мелким магистратам. Потребовать отчет у наместника провинции может только кто-то из представителей высшей власти – например наследник. Север согласился и заявил, что его воспитанник может справиться с любым порученным ему делом, но это неслыханная дерзость отправлять цезаря по такому пустяковому делу в качестве легата. Тогда Цивика спросил – кого бы еще принцепс мог бы послать?.. И ответил сам себе – разве что молодого Лонга, но он уже «обделался» в Египте и вряд ли сумеет навести порядок в Испании.

Император обратился к Бебию.

– Слыхал?

Бебий кивнул.

– Сможешь навести порядок в Испании? Безрукая, бездеятельная верность не может считаться полноценной.

– Я выполню все, что мне прикажут.

– Вот и хорошо, а то действительно наместники провинций вконец распоясались! Может, они забыли о дисциплине, так ты им напомнишь. Конечно, об этом не стоит распространяться. Ты слышал, Луций?

Мальчик кивнул – рот у него был забит куриным мясом.

Император обратился к Бебию Лонгу.

– Если тебя не прельщают государственные должности в Риме, отправишься в Испанию в качестве императорского посла. На месте разберешься со сбором налогов и их доставкой в Рим. Императорский эдикт тебе выдадут на днях. В нем будет указано, что ты вправе сместить наместника, а также всех магистратов, кроме военных – они подчиняются префекту Корнелию Присциану, – и назначить временных управляющих. Заодно проведешь инспекцию по серебряным рудникам и золотоносным шахтам.

– Я тоже хочу в Испанию! – заявил Луций. – Там хорошо, там горы. Можно побегать, поиграть в войну. Там можно спрятаться, что никто не поймает, правда, Бебий?

Лонг почесал в затылке.

– Спрятаться-то можно, а вот насчет «поймать», не уверен. Твой старший брат Марк кого хочешь отыщет, заставит вернуться в Рим и управлять государством.

– Он может! – гордо заявил Луций. – Он очень суров. Я тоже.

Все засмеялись.

Когда Тит Антонин и Марк Аврелий остались одни, цезарь поделился своими сомнениями с императором – справится ли Бебий с такой важной миссией после провала в Египте?

– Именно поэтому он лучшая кандидатура на поездку в Испанию.

– Мне не по душе игра с Бебием в темную, ведь...

Тит предостерегающим жестом заставил наследника помолчать.

– Марк, мы сами бродим в потемках, а время уходит. Как бы нам вообще не опоздать. И вот что еще – пора подключать Лупу и его осведомителей. Волчонка достаточно долго продержали в тени. Полагаю, злоумышленники перестали брать его расчет.

Тайно свяжись с Лупой и поставь ему задачу – пусть выведает, кто мог бы пролить свет на замыслы негодяев? Нам нужны письменные доказательства и свидетели. Я уверен, что заговорщики не смогут обойтись без Корнелия Присциана. Во-первых, он – племянник Аттиана, во-вторых, воинский начальник в Испании, а им не обойтись без военной силы. Аттиан каким-то образом должен связываться с ним. Пусть Люпусиан выяснит, кто из доверенных лиц Аттиана, чаще других посещает Испанию.

И пусть Лупа не тянет...

* * *

Императорское «на днях» растянулось почти на три недели, в течении которых Бебий как добросовестный приверженец разумного и дотошного отношения к миру не только придирчиво изучил все доступные и недоступные прелести Матидии, но и досыта натешился ею. Та в свою очередь ловко отшила набежавших на правительственный заказ посредников, настаивавших на передаче им того, этого... доставки кирпичей, пробивание сделки, ублажение местных властей и тому подобные хитрости.

Женщина не поленилась сама съездить на завод. Местные магистраты с первых же минут попытались поставить на место свалившуюся им на голову молоденькую хозяйку уже давным-давно приглянувшегося им заводика. Матидия действительно выглядела как девочка, причем взбалмошная и глупенькая. Кто-то из нижних чинов не без надменной снисходительности поделился с ней – «...решить твои проблемы просто. Я подскажу, кому и сколько надо заплатить. Конечно, взаимобразно».

Эвтерм, сопровождавший Матидию, предостерег молодую женщину от подобных советчиков – «...не вздумай совершить какой-нибудь опрометчивый поступок. Веди себя с достоинством. Они не рискнут пойти наперекор воле цезаря. Постарайся привести их в чувство», – что она с достоинством сенаторской внучки и сделала. Стоило Матидии после очередной серии пустопорожних разговоров покинуть преторий, предупредив при этом... – «я так и передам хранителю империи, что местные власти отказывается выполнять его решения...» – как все магистраты вслед за ней выскочили на улицу и наперебой стали уверять Матидию в своем совершеннейшем почтении к императору, наследнику и к ней, внучке прославленного сенатора Матидия.

Воду на кирпичный завод дали в тот же день.

Подряд на продажу оливкового масла и вина с плантаций Лонгов, Матидия передала своему старшему брату, имевшему надежные связи с оптовыми перекупщиками.

* * *

Из родного дома Бебия Корнелия Лонга сорвали на ночь глядя.

Присланный за ним императорский вольноотпущенник, явившийся в сопровождении двух преторианских гвардейцев, потребовал поторопиться, как будто и не было никакой трехнедельной задержки.

Эвтерм встревожился, но перечить не стал, а у Матидии уже все было готово и собрано, даже походный плащ Бебия был постиран и выглажен.

Глядя на хлопотавшую супругу, Бебию в преддверии долгой разлуки впервые, проглотив комок в горле, пожалел, что ему нельзя остаться с ней до утра.

Приказ был ясен и однозначен.

Из дома вышли в полной темноте. Матидия с масляным светильником провожала мужа.

Улица была безлюдна. Возле дома Лонгов стояли носилки-гексафоры³², за ними запряженная парой мулов повозка с вещами. Рядом толпились сопровождавшие императорского легата конные гвардейцы. Храбрый и Филомуз по приказу императорского вольноотпущенника спрятались в повозке. Он и Бебия поторопил и, когда вслед за патрицием влез в паланкин, настоятельно порекомендовал задернуть шторы, «дабы никто не увидел тебя, Лонг»...

Бебий вздохнул и молча подчинился.

---

³² Гексафор – носилки с шестью лектикариями, три спереди, три сзади.

Императорские сингулярии под бряцанье оружия разом сели на коней и под негромкую команду декуриона носильщики сразу в ногу тронулись с места.

Как только кортеж скрылся в надвигавшихся с востока сумерках, из-за большого платана, росшего возле самого дома Лонгов, выдвинулись тени.

Если бы Бебию повезло и ему удалось приблизиться и заглянуть под накидку ближайшего к нему сгустка тьмы, он бы очень удивился, разглядев в призраке свою скоротечную и страстную любовь, которая называла себя Пантеей. Теперь ее уже никто так не называл. После возвращения в Рим Сацердата приказал окликать свою подручную тень Лилит.

Или на худой конец – Бендитой.

Правда, громоздивший за воскресшей женщиной неясных очертаний гигант вряд ли позволил бы Лонгу даже приблизиться к платану.

Глава 5

К дому Манилии Бендита и сопровождавшая ее громадная, пугающих размеров тень добрались уже в полной темноте.

Проскользнули в лавку, расположенную на первом этаже дома богатой вольноотпущенницы. Оттуда тайным ходом прошли во внутренний двор и уже оттуда Бендита вместе со своим спутником поднялась на галерею. На пороге апартаментов, занимаемых Антиархом, остановились.

Старик ужинал. Прислуживала ему сама хозяйка усадьбы – вела себя покорно, пыталась по глазам угадать, чего желает пророк.

Антиарх взглядом отослал Манилию и вопросительно взглянул на девушку.

– Уехал! – сообщила она.

– Кто его сопровождает?

– Этот противный Храбрый, личный раб Филомуз и отряд конных сингуляриев.

Антиарх промолчал.

Сидевший в глубине комнаты Викс подал голос.

– Сегодня в полдень Лупа отправил своих людей Медиолан. Вероятно, хочет что-то разузнать.

– Пусть разузнает.

Антиарх допил вино и начал торопливо собираться. На ходу, обращаясь к спутнику Бендита, предупредил.

– Исфаил, пойдешь со мной.

Шли недолго.

В усадьбу Ацилия Аттиана проскользнули через задние ворота. Антиарх оставил эфиопа внизу, а сам поднялся на второй этаж.

Патриций вышел к гостю сразу, как только ему доложили о прибытии чудаковатого старикана, умеющего с помощью теней проворачивать свои грязные делишки.

– Итак?.. – спросил патриций.

– Лонг убрался.

– Отлично. Теперь пора пускать в дело твою девку. Как мыслишь подступиться к наследнику?

– Цезарь практически не выходит из Палатинского дворца. Как бы его выманить?..

– Сделаем. Я тотчас дам тебе знать. У нас мало времени, старик. Надо успеть до начала Лемурий. Максимум до праздника Кастора и Поллукса.³³ Она справится. Моя воспитанница умеет управляться с такими жеребцами пусть даже самых благородных кровей, тем более, что девчонка Фаустина до сих пор не подпускает к себе своего кобеля. Бендита все сделает в лучшем виде.

– Ну-ну, – усмехнулся Ацилий. – Посмотрим, на что она способна?

– Она способна на многое, господин.

– Даже вернуть утраченное желание такому старому развалюхе как я?

– Раз плюнуть! Она знает, как вымолить у Астарты желанную награду. Возраст для нее не помеха. Только это чревато...

– Чем?

– Потерей сил и душевного спокойствия. Но я смогу восстановить их.

– Ладно, ступай.

Через несколько дней, в разгар игр, посвященных мертвым, человек от Аттиана предупредил Антиарха, что следующим утром Марк Аврелий, не любивший простонародные праздники, отправляется на свою загородную виллу в Лории. Поедет запросто, в обычной коляске, с ним будет только спальник Феодот. Конвой тоже будет малочисленным.

– Утром, говоришь? – спросил Антиарх. – Это скверно. При свете дня трудно осуществить задуманное. Нельзя ли вынудить наследника отправиться ближе к ночи. Пусть даже при этом увеличат стражу.

– Я передам господину твое пожелание.

Аттиан сумел добиться переноса поездки на вечерние часы. Как сенатору удалось вмешаться в планы цезаря, Антиарха не волновало. Главное было сделано – орудовать легче во мраке.

Вот еще удачная деталь – Марк разругался со своей девчонкой-невестой и поедет один.

Все складывалось как нельзя лучше.

* * *

Крики, насторожившие Марка Аврелия, подкатили со стороны садов Цезаря. К тому моменту коляска миновала Эмилиев мост через Тибр и двигалась по Аврелиевой дороге к городским воротам.

Место было пустынное, прогулочное днем и внушавшее неодолимый ужас с приходом ночи.

---

³³ Игры-поминовения в честь мертвых Лемурии проводились с 7 по 15 мая. Праздник Кастора и Поллукса приходился на 20 мая.

На одном из поворотов кортеж неожиданно встал. Начальник эскорта, преторианский центурион сингуляриев, подскочил к закрытому паланкину и крикнул высунувшемуся в окно цезарю.

– Там, – указал он в сторону какого-то полуразрушенного храма, – брошенные носилки.

Он не успел договорить, как на дорогу с криком: «Помогите!» – выскочила растрепанная простоволоса женщина.

Она бросилась к коляске, спряталась за громадным гвардейцем из Каппадокии, и, громко всхлипнув, завывала.

Марк Аврелий не удержался и выбрался на дорогу. Сингулярии спешили и окружили его плотным кольцом. Трое из сопровождавших цезаря гвардейцев натянули луки и повели ими в разные стороны.

Марк решительно растолкал охрану и направился к женщине. Заметив патрицию, да еще в пурпурной тоге, женщина бросилась к нему и, грациозно опустившись на колени, в отчаянии протянула руки.

– Спасите, господин! Меня хотят убить!!

Марк огляделся, пытаясь точно определить место, откуда именно исходила угроза и кто конкретно решил убить несчастную гражданку, однако ночная тьма плотно прикрыла все, что располагалось за дорогой – редкий сосновый лес, потерявшие отчетливость контуров развалины какого-то храма, дорожки, уводившие вглубь леса.

Между тем женщина продолжала взывать о помощи. Шаль, прикрывавшая голову, сбилась на плечи. Марк успел отметить, что ее темные волосы прилично гармонировали со светлеющим и вполне приятным на вид личиком, белизна светлой туники подчеркивала соблазнительность оголенных плеч.

... – мои люди разбежались, когда на нас напали разбойники. Лица у них были под масками. Господин, спасите меня!

– Кто ты? – спросил Марк.

– Вольноотпущенница Скулария Тавра Бендита, хозяйина театра Марцела на Марсовом поле. Мы все родом из Каппадокии, но уже давно живем в Риме. Скуларий сдал меня в аренду своему компаньону. Я умоляла его пощадить меня, ведь этому старому развратнику уже далеко за семьдесят, но патрон остался глух к моим просьбам. Мы слишком поздно вышли из дома, к тому же толпа на улицах Рима задержала нас до ранних сумерек. Я просила хозяйского прокуратора возвратиться, однако этот негодяй наплевал на мои мольбы. Я предупреждала его, что может случиться, когда просьбы женщины остаются без ответа. И это случилось...

Разбойники выскочили из-за деревьев, мои люди разбежались. Самый страшный из них, огромного роста, вытащил меня из носилок и поволок в чашу.

– Как же ты сумела вырваться? – удивился Марк.

– Он споткнулся и упал на землю. Я тоже упала, но успела вскочить первой. Я сразу закричала и бросилась в сторону дороги... Пока еще было видно.

Женщина вновь иступленно зарыдала, потом на коленях подползла ближе и принялась целовать руки наследника. Вблизи, при взгляде сверху, ее еще более оголившееся плечико показалось Марку особенно милым.

... – ты спас меня, господин! Умоляю, не возвращай меня Тавру! Возьми к себе. Я готова выполнять любую работу по дому. Я буду верно служить тебе душой и телом.

Марк насторожился.

– Ты часом не из христиан?

– Нет, господин. Я хотела быть вольной птицей и принадлежать тому, кому хочу. С этой минуты мое сердце, господин, принадлежит тебе. Возьми меня к себе. Я вижу, ты знатен, могуч...

В этот момент из лесу начали выбираться смущенные, прячущие глаза люди. Один из них, одорукий, попытался было осадить женщину.

– Ты требуешь невозможного, Бендита. По закону ты клиентка Тавра и будь ему послушна.

– Нет, Террорин! – вскричала женщина. – Мой патрон решил отделаться от меня. Он нарушил закон, подвергнув меня смертельной угрозе. Он на ночь глядя послал меня в сопровождении трусливых мужчин. Я больше не могу считать его своим патроном. Мой хозяин теперь этот господин! – она принялась страстно целовать руки Марка, потом прижала их к своей груди.

Марк смутился.

...во всей этой истории была какая-то неподвластная разуму театральщина, и, если бы не личико женщины, не плечи, совсем освободившиеся от лямок, если бы не гулкое биение своего сердца, – Марк повел бы себя осторожнее, в полном соответствии с предписаниями великих учителей, требовавших, прежде всего, невозмутимости и мудрой отстраненности от любых страстей, которые то и дело досаждают человеку.

На этот раз разум у него неожиданно замер, сердце забухало громко и сладко, внизу пробежала тень желания, а женщина продолжала цепляться за него.

Марк Аврелий решительно выдернул руки и, обращаясь к одорукому прокуратору, заявил.

– Я забираю Бендиту с собой. Все претензии Тавр может подать в Палатинский дворец. В следующий день судебных заседаний я разберу его дело и вынесу решение. А ты, – обратился он к женщине, – займи место в моем экипаже.

Террорин попытался что-то возразить, однако сидевший на коне начальник эскорта, наехал на него и прикрикнул.

– Слышал, что приказал наследник? Так что убирайся подброду, пока тебя и твою банду не отправили в карцер.

* * *

Уже в коляске, расположившись против хода движения, женщина освоившись одобрила.

– У тебя такая милая коляска. Просторная и без затей.

Неожиданно до женщины словно дошло, кем оказался ее спаситель. Она перепугалась и изумленно, едва слышно выдохнула.

– Ты наследник империума, господин?

Марк кивнул – ответить вслух не позволило вновь оглушительно забухавшее сердце.

– Прости, господин!..

Женщина вскинула руки к груди, сползла с сидения и попеременно, на коленях ловко приблизилась к цезарю, склонила голову.

Кромка туники обнажила две прелестные груди. Словно молитву женщина зашептала.

– Благодарю вас, боги! Благодарю тебя, Великая мать! Благодарю тебя, всемогущая Астарта, за счастливый миг видеть добродетельного Марка.

Некоторое время Марк, присматриваясь к грудям, помалкивал – как опытный философ он пытался восстановить душевное равновесие и обрести невозмутимость. Хотелось также добраться до смысла этой нелепой сценки, поэтому приказал.

– Поднимись с пола. Сядь сюда, – он указал на место рядом с собой.

Женщина придвинулась поближе, однако присесть рядом с наследником не посмела – прижалась грудью к его коленям, положила голову на ноги, да так удачно, что Марк невольно и рьяно возбудился.

Женщина вопросительно глянула на него, ее рот чуть приоткрылся. Она даже подалась вперед, однако Марку хватило благоразумия справиться с прихлынувшим желанием. Нельзя же вот так сразу, в присутствии сопровождавших его гвардейцев...

Он высвободил ноги и многозначительно выдохнул.

– М-да!.. – затем не удержался и, наклонившись, погладил женщину по щеке.

Бендита громко всхлипнула и нежно поцеловала его руку. Провела язычком по выпуклостям на тыльной стороне, потом лизнула между пальцев и тихо напонила.

– Я готова отблагодарить тебя, господин. Я умею быть благодарной.

* * *

Они лежали на широком и мягком ложе с тремя спинками – женщина ближе к стене, мужчина – с краю.

Женщина шептала.

...ты – мой спаситель! Ты мой бог!.. Я с радостью поделюсь с тобой дарами Венеры. Все, чем боги щедро наградили меня, я готова преподнести тебе. Ты такой храбрый, великодушный, твое сердце переполнено добродетелями.

– Не слишком ли много достоинств у одного смертного? – усмехнулся Марк

– Для меня нет! Давай попробуем вот так...

Бендита перелезла через Марка и, перевернувшись, крепко прижалась к нему обнаженной грудью, потом вскинула ногу, овладела фаллосом и ловко вонзила его в себя. Устраиваясь поудобнее, чуть поерзала ...

...пока ерзала, Марк еще успел задуматься, что эта женщина слишком бесцеремонно ведет себя. Распоряжается его любимой, полученной в дар от богов принадлежностью как будто это ее собственность.

Впрочем, ладно... Завтра отправлю ее в столицу. Пусть его префект Катилий Север сам разбирается с ней и этим негодяем Тавром.

Однако эта Бендита та еще штучка! Неожиданно словно прозрел, словно почувствовал струившуюся страсть. Пробудившиеся угрызения совести отверг напрочь. Предугадал – сейчас примется льстить, восхвалять мои мужские достоинства, размеры моего священного фасциуса.

Он погладил ее по щеке.

Женщина приостановила похотливые телодвижения, скромно потупила очи и взволнованно прошептала.

– Нет, он не потрясает размерами, да это и не нужно, ведь ты пришелся мне по сердцу, Марк. Ты не груб. Ты приятен и нежен. Ты храбр, Марк. Ты вкусно пахнешь. Ты много знаешь... Мне так приятно чувствовать тебя всего... во мне... себя в тебе...

– Не слишком ли много добродетелей в одном человеке?

Бендита словно не слышала вопроса и, страстно прошептав – ...я вознагражу тебя всем, что умею, – и вновь задвигалась.

Марк не стал возражать, помедлил и, когда женщина исполнила обряд погружения своих искусных пальчиков в его обильную шерстку на груди, не удержался и поцеловал ее. Она осыпала его ответными поцелуями. Язычком она вновь довела Марка до сильнейшего лишаящего разума исступления, а уж когда, вспорхнув, овладела губами и языком, и вовсе потеряла всякий стыд.

...вставшая как столб святыня окончательно повергла философию в шок.

* * *

Утром Марк решил не отправлять Бендиту в столицу, и, несмотря на косые взгляды Феодота, запретил кому бы то ни было беспокоить его до самого полудня.

Глава 6

На этот раз морское путешествие продлилось недолго, и уже через неделю, в мартовские иды, Бебий Лонг вступил на «благословленную», как выразился капитан корабля, землю, «подарившую Риму династию Элиев», из которой вышли божественные Траян и Адриан, «небесных» добродетелей Антонин Пий и дружище посла Марк Аврелий.

Лонг отметил про себя пусть и коробящую льстивой риторикой, но вполне пригодную риторическую формулу восхваления императора, которой

пользовался триерарх, чтобы применить ее при встрече с «бесноватым Барбаром», как отзывались в Риме о наместнике Ближней Испании.

Все путешествие сопровождавший его императорский вольноотпущенник Флавиний вел себя на удивление независимо – не угодничал, с разговорами о божественном происхождении Эллиев не приставал, не советуясь с Лонгом, отдавал распоряжения капитану либурны.³⁴ Он вообще никаких отчетов императорскому легату не давал. Лонг не вмешивался – разума хватало догадаться, что за всеми этими, ярко размалеванными декорациями – «верность Риму», «государственные интересы», «преданность императору», – которыми была обставлена его поездка в Испанию, таилась какая-то подспудная задумка, которую – возможно, до срока – скрывали от него.

...так тому и быть, уступил Бебий. Тенью мелькнувшая в душе обида быстро улетучилась. В конце концов, в его обязанности входила проверка счетов, доходов и расходов и – главное! – составление подробного и правдивого отчета о состоянии дел в провинции. Также в случае необходимости ему предписывалось отстранение наместника и всех других магистратов, в том числе и военных, от должности.

Вот этим и займемся!

Главное, не поддаваться разгулу дурных страстей, в которые он помимо воли вляпался в Египте.

...Марк втолковывал – у тебя свои задачи, у Флавиния свои. Твое слово весомей, но не пытайся в угоду скверно понятой фамильной гордыне вставлять ему палки в колеса. Этот вольноотпущенник на хорошем счету у отца. К тому же он умеет найти общий язык как со старшими, так и с младшими.

Странное, казалось бы, напутствие.

Странней не бывает!

* * *

К императорскому причалу в порту столицы Ближней Испании Тарракона галера пристала в подтупившей с востока темноте.

В краткой беседе перед высадкой Флавиний предупредил Лонга, что здесь, в Испании, крайне нежелательно, чтобы их видели вместе, так что сначала он сойдет с корабля и только потом Бебий со своими людьми и почетным эскортом из матросов. Заодно просветил насчет дальнейших действий – о себе даст знать после выяснения некоторых обстоятельств, касающихся местного военного начальника Марка Корнелия Присциана, а до того желательно, чтобы Лонг определился с наместником, пропретором Секстом Барбаром.

...он человек с характером, так что готовься к трудному разговору.

---

³⁴ Лиурна или бирема – корабль с двумя рядами весел.

Совет пришелся к месту.

Наместник прервал риторические приветствия, почерпнутые Лонгом у велеречивого триерарха, ткнул указательным пальцем в гостя – неслыханная вольность в отношении императорского посла, – и спросил.

– Приехал отрешать от должности, так не мели языком, Лонг! Хватит с меня философий! Отрешай – и дело с концом!

Бebий опешил, однако сумел справиться со смущением.

Ответил без затей.

– Не люблю рубить с плеча, Барбар. Философия не позволяет. Я прибыл не отрешать, а помочь тебе, Секст. Точнее, разобраться, чем я мог бы помочь?

Барбар молча поиграл бровями, а они у него удались на славу – густые, кустистые; было чем поиграть. В этот момент до Бebия дошло, почему наместника Испании, пропретора Барбара, в столице считали любимчиком императора. Титу Антонину нравились прямодушные помощники – густобровые, скуластые, не любившие упоминать о «благословленных землях, подаривших миру...», о «божественных добродетелях императорской семьи...», «велениях богов».

Секст уже более благожелательно перешел к делу.

– Что там, в Риме? Тучи сгущаются?

– День ото дня!

Барбар усмехнулся и задал еще более странный вопрос.

– Неужели на Палатине проснулись?

Бebий кивнул.

Перехватив инициативу, наместник вновь ткнул в гостя пальцем.

– Чем ты можешь помочь мне, Лонг? У тебя под тогой запрятан дополнительный легион? Тебя наделили правом сместить местного военного начальника Корнелия Присциана, выкормыша сенатской оппозиции, который спрятался в своей резиденции и нагло тянет время?

Бebий отрицательно покачал головой.

Секст засмеялся.

– А ты говоришь «проснулись»!

Секст Барбар встал, прошелся.

– Чего они ждут? Там, в Риме?.. Подскажи, если ты такой почитатель «божественных добродетелей принцепса». Я уже писал в столицу, что без увеличения состава воинских отрядов унять разбойников на дорогах, усмирить презирающих верховную власть вождей местных племен и привести к покорности местную администрацию в дальних городках и поселениях, невозможно. Как принудить их выплачивать все до последнего асса? Как отвадить их не пытаться совать руки в обозы везущие серебро с астурийских рудников? Как расшевелить Корнелия Присциана, командира местного легиона и вспомогательных частей, чтобы он выделил дополнительные силы для наведения порядка в этой вечно бунтующей провинции? Чтобы собранные моими людьми налоги, добытое серебро и золото вовремя доставлялись в Тарракон? Как заставить этого сенаторского

племянничка заняться исполнением моих приказов, а не стягивать воинские отряды поближе к Барцине³⁵, второму порту провинции?

Вот еще загадка. Барцина лежит на Аврелиевой дороге, ведущей из Рима к нам в Испанию через побережье Нарбонской Галлии. В пределах вверенной мне провинции, без всяких указаний с моей стороны, он выставил на дороге усиленные караулы, а на мои распоряжения насчет увеличения охраны квесторов, собирающих подати по дальним углам и везущих металл, отвечает – он якобы «не может разорваться...»

Но и это еще не все!

Задумайся, Лонг – зачем тебя прислали в Испанию, если император извещен обо всем, что творится в провинции?

Я писал ему, и не раз, что задержка с пересылкой податей и драгоценных металлов происходит главным образом потому, что в Испании мало хороших дорог, много буйно помешанных и неисчислимо количество своевольцев. В Испании до сих пор хватает варварских племен, лишь на словах признающих власть Рима, а то и вовсе не признающих.

Чтобы достать их в горных убежищах, нужна воинская сила. Нужен хваткий военачальник, а не этот столичный прощелыга, который без конца отлынивает от своих обязанностей и шныряет по местным злочным местам в духе Нерона, будь он проклят! Я до сих пор не могу понять, по какому принципу он отбирает из моих приказаний то, что желает исполнить, и отвергает, что не желает.

В последние месяцы Присциан совсем распоясался. Его люди делают все, чтобы затруднить своевременную доставку собранных налогов в местные порты. Я обо всем отписал императору, но ответа до сих пор не получил, а Присциан наглеет все больше.

Почему он наглеет?

Он чего-то ждет?

Чего он ждет, Лонг?

Бибий, впервые осознавший, насколько неподъемно ярмо власти, постарался взять себя в руки. Если то, что сказал Барбар, соответствует действительности, какое решение следует принять? Поможет ли отстранение от власти нескольких нерадивых чиновников? Кем их заменить? Что он, которому всего несколько недель назад вручили чрезвычайные административные полномочия, может предпринять в этом диком углу империи? Чем вообще чужак может здесь помочь?

Начать размахивать императорским эдиктом?

Таких ловкачей, скорых на решения, на Палатинском холме всегда хватало. Сценарий был опробован поколениями. Есть распоряжение? Есть. Оно выполнено? Нет. Кто виноват? Конечно, местные власти – они, мол, расхлябанные неучи, зажрались на своих хлебных местах, дальше своего носа не видят. Таких оправданий на Марка и, соответственно, на императора, валилось сотнями. Одним больше, одним меньше... Главное, не попасть в ротозеи, слабаки или не прослыть корыстолюбцем и сластолюбцем,

---

³⁵ Нвне Барселона.

пренебрегшим государственными интересами ради удовлетворения своей потребности в похоти.

Он взглянул в глаза Барбару.

Тот не отвел взгляд – терпеливо ждал ответа.

– Не знаю, Секст, – признался Бебий. – Надеюсь, ты сможешь разобраться в этом вопросе. Но прежде я должен детально изучить обстановку.

Жестом он остановил попытавшегося что-то сказать наместника.

– Это не означает, что отказываюсь от принятия решений, и я не намерен тянуть время. Мне нужно несколько дней.

Барбар кивнул.

– Приступай.

Уже направляясь в свою резиденцию, устроенную в дальнем углу крепости, где размещался наместник со своими магистратами, болезненным уколом напомнил о себе каверзный вопрос – если в императорской канцелярии знали, по каким причинам задерживалось поступление налогов из якобы давным-давно, со времен Сципиона Африканского, покоренной Испании, зачем его послали сюда?

Да еще в компании с молчаливым и скрытным Флавинием!..

* * *

Вольноотпущенник ждал в выделенных легату покоях.

...вовремя!

Бебий с ходу потребовал – пусть поведаст, зачем его, Лонга, прислали в Испанию?

– Выкладывай, что вы там на Палатине задумали?

Даже тени смущения не мелькнуло на лице толстощекого, с широкой залысиной, среднего роста вольноотпущенника.

Он неожиданно ответил вопросом на вопрос.

– Что сказал Барбар?

Лонгу и на этот раз, но уже с трудом, удалось справиться с сословной гордыней. Вольноотпущенник, отвечающий вопросом на вопрос патриция – это было что-то новенькое!

Он помедлил и, когда, после паузы, сумел взять себя в руки, выложил все, что услышал от наместника, вплоть до смутившего его утверждения Барбара насчет полной информированности центральной власти, лишавшей его миссию всяких разумных обоснований.

Флавиний молча выслушал Бебия.

– Что собираешься предпринять, Лонг?

– Для начала проверю все сказанное наместником. Тебя тоже засажу за чтение документов.

– Нет, Лонг. Сам разберешься с документами, а я еще несколько дней погуляю по городу и его окрестностям. Поинтересуюсь ценами на рынке,

посоветуюсь, как перехватить выгодный заказ на поставки в провинцию редких восточных тканей и какой навар здесь можно за них получить. Ты же вникай – и добросовестно вникай! – в бумаги, но особенно в темные делишки, которые здесь творятся. Попытайся ухватить за кончик какого-нибудь мошенника, жирующего на военных поставках и на тех, кто ему покровительствует.

– Послушай, Флавиний! Неужели меня послали сюда исключительно ловить за руки каких-то мелких мошенников, тем более высокопоставленного военного? Неужели трудно отозвать этого столичного хлыща в столицу и на основе донесений Барбара вывести его на чистую воду?

Флавиний кивнул.

– Что ж, если ты, Лонг, сам догадался, что наша мирная миссия только на первый взгляд кажется мирной, пора посвятить тебя в суть дела. Задумайся, почему именно тебя отправили в Испанию, о положении дел в которой мой господин извещен лучше, чем о том, что творится на его заднем дворе. Объясняю – ситуация в столице неотвратимо выходит из-под контроля. Это осознает как центральная власть, так и заговорщики, чьи ряды на глазах увеличиваются. Всякий горлохват стремится во время примкнуть к победителям, чтобы потом потребовать награды. Не так ли?

Сердце у Бебия невольно сжалось от предчувствия беды.

Он кивнул.

– Здесь, в Испании, ведется странная и очень тонкая игра. О ней мало что известно, но складывается впечатление, что именно в Испании эти... в Риме... начнут раздувать пожар. Здесь у них есть военная сила, а это немаловажный фактор. К тому же Присциан является племянником Аттиана, следовательно кто как не он должен быть посвящен в главный замысел. На Палатине хорошо известно, что представляет собой местный легат. Ничтожество с огромным самомнением и шибяющей спесью сенаторского племянника. Это самое слабое звено заговорщиков! Поэтому тебя и направили сюда. Для отвода глаз...

– Ты говори да не заговаривайся. Никому не позволено бездоказательно хулить римского патриция.

– Я не заговариваюсь. Я обращаюсь к твоему разуму, ведь ты следуешь его повелениям, не так ли? Знаешь, почему тебя послали в Испанию? Потому что ты допустил серьезную промашку в Египте. Там ты проявил нерешительность, разнежился, позволил прикончить подосланную к тебе шлюху.

Как должны рассуждать заговорщики? Такой, как Лонг, в Испании неопасен, он и там будет медлить, философствовать, увлечется местными достопримечательностями... Тебе еще не предлагали посетить какие-нибудь заповедные места? Или злачные?..

Нет?..

Значит, все еще впереди.

Рано или поздно тебе здесь тоже подсунут какую-нибудь шлюху.

Меня приставили к тебе, чтобы я присматривал за тобой – точнее, помогал. Какой именно смысл ты предпочитаешь вкладывать в это слово, решать тебе. Наследник верит, что ты выберешь правильное решение.

В таком деле как спокойствие государства нам не избежать... как бы помягче выразиться?.. – скажем, «скрытных» действий. В этом случае я могу рассчитывать на твою поддержку? Если, например, обнаружится, что Присциан реально предатель и клятвопреступник, ты согласишься прибегнуть к экстраординарным, пусть даже и незаконным, мерам? Надеюсь, Секст сумел убедить тебя, что Марк Корнелий Присциан исполняет чьи угодно распоряжения, только не законной власти. Вот и надо его разговорить.

– Как?

– Вот это мы сейчас и обсудим.

– Я не осел, Флавиний, и кое-что смыслю в такого рода делишках, хотя они мне изначально не по душе. Меня учили выполнять приказы, а не плести интриги или, что еще хуже, применять незаконные методы.

Откровенность на откровенность – я с самого начала не был расположен к поездке в Египет, особенно к тем скрытым намекам, которыми поделился со мной наследник. Но в тысячу раз сильнее меня отвращает мысль действовать исподтишка против законного военного магистрата, каким является Присциан. Дело здесь не в брезгливости, не в боязни испачкать руки. Тебе, вольноотпущеннику, трудно понять меня, когда принуждаешь поступить бесчестно с римским гражданином, особенно, если он из рода Корнелиев. Если мы докатились до такого, это трубный глас, возвещающий – что-то неладно в Римском государстве. К лицу ли посланцу императора поступать подобным образом с законнорожденным патрицием? Я знаю императора. Я вырос под его присмотром. Я уверен – он никогда не простит нарушения закона и обычая.

– Если не будет веских доказательств, – перебил Бебия Флавиний.

– Даже в этом случае... – попытался объяснить Лонг.

Вольноотпущенник вновь перебил его.

– А если у нас не останется выбора?

– Как это?

– Если схватим Присциана за руку?

– Ты намереваешься схватить Присциана за руку и приволочь в Рим. С моей помощью?

– Боишься запачкать руки? – засмеялся вольноотпущенник. – А вот я не боюсь. Если мы допустим промашку, и ты, например, превысишь полномочия, не имея на то оснований, тебя ждет опала, а меня ссылка в провинцию, на виноградные плантации, каким-нибудь задрипаным управляющим.

А если победят враги?

Где мы окажемся?

В царстве темного Аида! Меня еще, может, пощадят, сошлют на галеры, что, впрочем, во сто крат хуже смерти. А ты, римский всадник, сын патриция и сам патриций, хлебнешь по полной! Мало того, что тебя унизят, лишат собственности, семейных пенатов, но и весь твой дом разорят. Изображения предков, семейных богов выкинут или сожгут. Ты этого хочешь?

Что касается Присциана, нам вдвоем с ним не управиться. Людей наместника также привлекать нельзя – они все под присмотром. Ситуация на глазах выходит из-под контроля.

- Почему ты так решил?
- У меня есть свои люди на рынках, в магистратах, среди торговцев. Корнелий Присциан так запугал здешнего фрументария и его людей, что тот боится нос из своей резиденции высунуть.
- Что ты предлагаешь?
- Ты, Лонг, займись канцелярией, я отправлюсь в Барцину. Там на рынке намечается одна очень выгодная сделка.

Нескольких дней хватило Бебию, чтобы убедиться в правдивости наместника.

Действительно, Рим был подробно извещен о трудностях со сбором налогов в провинции, доставкой драгоценных металлов в порты Тарракона и Барцины, с неподобающим поведением Корнелия Присциана, легата местного VII легиона Близначев, а также подчиненных ему командиров разбросанных по провинции воинских частей. Судя по дерзости, с какой Корнелий Присциан игнорировал приказы наместника, Флавиний сделал вывод – заговорщики перешли Рубикон. Следовательно, план мятежа уже сверстан и по всему выходило, что Присциан должен был сыграть в нем главную роль.

* * *

...при личной встрече, состоявшейся на удивление скудно обставленной вилле Присциана, которую тот презрительно обозвал «коровником», на все вопросы императорского посланца легат отвечал не то чтобы свысока, а как бы нехотя, обращая все в шутку. Все время упирал на то что, они – дальние родственники и принадлежат к одному клану Корнелиев. В игру по выяснению родственных связей он подключил даже своего распорядителя домом или прокуратора – мелкого, длинноносого старичка с пронырливыми глазами.

– Мой Воконий всех Корнелиев знает. Он дока по родословным.

Однако этот пронырливый старикашка так и не сумел отыскать какую-либо зацепку, связывающую своего хозяина и его гостя.

– Ладно, ступай, – отослал его Присциан. – Мы будем говорить о делах.

Под «делами» воинский начальник понимал устройство в самое ближайшее время «симпозиума».

– ...этакого «междусобойчика», но только для своих. Можно даже здесь, в «коровнике». Будет что вспомнить! Потом съездим к местным достопримечательностям и полюбуемся восходом солнца. Возьмем с собой музыкантов, танцоров, акробатов. Ты ведь, наверное, слышал, Лонг, лучшие акробатки все родом из Испании.

Причину его снисходительного панибратства Бебий сумел разгадать, когда Присциан обмолвился, что, «конечно, в Испании нет таких замечательных достопримечательностей, как в Египте»!...

– Ты полагаешь, что в Египте я ограничился посещением чудес света?

– Нет, Бебий. Там ты еще испытал неземные ласки прислужницы Астарты.

Лонг решил поставить на место зарвавшегося юнца – Присциану в ту пору действительно не было и двадцати трех лет от роду.

– Тебе не кажется, Марк, что ты слишком много знаешь. Сидя в такой задрипанной провинции как Испания, ты питаешься непроверенными, а то и злобными слухами о состоянии дел в столице.

Присциан засмеялся.

– Ошибаешься, Бебий! Мы здесь тоже не калиги носим и наслышаны о улучшающих нравы потугах «добряка».

Эта фраза четко высветила обстановку, и самые скверные догадки, о которых упоминал Флавиний, обрели вполне реальные, угрожающие очертания.

По крайней мере, к такому выводу они, втроем обсуждая обстановку, пришли.

Наместник выразился коротко и грубо – знает много и не по чину. Ведет себя вызывающе. Значит, только и ждет команды из столицы.

Лонг добавил.

– Надо бы перехватить гонца..

Барбар усмехнулся.

– За сутки в порты Ближней Испании прибывают десятки судов, и сотни человек сходят на сушу. Как отыскать среди них посланца заговорщиков?..

Флавиний осторожно заметил

– В Риме работают над этим.

Барбар, словно не услышал и продолжил с тем же нервным раздражением.

– Хуже всего, что здесь в Тарраконе я могу расставить своих людей, а вот в Барцине полным-полно соглядатаев Присциана. Его караулы также выставлены на сухопутных дорогах, особенно на главной, вдоль побережья, из Нарбонской Галлии. Они не то, что местных терзают, так еще осмеливаются обыскивать моих людей, что вообще за гранью разума.

Наместник сделал паузу, словно давая собеседникам оценить степень разнузданности легата.

Флавиний первым подал голос.

– По моим сведениям, сношения Присциана с заговорщиками в Риме действительно происходят через Барцину, однако спешка или какие-нибудь непредвиденные обстоятельства могут заставить их отправить своего человека и сюда, в Тарракон. Что касается Присциана, у меня есть непроверенные сведения, что он наплел своим сообщникам, что у него все схвачено. Нам надо воспользоваться этим. – Он помрачнел. – А вот то, что нам неизвестно, кто этот человек, очень осложняет дело. Одна надежда на Рим – как я уже сказал, там работают над этим. Теперь о главном – со дня на день сюда, в провинцию, придут мои люди. Они прояснят этот вопрос. Наместник, где я мог бы их спрятать?

– Сколько человек?

– Точно не знаю, но думаю трое или четверо.

– Что здесь думать? – заявил Бебий. – Их можно поселить в моих апартаментах на первом этаже. Там только один вход, дверь можно держать на запоре.

Барбар кивнул, а Флавиний предупредил.

– Своих людей, наместник, к ним не посылай. Можно одного слугу, только не болтливую. Лучше рабыню, желательнее девственницу, страстно мечтающую создать семью. Пообещай ей выгодного жениха и статус вольноотпущенницы, пусть только держит язык за зубами.

– А они?.. – засомневался Сект.

– Нет. Они добрые ребята. И проверенные.

Глава 7

Отыскать в средоточии царских дворцов, построенных на Палатинском холме укромное убежище для Бендиты оказалось не так просто, как это представлялось Марку Аврелию.

Перед самым выездом наследник критически оглядел женщину, робкую, покорную – в воображении, вопреки всякой логике и запретам, представились ее спелые, сочные груди, мягкий и упругий животик. Он вздохнул и, заметив ее мимолетный, отозвавшийся на желание цезаря сладостный взгляд, указал на экипаж.

– Сядешь подальше от окон. Не вздумай высовываться и даже не пытайся скинуть палу с головы.

Бендита кивнула и тут же взлезла в коляску. Там расположилась спиной по ходу движения – в глубине салона, подальше от окон.

...утром, перед возвращением в столицу, Марк в разговоре со своим доверенным лицом, спальником Феодотом, распорядился отыскать для Бендиты скромное убежище во дворце, чтобы скрыть женщину от любопытствующих взглядов слуг и вольноотпущенников.

– Какую бы ей должность придумать для пребывания на Палатине?

Феодот подсказал.

– Почесывальница спины или каких-нибудь других потаенных мест. Например, щекотальщица пяток... Эти должности, господин, лучшее лекарство от дурных страстей, от которых до последнего времени тебя спасал разум.

– Не дерзи и не вздумай устраивать нравоучительные разборки в присутствии Фаустины и особенно ее матери.

– Слушаюсь, господин! Но от них трудно будет отделаться, ведь каждую девицу, с которой ты, господин, хотел поглубже изучить устройство женщины, Фаустина старшая сама подбирала тебе, а тут ты решил посвоевольничать. – Он с сомнением покачал головой. – Не знаю, не знаю... Может представим ее твоей ученицей, страстной поклонницей Зенона? Мол, эта скромная особа никак не может разобраться в запутанном вопросе о правильном соотношении добродетельной жизни и отягощенного скверными и похотливыми желаниями существования. В этом деле ты, господин, большой дока, особенно когда отважился броситься в погоню за ускользающими наслаждениями.

Марк вздохнул.

– Ты, Феодот, совсем переучился, особенно в том, что касается наслаждений.

– Нет, господин, как раз в этом вопросе я сумел разобраться досконально и готов поделиться с тобой мудростью, высказанной небезызвестным Эпикуром, утверждавшим, что высшим из наслаждений можно считать отсутствие страдания. Он еще говорил, что физическая боль, несомненно, большое зло, но если оно остро, то оно коротко, а если длительно, то его можно переносить с помощью умственной дисциплины и привычки думать о приятных вещах. Главное – жить, избегая страха.

Марк Аврелий вздохнул.

– Да, распустил я тебя. Короче – подыщешь убежище этой... поклоннице добродетельной жизни...

– Или наставницы в изучении пороков? – переспросил раб.

– Не твое дело... И сделаешь все, чтобы моя будущая свекровь не лезла в советчицы.

Феодот схватился за голову.

– Как мне избежать этого наказания! Как я, несчастный раб, смогу остановить супругу императора, да еще если она накинется на меня в компании со своей дочерью.

– Тебе решать, – невозмутимо отозвался наследник. – Срази их Эпикуром.

...уже в дороге Марку припомнилось еще одно высказывание Эпикура, утверждавшего, что благоразумие следует считать высшим из всех благ. Это, мол, еще более драгоценная вещь, чем даже философия, но менее... чем неодолимое сладострастное желание, особенно в форме возбужденной похоти.

* * *

При встрече император огорошил наследника известием.

– Авидий Кассий здесь.

Марк удивленно глянул на отца.

Тот добавил.

– Он привез Гегезипа.

– Где же этот свихнувшийся, таинственный поклонник теней?

– Сбежал при высадке с судна.

– Да-а, не такой уж он свихнувшийся. А что же Кассий?

– А что Кассий! Этот проходимец отвел глаза охранявшим его легионерам и исчез в ночи. Слово его и не было. Наказывать Кассия бессмысленно, по его утверждению – этот «ловец теней» может кого угодно обвести вокруг пальца. К тому же Авидий поклялся, что исчез он ненадолго. Во время длительных бесед Гегезип зарекомендовал себя как отъявленный сторонник императорской власти. Он в восторге от моих личных достоинств принцепса и достоинств его наследника.

То есть твоих и моих...

По словам Авидия, этот мошенник так и выразился – «отъявленный»! Оцени глубину и умения льстить, присущее этому похитителю теней. Он знает, на кого сделать ставку. Авидий утверждает что рано или поздно

Гегезип появится во дворце. Скорее раньше, чем позже. Центурион передал его просьбу обеспечить ему свободный проход во дворец и надежную связь.

– Разве это не опасно? – спросил Марк.

– Конечно, вот зачем я и завел этот разговор. К сожалению, Флавиний молчит. Почему он молчит, Марк? Почему молчит Бебий? Может, ты все-таки ошибся в своем друге и кроме пустопорожней болтовни он ни на что не способен?

– Нет, император. Я поручился за Бебия и пока не вижу причин, чтобы усомниться в нем.

Тит Антоний вздохнул.

– Что ж, подождем еще немного.

– Это чревато, – предупредил Марк.

– Страх не избежать, чтобы по этому поводу не болтал самосский умник, помешавшийся на наслаждениях.

– Отец, я не являюсь поклонником Эпикура.

* * *

Как Гегезип отыскал в миллионном городе Антиарха, история умалчивает. Разве что тени, живущие Городе, могли подсказать маршрут прославленному «поклоннику оттенков темного», однако известно, что старик встретил своего бывшего наставника неласково.

В гостеприимстве, правда, не отказал. Предложил – располагайся, старина! На некоторое время здесь тебе не откажут ни в ломте хлеба, ни в глотке вина.

– На некоторое? – удивился здоровяк.

В свои шестьдесят лет Гегезип был еще вполне представительным мужчиной. Был он высокого роста, при ходьбе опирался на длинный посох с закругленным оголовком. Брюшко едва намечалось и чуть выпирало из-под свободного края гиматия.

– Чем порадуешь своих единоверцев, Собайя? Ты так внезапно исчез из Антиохии. Мы не знали, что и думать, пока до нас не дошли слухи, что тебя видели в Риме.

– Я не знаю, Гегезип, о каких слухах ты говоришь. Я никогда не давал клятв на верность твоим «ловцам». Я решил по собственной воле распространять истину среди непосвященных.

– И каковы успехи?

– Ты не поверишь, поклонение Тьме приобретает все более широкие масштабы.

Гегезип засмеялся.

– Хорошо сказано – «приобретает более широкие масштабы»! Однако ты, Собайя, непростительно заблуждаешься, если полагаешь, что за подобными словечками можешь укрыться от обязательств, которые принял на себя во время священной церемонии в Антиохии. У нас так не принято! У нас заведено – каждый, кто хотя бы раз прислонился к Великой Тени, кто уделил немного пищи и вина новорожденному Хаосу; тот, кого причислили к сонму посвященных, – не может считать себя вольным в мыслях, словах и

поступках, тем более во всякого рода непотребствах, которые могут бросить тень на наших единоверцев. В любых масштабах!..

– О каких масштабах рассуждаешь ты, Гегезип – человек, который отказался предоставить мне статус пророка и «мастера теней». Не считаю себя обязанным подчиняться всяким высосанным из пальца требованиям, которые ты и подобные тебе наложили на меня.

– О пророчествах и познании Тьмы могут рассуждать только те, кто вполне освоил и сердцем принял завет Епифания, настаивавшего, что Тень и тени по своей сути есть величины, восстанавливающие полноту бытия, порождающие его противоречивую целостность.

Будем помнить, что отличие Света от Тьмы не является различием между двумя отдельными сущностями. «Светлое» и «темное», начало и конец, «корень» и «ветви», возникают сообща, как тело и тень, звук и эхо, и друг без друга не существуют. Они совпадают по пределу своего существования – в «вечно отсутствующей» полноте своих свойств, ведь избыток света разрушителен не менее, чем его отсутствие.

Сам по себе, в единственном числе, Божий свет невыносим для смертного, жить в нем и существовать *телесно* нельзя. Именно так Творец выстроил целый мир, и в нем нельзя обойтись без Тьмы и ее порождений – теней.

Что есть зло?

Зло – это частица Тьмы, отделившаяся от Света. Да, она способна прочно поселиться в сердце. Но учти, куда эта частичка попадает; там, куда не проникает тепло, возникает гниение и разложение, что случилось с тобой, Собайя...

Антиарх перебил его.

– Ты всегда был мастак на досужие разговоры, но теперь твои потуги напрасны. Я сам и мои последователи, – он указал на находившихся в комнате Вика и Исфаила, – отыскивали верный путь в лабиринте мелькающих оттенков мрачного. Не тебе указывать, что нам позволено, а что нет...

– Мне!!

Голос Гегезипа невероятно погрубел, налился рыкающими, эхоподобными обертонами.

Внезапно его тень, до того дрожащая и колеблющаяся в лучах горевших на стене светильников, налилась непроглядным мраком и начала медленно укрупняться, захватывая все больше пространства, помещавшегося в комнате.

У тени Гегезипа внезапно отросли лапы, они подобрались к мертвенно побледневшему Антиарху. Старик откинулся к стене и протяжно и прерывисто вздохнул. Набрал воздух в легкие. Ожил, расправил плечи, тень его окрепла, вытянулась в длину и легла изломанными частями на растянувшиеся отростки гегезиповой тени.

Два сгустка мрака, ожившие, отчетливо источавшие тьму, сцепились.

Исфаил и Вика онемели.

Наливавшиеся тьмой контуры уже виделись объемными, с выступающими, утолщавшимися на глазах отростками. Сплетаясь и сжимая друг друга, исчадия тьмы вступили в ожесточенную схватку, превращаясь при этом то в нелепых и фантастических животных, чьи оскаленные пасти вцеплялись друг в друга, то в штрихованную решетку, пытавшуюся поймать сгустившиеся пятна мрака.

Пот обильно стекал с лиц обмерших до состояния трупов телесных оболочек Антиарха и Гегезипа. Только их руки еще пошевеливались, порождая многочисленные сгустки, улавливающие вражескую тьму. Их число все увеличивалось и увеличивалось.

Скоро вся комната предстала как пронизанное пятнами мрака пространство, в котором сражались два громадных лишенных прозрачности пятна.

Неожиданно Антиарх вскрикнул и медленно сполз со стула. Его тень резко обрела естественные границы лежавшего на полу человека, затем обернулась подобием змеи, которая шустро уползла под комод.

Исфаил попытался вскочить, но солидная, полномрачная тень Гегезипа накрыла его и вернула на место.

– Сидеть! – приказал гость.

Он неторопливо вернул свою тень в прежнее подобие вечной спутницы человека.

Перевел дух, встал и, приблизившись к двери, предупредил.

– Напомните Собае, чтобы он не забыл поделиться со своими братьями в Азии тем, что добудет в Риме. Предупредите – в следующий раз я буду менее благосклонен, – и вышел из комнаты.

Исфаил и Векс выскочили следом, но нигде – ни на галерее, ни внизу во внутреннем дворике не обнаружили ни Гегезипа, ни его тени...

Глава 8

Просвет в сгущавшемся мраке нараставших угроз наметился, когда Аквиллий Регул Люпусиан тайно известил Марка Аврелия, кто поддерживает связь с Присцианом и когда его собираются отправить в Испанию.

В тот же день Тит Антонин объявил, что отправляется на виллу в окрестностях Рима, чтобы отдохнуть от государственных дел. На вилле он собирался пробыть до мартовских календ – то есть больше месяца. По слухам, которыми, как известно, земля полнится, в конце января государь вдруг почувствовал слабость и решил восстановить здоровье.

На вилле его уже ждал ланиста Публий Осторий, управляющий и главный наставник гладиаторов, содержащихся в императорской школе в Ланувии. Публий сам был из публичных бойцов и прославился тем, что сумел сразить в бою любимца римских зрителей Витразина,³⁶

Первым делом император спросил.

– Ты виделся с Лупой?

---

³⁶

Что касается Витразина, римский плебс с помощью многочисленных, подкупленных этим красавцем зрителей, добился помилования своего любимца во время схватки с Осторием. Зрители почти поголовно задрали пальцы вверх, с чем пришлось смириться Адриану, испытывавшему острую неприязнь к этому выкормышу Сацердаты, погубившему на арене раба Лонгов Таупату. Идти наперекор воле римского народа было чревато, поэтому император Адриан не без некоторых угрызений тоже ткнул пальцем в небо. (М.Ишков. роман «Имя власти. Адриан».)

– Да, господин. Один из его людей показал мне вольноотпущенника Аттиана, Ацилия Секунда, которому поручено доставлять личную корреспонденцию сенатора в Испанию.

– Ну, и как он?

– Крепкий малый, оружием владеет.

– Вы взяли его под наблюдение?

– Мои люди взяли под наблюдение дом сенатора, но этого мало, господин.

Император вопросительно взглянул на Остория.

– Необходимо взять под контроль порт в Остии. Оттуда до Испании неделя плавания, а сухопутным путем через Массилию (Марсель) несколько недель. Прошу тебя, господин, дать мне полномочия проверять каждое судно, которое в течение следующих нескольких дней должно отправиться в Испанию.

– Конечно, негласно?..

– Как получится, господин. Люди Люпусиана утверждают, Секунд еще тот прыга. Если его вспугнуть, он вполне способен раствориться в толпе.

– На что же ты рассчитываешь, Осторий?

– Я постараюсь, чтобы Секунд не смог отправиться на том корабле, на котором обычно добирается до Испании. Капитан этого сухогруза давно служит Аттиану. Пользуясь его покровительством, он часто провозит незадекларированные грузы, так что таможенный эдил сумеет отыскать у него что-нибудь запрещенное и не взять мзду. Если сделать все чисто, под указ городского префекта, эта мера не вызовет подозрений. Секунду придется либо отправиться сухопутным путем, либо пересечь на другое судно.

– Ты хочешь сказать...

– Да, господин. Если дело срочное – а Лупа считает, что оно очень срочное, – Секунд начнет искать судно, которое немедленно отправляется в Испанию. Следовательно, оно должно быть готово заранее и только ждать сигнала к отплытию. Это забота портовых властей, но проделать все следует чисто. Если бы Флавиний был здесь...

Император откликнулся.

– Не беспокойся, Флавиния есть кому заменить

Осторий кашлянул и продолжил.

– ...я со своими людьми будут числиться в команде. В море взять Секунда намного проще, чем в Остии или после прибытия в Тарракон. В море он будет куда более сговорчив...

– Мне нравится твой план, Осторий, – кивнул император. – Как мы договорились, если дело сладится, ты получаешь свободу и изрядную сумму на обустройство.

– А как же мои люди?

Император задумался.

– Мне нравится твоя забота о людях, поэтому я не прочь оставить тебя при себе в любом качестве. Твои помощники получают достойное вознаграждение, но не свободу. Хотя, понятно, к ним будет особое отношение...

– Они будут иметь право выбора?

– Да.

– Меня заботит судьба молодого германца. Его зовут Сегимундом. Родственное племя квадов захватило их стоянку, они поубивали всех, кто оказал сопротивление, в том числе и мать Сегимунда, а его самого и сестер продали в рабство. Хвала богам, он угодил в твою школу! Этот парень примерный ученик, я ручаюсь за него

– О нем мы поговорим после поездки в Испанию. Значит, Лупа считает дело чрезвычайно срочным?

– Да, господин. Лупа предупредил, что заговорщики, скорее всего, решили закончить дело до майских Лемурий.

– А как насчет тебя, Осторий?

– Если боги пошлю нам удачу, я тут же уеду из Рима.

– Почему? У тебя здесь есть перспективы.

– Витразин не даст мне покоя. Я его подлую натуру знаю. Рано или поздно он доберется до меня. Он никому и никогда не прощал поражений. В Городе его нож рано или поздно достанет меня. Лучше я скроюсь куда-нибудь подальше. Господин, я не отвечу, куда. Вокруг тебя полно глаз и ушей, от которых не скрыться и не спрятаться. Я хочу жить и не прятаться. Такова моя просьба.

– Хорошо... если дело сладится, я благосклонно отнесусь к твоей просьбе.

* * *

К удивлению Остория, взять Секунда на паршивом торговом паруснике, доставлявшем в Испанию вино и оружие, оказалось далеко не просто.

Под утро его попытались скрутить в каюте, но он сумел вырваться. В разодранной тунике, мускулистый и неукротимый в борьбе за жизнь он, добравшись до борта, громко рассмеялся и показал людям Остория вскинутый вверх средний палец. Затем крикнул – «лови дельфина!» – и бросился в море.

Нескольких секунд Осторию хватило, чтобы прийти в себя. Он крепко вцепился в поручни, потом тихо, не оборачиваясь, приказал.

– Тащите луки и стрелы!

Обратившись к отплывшему от судна беглецу, крикнул.

– Не дури, Секунд! Я знаю, ты парень крепкий и способен долго продержаться в воде, но это не спасет тебя. Если сдашься и поднимешься на борт, тебе сохранят жизнь.

– Я сам способен сохранить свою жизнь, – засмеялся Секунд. – Погляди, ублюдок, какая полная луна! Она поможет мне. Пока вы развернете ваш грязный парусник...

– У нас есть весла, Секунд!

В этот момент за спиной Остория послышался голос Сегимунда.

– Мы здесь, хозяин.

– Отлично! – не оборачиваясь приказал Осторий. – Пальните в негодея из всех трех луков, только не вздумайте попасть.

Был бы приказ, а уж с его исполнением трое гладиаторов, проворонивших важную добычу, не заставили себя ждать.

Три стрелы практически разом, расширенным треугольником легли вокруг пловца.

– Послушай, Секунд! – крикнул Осторий. – В следующий раз тебя накроют. Полнолуние поможет нам, а не тебе.

Секунд сразу сбавил ход.

– И вот еще о чем подумай, – продолжил Осторий. – Твои бумаги у нас, и как мы ими воспользуемся, от тебя уже не зависит. Стоит ли жертвовать собой ради грязного дела?

Секунд откликнулся.

– Ты даешь слово, что сохранишь мне жизнь?

– Даю слово.

Пловец поплыл к судну.

На борту его с головой накрыли покрывалом и на глазах удивленных и перепуганных корабельного прокуратора и двух матросов провели в отсек для пассажиров. Там позволили обтереться, после чего один из людей Остория – очень высокий и мускулистый парень, по имени Сегимунд, – крепко связал ему ноги.

Пленник усмехнулся.

– Я полагал, что вы свяжете руки. Ведь я очень удачно заехал в глаз этому молокососу.

Сегимунд рванулся было к пленнику, но Осторий удержал его.

– Со связанными ногами ты далеко не убежишь, а руки тебе понадобятся, чтобы написать обо всем, что связано с твоей поездкой в Тарракон, а также о планах Аттиана.

– Я неграмотен, – буркнул Секунд.

– Нет, ты владеешь грамотой. Пиши, и тогда тебе и в дворцовой темнице сохранят жизнь.

– Ты же дал слово!

– Да, – согласился Осторий. – И сдержу его. Здесь, на корабле... Но впереди тебя ждет Испания, а оттуда недалеко до Рима, а уж за эти пункты я не несу никакой ответственности.

После паузы, он похлопал пленника по плечу.

– Секунд, ты не похож на идиота и можешь сообразить – если капитана судна, на котором тебя доставляют в Испанию, поймали на контрабанде; если тебе пришлось пересесть на этот вонючий, пропахший соленой рыбой парусник, значит, тебя здесь ждали.

... и, самое главное, если тебе пообещали жизнь в обмен на откровенность, любой догадается, что нам многое известно и дикая охота на всякого рода свихнувшихся злоумышленников и высокопоставленных негодяев, замысливших недоброе против императора, началась.

Преступники не уйдут от расплаты. С тобой, если будешь молчать, тоже церемониться не станут. Стоит ли класть свою жизнь за хозяина, который когда-то, в годы твоей молодости, посягнул на твою женщину? Он щедро расплатился с тобой, даже дал вам вольную, но тем самым и накрепко привязал к себя. Не пора ли подвести итог? Я обращаюсь к твоему здравому смыслу – задумайся о судьбе этой женщины и детей, которые сейчас, как ни крути, стали заложниками.

– Что мне будет, если я раскрою все без утайки?

– Я не император, и ничего обещать не могу, но зная Благочестивого, могу пообещать – у него хватит благоразумия принять верное решение, особенно если я похлопочу за тебя.

– Я должен подумать.

– Думай... До утра... У нас еще четыре дня пути. Можешь поспать.

Осторий и двое его людей вышли из каюты.

С пленником остался Сегимунд.

Секунд грубо обратился к нему.

– Что вылупился?! Может, ноги развяжешь?

Германец отрицательно покачал головой.

– Ну, как знаешь.

* * *

На следующий день Секунд исписал несколько папирусных страниц, на которых подробно изложил, каким образом он обычно связывался с Присцианом.

– ...обычно мы причаливали в Барцине, на этот раз вон как вышло, – прокомментировал Секунд свое задержание. – Думаю, что вы собираетесь причалить в Тарраконе?

– Правильно думаешь.

– Что ж, у нас есть запасной вариант и в этом городе. Там я должен заглянуть в одну из портовых таверн, обменяться контрольным словом с хозяином и дождаться распоряжений. Что касается планов хозяина, меня в такие дела не посвящали.

Осторий кивнул – на первый взгляд, все вроде бы сходилось.

Глава 9

До столицы провинции догребли в поздних сумерках, когда в городе и в порту все замерло.

Причалили в царской гавани.

По настоянию Остория, капитан никому не разрешил спуститься на берег, кроме Сегимунда, которого ланиста лично проводил до трапа, и где-то перед после полуночи до крика первых петухов, в момент, который римляне считали «лишенным времени» – на борт торгового парусника поднялись Флавиний и не отстававший от него ни на шаг Бебий Корнелий Лонг.

В каюте Флавиний выслушал доклад Остория, внимательно ознакомился с показаниями Секунда, потом велел привести пленника. Предложил тому повторить все, что тот изложил на папирусе, потом долго вглядывался в пленника и наконец предложил ему обмозговать все «за» и «против».

– Ты это к чему? – усмехнулся Секунд.

– К тому, что я хотел предложить к тебе принять участие в ловле «на живца»?

– Кто будет «живцом»? – нахмурился пленник.

– Ты.

– А кого собираетесь ловить?

– Легата Присциана, племянника твоего хозяина.

– Вы соображаете, на кого посягаете?

– Соображаем. У нас есть полномочия. Например, бросить тебя в море на съедение акулам, если откажешься.

Пауза.

– ...после того, как ты исписал эти листы, – Флавиний указал на папирус, – у тебя не осталось выбора. Если ты поможешь уличить Присциана, тебе будет легче вернуться Рим и даже, возможно, получить вознаграждение.

Секунд засмеялся.

– А не боишься, что сбегу? Или предупреджу легата?..

Флавиний тоже засмеялся

– Куда ты денешься! У тебя семья в Риме, а от семьи не сбежишь. Раз уж ты, когда садился писать, взял ее в расчет, значит, ты сделал выбор.

Давай рассудим непредвзято, у твоего хозяина был единственный шанс повернуть свое грязное дельце, если сделать все втихаря, пока власть не опомнилась. Твой хозяин и его дружки считают принцепса благочестивым тюфяком, язвой добродетели. А он, как видишь, тоже не спит, что доказывает промашка, которая случилась с тобой.

После паузы вольноотпущенник продолжил уже всерьез.

– Что же касается твоего хозяина, я уверен, чтобы дорваться до власти, он ни перед чем не остановится. Он готов на все, вплоть до того, чтобы использовать диких германцев. О вызове в Италию легионов и говорить нечего, без них в любом случае не обойдешься. Тебе известно как это бывает? Слыхал, наверное, как доблестные бойцы XIII легиона полвека назад во время братоубийственной войны стерли с лица земли итальянский город Кремону? Я сам родом из Медиолана, а это совсем рядом с Кремоной. Взгляни на этого, – он указал на Сегимунда, красавца-громилу с приметным синяком под глазом. – Что натворят в Городе такие молодцы? Мне есть что терять.

– Мне тоже, – угрюмо буркнул Секунд.

– Значит, договорились?

Пленник нехотя кивнул.

Бebий, сидевший спиной к двери, на мгновение расслабился – казалось бы, дело сделано, но в следующий момент Флавиний огорошил его вопросом.

– А теперь скажи, что ты должен был передать Присциану на словах?

Секунд отпрянул.

Бebий невольно схватился за кинжал, однако Флавиний придержал его.

– Я жду, – напомнил вольноотпущенник.

После долгой паузы вольноотпущенник Аттиана хрипло выговорил.

– На словах хозяин просил передать, чтобы Присциан был готов начать сразу, как только Урбик в Британии потерпит поражение.

Вольноотпущенник засмеялся, а Бebий отпустил рукоять кинжала.

– Вот это другой разговор! – удовлетворенно заметил Флавиний. – Когда Урбик потерпит поражение?

– Как только на острове сойдет снег и бриганты бросятся штурмовать Адрианов вал.

– Ты хочешь сказать, что им уже заплачено? – насторожился вольноотпущенник.

Лонг вновь схватился за рукоять.

– Слышал, что золото им было отправлено сразу после Нового года.

* * *

Поздним утром первым на берег сошел Секунд.

Укутанный в плащ-пенулу с накинутым на голову капюшоном, он тут же смешался с толпой и спустя минуту Бебий как ни пытался высмотреть его среди снующих вдоль причалов десятков купцов, торговцев, моряков и рабов, но так ничего и не разглядел.

– Смотри, глаза протрешь! – засмеялся Флавиний.

Его поддержал Осторий.

Вольноотпущенник нахмурился и приструнил гладиатора.

– Держи себя в руках. К послу императора относись с почтением. И своих людей предупреди. Нам пока еще не над чем хихикать.

– А что, если Секунд сбежит? – спросил Лонг.

Он уже привык к шуточкам Флавиния. Только здесь в Испании, до Бебия дошло, что власть устроена не совсем так – точнее, совсем не так, – как представлялось по школьным историческим хроникам, величавым поэмам и восторгам почитателей древностей, так что тыкать в глаза людям, подобным Флавинию, о котором даже в пустых разговорах, на пирах и частных беседах, никто не упоминал, было не только глупо, но и бессмысленно.

...поучиться бы у него – прикидывал Бебий, но вся эта таинственность, многозначительная, не без подмигиваний, и, говоря откровенно, откровенно плебейская, радости не вызывала. Как-то не по-граждански, не по задуманному такими авторитетами как Гай Марий, Камилл, Сципионы и Цезари, выходило.

...и не по-философски, как учили Зенон, Хрисипп и Эпиктет.

К удивлению Бебия, эта внезапно открывшаяся, ошарашивающая правда мучила куда сильнее, чем желание поучиться у Флавиния.

Здравомыслия хватало понять, все поступки вольноотпущенника – пусть самые нужные и самые важные для сохранения спокойствия в государстве, – не имели никакого отношения к истине, поискам которой с таким усердием все эти годы занимался Бебий с друзьями.

С тем же Марком Аврелием, например.

Теперь выяснялось, что подобным поступкам, какими пользовался Флавиний, явно не достает добродетели. Они были «беззначны» или «безразличны», как уверял тот же Зенон. Следовательно, использовать их можно как во благо человеку, так и во вред ему.

Ясно, что как раз эту плебейскую – «усеченную» правду имел в виду Марк, посылая его сначала в Египет, потом сюда, в Испанию. С точки зрения наследника, с детскими играми, размышлениями о мире ином – высшем! – о разуме, мировой душе-пневме, пора было кончать. Но в таком случае, размышлял Бебий, покачиваясь в паланкине напротив уснувшего крепким

сном Флавиния, – следовало отвергнуть и смущавшие душу сомнения, составлявшие бóльшую и лучшую часть души.

Ее было жаль времени, потраченного, как теперь оказалось, впустую.

О душе и о пути, идя по которому можно было отыскать истину, твердил садовник у них саду, научая маленького Бебия накладывать на себя крест. Об этом же предупреждал Эвтерм, а этим людям он привык доверять. Конечно, с высоты учености, их рецепт выглядел простоватым, но с его помощью, как ни крути, они сумели избавиться от тоски.

Однако пути назад или в обход указаний императора и наследника не было. Порученное ему дело, раз он согласился взяться за него, следовало выполнять.

* * *

Люди Остория добрались до дворца наместника в поздних сумерках. Привел их Храбрый.

Девушка, которую Барбар приставил к гостям, встретила их на пороге. Дак ласково поговорил с Атизией, та сразу покраснела и умчалась. Филомуз проводил гладиаторов в комнату, а Храбрый направился вслед за служанкой – помог ей принести еду и вино, и через полчаса люди Остория, да и сам ланиста, вполне освоились.

Бебий, слушая их разговоры, шутовскую перебранку с Храбрием и Атизией, которая уже куда более резво носилась туда и обратно, даже съязвил про себя – «сейчас споют!..»

И как снег на голову в полночь перед самым сном к нему в покои постучали.

Бебий, наволновавшийся за день, взял в руки оружие. Так с мечом-гладиусом и подступил к двери.

– Кто?

Из-за двери послышался голос Храбрия.

– Это я, господин...

Бебий отпер дверь.

Храбрый, не переступая порог, предупредил.

– Господин, мне пора. Скоро встреча с каким-то человеком. Отпусти Атизию... Флавиний просил.

– Она-то зачем? – удивился Бебий.

– Атизия проводит человека Присциана в таверну, где их будет ждать Секунд. Так будет безопаснее. Флавиний приказал Осторию сообщить ей секретное слово.

– А ты сам как считаешь?

– Это разумно, господин. Мало ли! Людей Остория могли срисовать в порту.

Об этом Бебий как-то не подумал.

Ох, сколько же полезных навыков, знаний и умений прошло мимо него! Сейчас не время включать патрицианскую спесь. Разум – самая главная стоическая добродетель – подсказал: пока эти плебеи и рабы с такой охотой

выполняют распоряжения высшей власти, ему, кровь от крови и род от рода, римскому патрицию беспокоиться не о чем.

– Ступайте. Я с Атизией пойду следом...

* * *

Удивительно, но первым мужчиной, который подклеился к Атизии, оказался сам легат VII легиона Марк Корнелий Присциан.

Трудно сказать, что подтолкнуло Бебия Лонга подойти поближе и вступить с ним в спор насчет найма этой «хорошенькой девицы», с достоинством промышлявшей телом в этот поздний час на узкой улочке, ведущей к порту. С Флавинием они условились, что Бебий будет только наблюдать и в таверну зайдет уже после того, как туда заглянет клюнувший на медовую ловушку человек легата.

Ну и лярвы с ним, с Флавинием!

...в любом случае Присциан счел торг уместным. Он даже шутливо упрекнул императорского посланца в неистребимой склонности к телесным развлечениям, которую тот страстно проявил в Египте.

Бебий отыграл насмешку и со вздохом согласился.

– Что есть, то есть.

Сзади к Присциану придвинулись два плечистых парня – один постарше, другой помоложе. По-видимому, личная охрана. За спиной Бебия тут же появились Храбрый и Сегимунд.

Присциан одобрил.

– Отдавая должное наглости Калигулы и прочих неронов, дорвавшихся до власти, отказываться от охраны было бы глупо. А девица вроде бы свеженькая!.. Я ее тут раньше не встречал. Как будем делить добычу?

Он взял девицу за руку.

Атизия вздрогнула и, тут же справившись с испугом, призналась.

– Тут есть кабачок «Три пескаря»...

– Как это заведение я собирался посетить! – воскликнул Присциан.

– Веди! – приказал Бебий и, подхватив Атизию под руку, вырвал ее у Присциана. Затем подтолкнул девушку.

Присциан раздумывал недолго и двинулся следом.

– Эй, посол, это моя добыча! – предупредил он.

Бебий, поддавшись азарту, через плечо ответил.

– В кабачке разберемся.

По пути легат уже вполне по-дружески признался Лонгу, что по примеру «вертлявого Калигулы и песнопевца Нерона», привык погуливать в этом занюханном припортовом квартале.

– ...конечно, этим пропахшим рыбой переулком далеко до столичной Субуры или, например, Марсова поля, где всегда полным-полно развлекаловки. Вот где можно было разгуляться! Но ты, Бебий, не унывай, у нас еще все впереди.

Весь недолгий путь он рассказывал приехавшему римлянину про Калигулу, который как свои два пальца знал самые мрачные закоулки Рима.

Уже на пороге заведения он неожиданно сменил тему.

Посерьезнел...

– Впрочем, я беру пример с Нерона. Умел петь... Тоже был хваткий парень – очень любил устраивать свалки на улицах, а также проводить в своем Золотом дворце торжественные мероприятия по «восхвалению отечественных богов» с помощью самых разнузданных гетер Рима.

– Он плохо кончил, – предупредил Бебий.

– Кто? Нерон?..

– Нет, его Золотой дворец.

Они вошли в тускло освещенный масляными светильниками небольшой зал, где в дальнем углу сидел Секунд.

Увидев его, Присциан совсем расслабился. Видимо, как поклонник Нерона и Калигулы он уже в полной мере счел себя свободным в совмещении встречи со связником и выборе развлечений. Окончательно успокоило его проявленное Бебием пристрастие к шлюхам, как храмовым, так и портовым.

Присциан, приблизившись к Секунду, развязно воскликнул.

– Кого я вижу! Чем порадуешь на этот раз, посланник Зевса? Как там наш «тюфяк»?

При легком свете было видно, что на «ночные подвиги» во славу незабвенного Нерона, Присциан отправился уже изрядно набравшись.

Разгулявшийся вояка подсел к Секунду. Его телохранители заняли места за соседним столиком.

Возле них присели Храбрый и Сегимунд.

Храбрый показал им кости.

– Сыграем?

Солдаты переглянулись – вроде эти ребята охраняли присланного из Рима магистрата? Заметив, что Присциан не обращает на них внимания, оба как по команде кивнули.

– Выпивка за счет проигравших! – предупредил Храбрый и метнул кости.

Солдаты остались в выигрыше.

Храбрый тут же подозвал толстого и лысого раба и заказал вино.

– А мы что сидим? – возмутился Лонг. – Нам тоже кувшин фалернского. И смотри, – предупредил он разносчика, – если подменишь или что еще хуже, разбавишь...

Атизия, которую Присциан по привычке силой усадил за стол, была ни жива ни мертва, однако командир легиона, удивленный такой неожиданной встрече с присланным из Рима императорским посланцем, отвлекся и завел разговор о том, как скучно и нудно служить такому добродетельному ничтожеству как Антонин Пий.

Бебий тут же прервал его.

– Давай не будем о делах. Поговорим о приятном. Сколько ты уже принял, что позволил себе совершить такую прогулку?

– Такие прогулки я устраиваю всякий раз, когда зануда Барбар достает меня своими гневливыми, визгливыми, многоречивыми, противоречивыми, велеречивыми приказами. Сделай то, сделай это...

– И что? – удивился Лонг. – Он и должен приказывать, а ты должен исполнять, за что и надо выпить.

– Выпить – да! Исполнять – нет! – ответил тот. – Ничего, скоро наступит время, когда никто не посмеет указывать мне, что есть и пить.

Бебий кивком поддержал его.

– Мне самому, говоря откровенно, до смерти надоели эти поклоны добродетелям. Куда лучше прикоснуться к прелестям... Сколько ты берешь за ночь, милая? – обратился он к Атизии.

– Три асса за ночь, – робко призналась девица.

– А с двоих?..

– Не знаю... – прошептала она.

В инструкциях, которыми ее снабдил Флавиний, о двоих не было ни слова.

В этот момент в кабачок вошел Осторий и со своими людьми поднялся наверх.

– Вот что, милая, – продолжил Бебий. – Мы щедрые ребята, – он указал на лестницу. – Ты ступай наверх, а мы сейчас решим, кто первым отправится вслед за тобой.

– Верное решение! – засмеялся Присциан, – только одно уточнение – первым буду я. И никто иной!..

– За это надо выпить! – предложил Бебий.

Они выпили.

Телохранители легата уже вовсю увлеклись игрой, тем более что в тот вечер им невероятно везло, они выигрывали и выигрывали.

Пили и пили...

Вверху на антресолях показался Осторий и многозначительно кивнул Бебию.

Тот обратился к Присциану.

– Марк, ты здесь хозяин, тебе первому и подниматься наверх. Только дай клятву, что в Риме я буду первым.

– Я никогда и никому не даю никаких клятв. Орлы мух не клюют. Ладно, тебе Лонг, уступлю. Ты, оказывается, не такой заядлый философ, каким прикидывался. Твой дружок-цезарь тоже, видать, парень не промах. Я полагаю, мы с ним сумеем договориться.

– Кто это мы? – поинтересовался Лонг.

Присциан приложил палец к губам.

– Тс-с, об этом ни слова. Скоро узнаешь. Ладно, я пошел.

Осторий, пропустив легата, спустился вниз и встал за спиной одного из его телохранителей. Когда тот дернулся, чтобы подняться вслед за господином, он коротко и точно ударил его в темя.

Солдат молча осел. Вслед за ним уронил голову его сообщник.

Их тут же отволокли под лестницу, а со второго этажа спустили завернутого с ног до головы в плащ Присциана.

Во дворе, куда лысый раб провел всю компанию, Присциана погрузили в повозку и погнали лошадей в сторону причалов.

Очнулся легат уже на отстаивающейся в дальнем углу царской гавани, императорской галере, на которой Бебий Лонг со своими людьми прибыл в Тарракон.

Глава 10

Первым делом Флавиний взялся за охранников Присциана. Их за компанию тоже доставили на борт. Расположились в просторном салоне, что имелся на судне. При разговоре присутствовал Бебий, Секунд и Осторий, державшийся возле задержанных.

Очухавшись, они признались что не являются вольноотпущенниками Присциана, а ходят в строю. Один из них даже оказался бенефициарием – то есть помощником трибуна.

Флавиний приказал увести более молодого охранника, потом взялся за старшего.

– ...как же ты, опытный солдат, человек строя, согласился ходить в подручных у Присциана?

– Он платит, я и согласился. Он – легат! Попробуй послушайся.

– А если твой легат нарушил присягу, если он клятвопреступник и предатель, ты тоже будешь ему поддакивать?

– Не надо брать меня на гладиус, лысый! Я – свободный гражданин и участвовал в трех компаниях, одна из которых была в Африке.

– Тогда тебе тем более есть, что терять. Полагаю, ты сам способен разобраться, в какую игру угодил. Знаешь этого человека? – он указал на Секунда.

– Да. Он приезжает из Рима. Меня это не касается.

– Очень даже касается. Секунд привез твоему легату письмо, в котором сообщается, что заговор подготовлен и теперь дело за ним и его ребятами. Кого сообщники Присциана считают «его ребятами».

– Откуда мне знать! Я простой легионер.

– Нет, ты не простой легионер, а старший, и тебе есть что терять. Полагаю, выслуги у тебя хватает. Лет пятнадцать, не меньше?..

– Четырнадцать... Что вы от меня хотите?

– Ты должен помочь этому человеку, – он указал на Секунда, – посетить виллу легата и кое-что взять оттуда...

– С ума сошел? – засмеялся легионер.

– И меня тоже! – подал голос Бебий Корнелий Лонг.

Оба – и Флавиний, и легионер – подняли на него глаза.

Бебий уже был в тоге, украшенной по краям пурпурной окантовкой. В руке он держал свиток – держал с достоинством, присущим урожденным римским патрициям.

Солдат отвел взгляд.

– Я, – продолжил Бебий, – полномочный посол Императора Цезаря Тита Элия Адриана Антонина Августа Благочестивого и имею право допрашивать в этой провинции кого хочу и когда хочу. Мои права подтверждает этот документ и эти люди. Каждый, кто будет препятствовать мне в отправлении

правосудия, будет немедленно взят под арест и наказан в зависимости от вины. Я уполномочен выносить смертные приговоры. Твой легат упоминал обо мне?

– Да, он говорил, что ему только надсмотрщика из Рима не хватало.

– Твой командир – предатель и изменник. Если ты не поможешь августу, я тоже буду считать тебя изменником и предателем и ты будешь казнен. Немедленно!..

Легионер вытер пот со лба.

– Но я действительно ничего не знаю.

– Зато тебя знают на вилле. И этого человека, – он указал на Секунда, – тоже знают. Твое дело так гаркнуть на домашнего прокуратора и на любого, кто появится у вас на пути, чтобы у Вокония и в мыслях не было препятствовать нам.

Легионер некоторое время сидел, размышляя.

Потом признался.

– У нас по центуриям ходили слухи, что не все чисто в нашем Седьмом легионе. Некоторые из центурионов заводили разговоры, что не плохо бы помочь нашему отцу-командиру «избавиться от тюфяка». Болтали, что «тюфяк» слаб здоровьем, пора помочь ему скинуть с себя тяжелую ношу. Кое-кто из трибунов уверял, что скоро в Риме начнется заварушка и кому, как не нашему отцу-командиру, взять власть в свои руки.

Бebий едва сумел придавить негодующий взглас, а Флавиний даже привстал на стуле.

Солдат между тем оставался невозмутим.

– ...многим это не нраву, но многие не прочь рискнуть, особенно из молодых волонтариев-добровольцев. Мы, кто постарше, помалкиваем, прикажут – пойдём, но у меня здесь в Тарраконе семья. Что с ними будет, если...

Флавиний сел.

– Если ты примешь мое предложение, твоя жена станет супругой центуриона, а то и примипилярия (центуриона первой центурии), а твои дети получат всадническое достоинство. Насчет денег я даже не говорю – тебе известно, сколько получает первый центурион при выходе на пенсию.

Легионер усмехнулся.

– Вериться с трудом.

Флавиний пожал плечами.

– У тебя нет выбора. К тому же посол императора дает тебе слово, что ты получишь все, что тебе обещают.

Вольноотпущенник взглянул на Лонга.

Бebий кивнул.

– Более того, он даже готов поручиться за тебе, чтобы никто из легионных трибунов не посмел и рта раскрыть.

– Ладно, – кивнул легионер. – только я не знаю как вы это проделаете. Этот Воконий жутко въедливый. Такого проныру еще поискать...

– Неужели он раньше не встречал своего хозяина, набравшимся до отупения? – удивился Флавиний. – Никогда раньше этот так называемый легат не куролесил?

Солдат обрадовался.

– Еще как!
– Прокуратора я беру на себя, – заявил Бебий.
– Тогда давайте сначала заполним охранную грамоту, в которой будет указано все, что мне обещают, а потом... – он помедлил. – Меня зовут Апиций Ленат.
– Как насчет твоего напарника.
– Этого я беру на себя. Он мой родственник, записался в волонтерии... твою мать.

– ...теперь надо подготовить Присциана, – объяснил Флавиний, когда они вышли из салона и направились в каюту, где содержался легат.

Присциан еще не проснулся или, что более вероятно, вновь был введен в бессловесное состояние невысоким бородатым старичком, которого Флавиний представил как чревоушателя, «гадателя и... как там тебя еще?..»

Старик с неожиданным достоинством поклонился и заявил.

– Я – служитель Изиды. Мне ведомы тайны, которые хранятся в голове людей.

– Как это?

– Он, – чревоушатель указал на легата, – будет говорить то, что ему прикажут.

Бебий осмотрел лежащего на лавке человека. Это несомненно был Присциан, однако в каком-то странном, непривычном издании. Его глаза были открыты, они смотрели бездумно, страшно, как у безумца, которых много было на улицах Рима.

Бебий подозвал вольноотпущенника. Тот тут же подошел. Бебий склонился к нему и тихо спросил.

– Послушай, Флавиний, тебе не кажется, что принуждать римского гражданина говорить то, что прикажет ему служитель... э-э... этого доморощенного культа, несколько неуместно? Даже преступно.

– Послушай, Лонг! Я здесь осуществляю расследование преступления, которому нет места в пределах империи.

– У тебя есть полномочия?

– Да, цезарь Марк отдал приказ, которым я могу воспользоваться, невзирая ни на какие обстоятельства, ни на какие препятствия.

– Я – в числе препятствий? – спросил Бебий.

– Нет. Ты все время достойно вел себя, поэтому я откровенен с тобой, но если ты... Без этого негодяя и всех избличающих заговорщиков документов, я не могу вернуться в Рим. Мой патрон заявил, что только в этом случае можно будет обойтись без кровавых репрессий... Я не знаю, зачем это нужно императору?.. По мне – лучше выявить всех заговорщиков, лишить их жизни и дело с концом, но я приказы не обсуждаю. – Он указал на Присциана, пребывающего в небесной эйфории. – Ты сможешь мне?

– Без меня тебе все равно не справиться. Я тоже обратил внимание, что Воконий тот еще проныра. Поднимет шум.

– Так ты сможешь мне?!

– Да!!

* * *

До самой виллы Присциана Бебий размышлял о том, что подобный приказ, исходящий от Марка Аврелия был за гранью его понимания.

Он бы принял... смирился с этим приказом, если бы он исходил от императора.

Август – божественен, так учила история. Это вполне вписывалось в понятие чести и достоинства римского народа. Но услышать это от цезаря?! От покладистого, впитывающего знания как губку, увлеченного поиском философских премудростей Марка?..

Значит, вот куда и меня влечет рок событий? Если бы он, Бебий, был девственно чист или туп, если бы был белым листом папируса, незаполненной восковой дощечкой, ему было бы легче. Но их дом на Целийском холме по милости бабушки Постумии был изрядно разбавлен всякого рода садовниками, домовым рабами и, что уж скрывать, Эвтермами и Зиями, ненавязчиво втолковывающими, что есть земная юдоль и есть мир горний.

Мы все, не поднимая головы, барахтаемся в земной юдоли, но у тех, кто уверовал в распятого назаретянина, объявившего себя сыном бога, есть надежда вырваться из тисков подобных приказов и воочию взглянуть на мир небесный.

Там – истина! Там – люди-братья!..

Бебий с укором взглянул на Марка Корнелия Присциана, потомка великого рода Корнелиев.

На гордого римского гражданина!

На повелителя мира!..

Тот по-прежнему вел себя как бессловесный истукан. Смотрел перед собой, не моргал, не кашлял... Рот его был чуть приоткрыт, и этот щелястый проем ничего, кроме отвращения, не вызывал.

Хор-рош!

Истинный повелитель мира!

* * *

К городской вилле легата они подъехали на трех повозках.

Впереди – двухколесная коляска с открытым верхом. В ней сидели Присциан, рядом с ним служитель Изида. На заднем сидении Флавиний и Бебий Лонг. Следом за коляской катила повозка, на которой помещались Секунд, Апиций Ленат с однополчанином, а также Осторий с Сегимундом

На последней колымаге с невысокими бортами, под присмотром Храбрия, сидела, свесив ноги, Атизия и изображала отъявленную шлюху.

Изображала не умело, время от времени подносила ко рту глиняную флягу с якобы вином и делала глоток. Потом умоляюще взглядывала на Храбрия.

– Я больше не могу. В меня уже не лезет.

– Так ты не глотай, милая! И раскачивайся... Давай я тебе помогу, – Храбрый обнял ее за талию, привлек к себе.

– А ты поможешь? – прошептала девица.

- Обязательно. И буду помогать всегда.
- Девушка склонила ему голову на плечо.
- Я верю тебе, Храбрый. Но мы... не в воле своей.
- Что-нибудь придумаем, милая... Что-нибудь придумаем, родная.

Вилла, расположенная на морском берегу в отдалении от остальных городских строений, по римским меркам выглядела на редкость убого, и Бебий почему-то решил, что именно этот «коровник», как называл его Присциан, послужил изначально причиной для римского патриция возненавидеть этот далекий край.

К входному портику вышел сам прокуратор.

Прибытие господина на исходе ночи не являлось для него чрезвычайным происшествием.

Бебий в сопровождении легионеров и Секунда, соскочивших с повозки, подошел к нему.

– Я прибыл за кое-какими документами, с которыми уважаемый легат, – он указал в сторону коляски, над бортом которой просматривалась голова Присциана, – хотел бы ознакомить меня. Эти люди со мной.

– И что? – осведомился прокуратор. – Пусть хозяин сам вручит документы.

– Воконий, не забывайся! Ты забыл, с кем разговариваешь? С твоим хозяином все согласовано...

Присциан кивком подтвердил сказанное.

Прокуратор был в растерянности. Он сделал шаг по направлению к повозке.

Бебий окриком остановил его.

– Воконий, не вынуждай меня повторять распоряжение. В мои полномочия входит арест и примерное наказание всякого, кто посмеет перечить мне или командиру легиона в отправлении государственных обязанностей. Так как, арест или ты проводишь нас в дом?

Прокуратор стряхнул с себя нерешительность. Он попытался сделать еще шаг к коляске, где сидел Присциан, однако тот рывкнул.

– Назад!!

Апиций Ленат решительно встал у него на пути. Не без наигранной угрозы он осведомился.

– Воконий, зачем тебе лишаться жизни в такое чудесное утро. Ты знаешь, мы здесь все свои, и скажу по секрету, императорский посол очень зол на тебя.

Его поддержал Секунд.

– У нас мало времени, Воконий.

– Но... – нерешительно возразил прокуратор.

– Апиций, отведи его в крепость и посади под замок...

– Ладно, – смирился Воконий, – я пушу вас в дом, а там уж вы сами...

Апиций Ленат напомнил.

– Загрузи на последнюю повозку три амфоры с самым лучшим фалернским. Можешь еще пару копченых окороков добавить.

Это неожиданно приказание вконец успокоило Вокония. Он засуетился, скрылся в доме.

Вслед за ним в дом вошли Бебий и сопровождавшие его Секунд и Апиций. Секунд, минуя атриум, решительно провел Бебия и Апиция в сакрарий, где в бытность у Присциана приметил место, в котором хранился ларец с документами.

Взяв его и несколько цист, в которых тоже хранились документы, они завернули добычу в плащ, вышли из дома и направились к коляске, где сидел связанный Присциан.

Между тем рабы под присмотром Вокония загрузили в телегу последнюю амфору.

Воконий подбежал к передней коляске и поклонился Присциану.

– Твое приказание исполнено. Теперь куда?

Присциан едва повернул голову.

– В легионный лагерь.

Голос несколько озадачил прокуратора, но направление движение успокоило.

С первыми лучами солнца процессия вернулась в гавань.

Глава 11

Бебий Корнелий Лонг и Флавиний Антонин быстро разобрались с документами, добытыми на вилле Присциана.

Их было немного, и, к их удивлению, все хранились в беспорядке. Хозяйственные и любовные записки лежали вперемешку с короткими свитками-письмами из Рима, в которых дядя наставлял племянника, как вести себя с наместником, на что обратить особое внимание, какие меры в случае «решительного исхода» следует предпринять в первую очередь. Здесь же хранились хитроумно составленные, шифрованные послания, в которых в иносказательной форме описывались события во дворце. Кого отправитель писем именовал «тюфяком», было ясно и без подсказок, как и постоянные упоминания о «птичьем дворе», «петушке» и «болтливом отроке». Презрительное отношение к «тюфяку», насмешки над его увлеченностью добродетелями и желанием прослыть «добрячком», сквозило в каждой строке.

Вот на что обратил внимание Бебий Лонг – Присциан с той же насмешливой снисходительностью, с которой разговаривал с Бебием, относился к указаниям дяди. На одном из писем была даже выцарапано насмешливое замечание: «Хватит курлыкать! Пора браться за дело!».

Флавиний был вполне удовлетворен – одних этих писем вполне хватило для вынесения смертного приговора, против которого никто из сенаторов не посмел бы возразить. Он так и обмолвился, что дело сделано и «птичка попалась», затем пригладил лысину и напомнил Бебию, что пора отправляться в дом.

Бебий не спешил с ответом.

Молчал и Флавиний.

Ожидая ответа, вольноотпущенник втайне посмеивался – «пусть философ покуражится, все равно будет по-моему. Дело-то кто сделал...» – но вслух заявить об этом он не мог. Формально главным в их компании являлся

всадник Бебий Корнелий Лонг, хотя Флавиний был волен распоряжаться своим временем и делами по своему усмотрению. Вольноотпущенник по происхождению он не мог переступить врожденное, но чаще всего вколоченное с детства почтение, которое испытывал неполноценный римский гражданин по отношению к представителю высшего сословия.

Конечно, Флавиний как доверенное лицо императора обладал большими возможностями – но негласно! Если кто-то из римских граждан лебезил перед ним, заискивал, восхвалял его достоинства, он принимал эти знаки внимания как должное, однако никогда на рожон не лез.

– ...по-моему, Флавиний, – неожиданно подал голос Лонг, – мы не довели дело до конца.

Застигнутый врасплох вольноотпущенник даже рот раскрыл от удивления.

Бебий добавил.

– Нам пока нельзя возвращаться в Рим да еще с государственным преступником в придачу. Этак мы можем испортить все дело. Император будет недоволен.

– Ты о чем, Лонг?

– Взгляни на это письмо, – он протянул Флавинию папирус. – Я отметил ногтем абзац. Читай вслух.

Флавиний прочел.

« ...вчера Катилий Север вновь заговорил о Марке Аврелии и о том, что нам жизненно необходимо сохранить его как символ преемственности власти. Якобы Марк уже не мальчик, хотя, конечно, без опытных помощников ему не обойтись. Недостатка в них не будет.

Я постарался обернуть это дерзкое заявление в шутку, объяснив, что сначала надо добыть зверя...»

– Ну и что? – не скрывая недовольства, выговорил Флавиний. – Негодяи сами расписались в своем злодействе. Их судьба незавидна.

– А вот еще цитата. Послушай...

« ...судьба Марка менее всего волнует меня. Особенно после того, как «тюфяка» отправят на покой.

На вечный покой!

Только тогда и только тогда встанет вопрос о судьбе наследника. Я не считаю эту проблему особенно важной. В нашей многоходовке она занимает второстепенное место. Куда более меня волнует твоя судьба, Присциан. Боги указывают твой путь. Тебя они отметили при рождении. Тем не менее не стоит раньше срока затрагивать эту тему – ни сейчас, ни в будущем. Молнии сверкают внезапно. Они способны ослепить всякого, кто не успел закрыть глаза.

Или отвернуться...»

– К чему ты клонишь, Лонг? – Флавиний уже не мог сдерживать раздражения. – Эти документы, письма, наставления – неопровержимые

улики. Присциан уже не сможет отвертеться. Никто не сможет сказать – «...я был в неведении, ...меня обвели вокруг пальца».

– Ты не понял, Флавиний! Именно эту возможность мы должны предоставить всякому, кто хотя бы краем оказался замешан в заговоре.

Вольноотпущенник не удержался.

– Ты хочешь спасти своих высокопоставленных друзей от гнева императора?!

– Я хочу спасти тебя и себя от его разочарования. Ты же знаешь, Тит никогда не дает воли своему гневу и раздражению. Мы не довели дело до конца. Я приказываю – отплытие откладывается! Присциана отпустить.

Флавиний встал.

– Объяснись, Лонг, или я возьму на тебя смелость заставить тебя замолчать.

– Ты обязан выполнить мои указания!!

– Объяснись!!

– Познакомься с еще одним отрывком.

« ...когда вокруг тебя мелкие людишки, Присциан, ты вправе поступать с ними так, как они того заслуживают. Самым великим счастьем, которым боги могут наградить смертного, это умение заставить даже самую напыщенную дрянь плясать под твою дудку.

Эту радость я испытал, когда Адриан решал, как поступить с полководцами Траяна, которых обвинили в заговоре против него.

Он колебался, Присциан! Он брал в расчет какие-то отвлеченные суждения о разуме, мировой душе, добродетелях, а я взял на себя смелость поступить с заговорщиками так, как они того заслуживали.

Сразу и со всеми!

Я поступил хитро, даже сейчас приятно вспомнить. Я сыграл неплохую шутку, отправив наичестнейшего дурака, отца этого философствующего бабника Бебия Корнелия Лонга к Цельзу, Пальме и, кажется, еще к кому-то из негодяев. Я просил его отговорить их от преступного замысла. Он даже не догадывался, что исполнил для меня роль прикрытия. То-то он удивился, когда спустя несколько дней после посещения заговорщиков, всех их постигла заслуженная кара. Кого утопили в бассейне, кого задушили шнурком. Я приказал не проливать крови, чтобы все можно было списать на скоропостижную кончину, свалившуюся на них за день до вынесения приговора...»

– И что? – пожал плечами вольноотпущенник.

– Появиться сейчас в Риме с этим прощельгой Присцианом, означает раскрыть наши карты заранее. Эту новость не скроешь, не спрячешь в тени. Вот когда начнется самое страшное. Весь город будет поднят на дыбы! Те, кто побогаче, с перепугу помчатся как можно дальше от столицы или бросятся прятаться на своих виллах, но те, кто похрабрее, возьмутся за оружие.

И таких будет немало!

Может, слишком много...

Ты этого хочешь? Ты хочешь поставить императора перед фактом вспыхнувшего мятежа?

Это еще не все.

Я не исключаю, что у Аттиана – этого негодяя, смертельно оскорбившего моего отца! – в рукаве может быть припрятан какой-нибудь хитрый ход. Неужели он не догадывается, какой мелкой тварью является этот молокосос Присциан? Что, если такое развитие событий входит в его планы, и настоящий мятеж вспыхнет в Антиохии, о которой известно, что там спят и видят, как отложиться от Рима.

Флавиний сжал челюсти с такой силой, что желваки заходили.

Бибий продолжал.

– Доставив Присциана в Рим, мы, возможно, сделаем заговорщикам неоценимый подарок. Своими руками подпалим ситуацию. Ни Урбик в Британии, ни прекращение подвоза хлеба из Египта, ни разгул самых зловещих теней!.. Но если мы сами подпалим ситуацию, выпустим ситуацию из рук, город содрогнется. Хуже всего, что начавшаяся неразбериха даст заговорщикам выигрыш во времени.

После паузы Бибий приказал.

– Сядь и подумай, как нам сохранить в тайне все, что случилось в Испании. Ты мастак на такие делишки.

Флавиний указал на захваченные у легата бумаги.

– А с этими бумагами что делать?

– Их необходимо как можно быстрее доставить в Рим и вручить лично императору, но Присциан должен остаться в Тарраконе! Его будут держать под присмотром. Как это сделать, ты и должен обдумать. Сначала уплывет Секунд на своем грязном паруснике с извещением для Аттиана, что в Тарраконе все готово, следом мы на быстроходной императорской галере. В пути обгоним Секунда, это даст фору императору для принятия негласных и решительных мер. Главное, не вспугнуть заговорщиков раньше времени. Как считаешь, у Аттиана должны быть запасные каналы, по которым он получает сведения из Испании?

Флавиний кивнул.

– Их не может не быть... Он может воспользоваться и факельной сигнальной системой. Он же сам родом из Испании.

– Вот и я о том же...

Флавиний поднялся, склонил голову.

– Господин, ты посол императора. Ты вырос под его приглядом, ты с детства дружил с цезарем. Не мне, вольноотпущеннику, тягаться с тобой. Такие слова вслух не произносят, а я произнес, потому что мой патрон Тит Антонин высказал надежду – «если Бибий Лонг возьмет себя в руки, если осознает, что на карту поставлена его жизнь и жизнь его фамилии, если он проявит настойчивость и расчетливость, тебе вменяется в обязанность помогать ему». Я уверен – Тит и тебе дал какие-то негласные указания. Итак, что мы имеем...

– Мы имеем государственного преступника, которого я своей волей могу сместить с должности, но мы не можем этого сделать, потому что об этом очень скоро узнают в Риме. Мы можем задержать эту новость, потому что у

нас есть посланец Агтиана, которому он доверяет. Эту козырную карту мы тоже можем разыграть. Но что делать с Присцианом, когда он очнется...

В дверь каюты постучали.

– Кто? – громко и требовательно спросил Бебий.

– Присциан очнулся...

Глава 12

– Пусть подождет, – откликнулся Лонг. – Позовите Апиция.

Когда легионер вошел в тесную каюту, Бебий спросил.

– Ты сделал выбор, Апиций?

– Так точно, господин.

– Тогда расскажи, кто из трибунов легиона поддерживает Присциана?

– Два молодых лоботряса из местных патрициев, да и то... Им кажется, что стоит вступить в игру, и все случится само собой.

– Остальные?

– Луций Пудент, префект военного лагеря, служака до мозга костей, да и остальные будут верны присяги, если...

– Что если?

– Если их не принудят. Приказ есть приказ...

– Как скоро ты сможешь доставить сюда Пудента?

– Так он и помчится! – засмеялся Апиций.

– А если прикажет наместник провинции?

– Ну... – усмехнулся легионер.

– Так вот, Апиций. Сейчас все зависит от тебя, от твоей быстроты. Я напишу тебе записку к наместнику, и ты должен доставить ее чем скорее, тем лучше. От этого будет зависеть, кем ты вернешься в легион – центурионом или примипилярием первой когорты.

– Господин... – голос Апиция дрогнул. – Неужели этот гуляка Присциан?..

– Я зачитаю тебе отрывок из письма, присланного ему из Рима: «Куда более меня волнует твоя судьба, Присциан. Боги указывают твой путь. Тебя они отметили при рождении. Молнии сверкают внезапно. Они награждают венцом».

– Господин, я исполню приказ.

– С тобой, – вступил в разговор Флавиний, – отправится Храбрый и германец. Они мои доверенные люди. Впрочем, наместник их видал.

– Все зависит от твоей резвости, Апиций... – добавил Бебий.

– Я полечу на крыльях. У меня нет привычки упускать удачу.

Он вышел.

* * *

– Теперь можно взяться за Присциана... Флавиний, прикажи капитану, чтобы он немедленно снимался с якоря

Вольноотпущенник усмехнулся.

– А ты не так прост, Лонг. Полагаешь, что звук шлепающих весел и команды прокуратора прибавить ходу быстрее развяжут язык нашему герою.

– Не только это, Флавиний. Важно, чтобы соглядатаи Аттиана своими глазами убедились, что императорская галера дала деру. Не беспокойся, мы им покажем легата целехоньким и здоровехеньким.

Бebий сделал паузу, потом добавил.

– Ты можешь и в дальнейшем обращаться ко мне по фамилии, если выполнишь маленькую просьбу.

– Весь внимание...

– Начни разговор с Присцианом. Я выйду. Пусть он печенками поймет, что ты имеешь право сделать с ним все, захочешь. Это не трудно, он – трус. Добейся от него согласия помочь нам. У тебя это лучше получится. Я войду в нужный момент и напому этому ублюдку, что его жизнь висит на волоске и только от него зависит сохранить ее.

Флавиний засмеялся.

– Предоставляешь мне сделать грязную работу?

– Можно и так сказать...

* * *

Как только императорская галера вышла в открытое море, они вошли в каюту, где держали пленника.

Присциан уже пришел в себя.

Сидел на лежанке – в нательной тунике, нечесанный, небритый. Вид гордый, презрительный. На Флавиния даже не посмотрел, обратился к Лонгу.

– Почему я взаперти? Лонг, ты затеял грязную игру. Не боишься проститься с головой, лишая римского легата свободы...

Бebий вздохнул.

– Ты уже не римский легат и не командир легиона.

– Не слишком ли много на себя берешь?

– Нет, вот эдикт императора. Здесь ясно сказано, что я вправе сместить тебя с должности, если твоя вина будет доказана.

– Ну и как, доказал?

Бebий Лонг вздохнул.

– Да, Присциан, более чем. А сейчас тобой займется доверенное лицо императора, – он указал на Флавиния.

Флавиний уселся на стул.

– Куда идет корабль? – спросил Присциан.

– В Рим, негодяй.

Присциан повернулся и спустил ноги.

– Лонг, ты позволяешь какому-то мерзкому вольноотпущеннику обращаться к римскому патрицию подобным образом?

Бebий ответил не сразу. Сначала приказал себе – «...держи себя в руках. Правильно сделал, что поручил это постыдное дело вольноотпущеннику», – затем раздельно выговорил.

– Присциан, ты предал великий Рим. Как еще называть высокопоставленного военного, племянника сенатора, который нарушил присягу. Ты обязался...

Присциан прервал его и ткнул пальцем в Флавиния.

– Я не стану отвечать на твои вопросы, негодяй! Бебий, и ты пойдешь у него на поводу?..

Бебий не ответил и вышел из каюты.

Стоя у борта и с тоской вдыхая свежайший морской воздух, прикинул, что выйдет из всей этой истории, когда Присциана доставят в Рим.

Удивительно, гнева императора, которому придется дать отчет, он не боялся.

Боялся себя, боялся произвольного сжатия души, страдающей от того, что простейшая и очевидная истина, будто жизнь можно измерить разумом, оказалась пошлой убаюкивающей сказкой. Где он, вселенский разум, если, казалось бы, жить *по правде* куда приятнее, легче и надежнее, чем поддаваться порокам, а люди то и дело спотыкаются на самых очевидных вещах.

Тут мелькнуло словечко, вдруг затесавшееся в его аналитический прикид – *по правде*!»!

О каком разуме в случае с Присцианом можно было говорить. Как верить в добродетель, следовать ей, соблюдать самые разумные правила, если у каждого этих правил столько, что диву даешься. Сколько нужно, столько и приладишь, и ничего, что они вопиюще противоречат друг другу...

Его отвлек голос Флавиния.

– Все, готов!

Бебий резко повернулся к нему.

– А ты не?..

– Упасите, боги! – открещиваясь, воскликнул Флавиний. – Ну, может, пару раз заехал. Что мы все о пустяках! – раздраженно заявил он. – Негодяй требует, чтобы ты подтвердил гарантии. Лонг, – предупредил Флавиний, – его нельзя оставлять в живых. Не знаю, как у вас патрициев, но у нас такие вещи не прощают.

– Не беспокойся! – ответил Бебий, глядя на ясный морской простор, в котором уже в туманной дымке виднелся испанский берег. – Он свое получит

– Поворачиваем? – спросил Флавиний.

– Да.

...Присциан сидел за столом. Локти поставил на струганные доски, лицо погрузил в ладони.

Заметив входящего Бебия, дрожащим голосом спросил.

– Мне сохранят жизнь?

Лонг едва сумел справиться с раздражением – прошло несколько минут, а этот наследник славного рода Корнелиев, уже готов лизать пятки.

– Если будешь точно следовать моим указаниями. Если начнешь вилять... Это все, что я могу обещать тебе.

– Я все расскажу, – торопливо забормотал Присциан. – Я много знаю...

– И то, что Аттиан предлагал тебе императорский венец?

– Но я отказался!! – закричал Присциан.

– Вот об этом ты и напишешь.

– Да-да, напишу. Я был молод и глуп... Я все напишу.

К тому сумрачному часу, когда галера встала на прежнее место, на борт поднялись наместник провинции, префект военного лагеря Луций Пудент, а также Секунд и германец.

Очная ставка прошла быстро и без всяких виляний со стороны Присциана.

Оставшись вчетвером, Лонг обстоятельно, по пунктам изложил план действий – завтра же ненадежные когорты под командованием двух сопляков-трибунов, поддерживающих Присциана, должны отправиться к новым местам расквартирования, Присциана держать под надзором. Жители Тарракона должны видеть его разъезжающим в коляске по городу.

– ...ты, Пудент, возьмишь на себя командование легионом. Назначь Апиция центурионом первой когорты. Пусть он отберет тех, кто ни за что не изменит присяге. В город направь усиленные караулы. Гонца, который примчится с известием, что бриганты восстали, задержать.

Следить за ним в оба глаза.

Часть IV

Полуденный свет

О, эпоха Антонинов!.. Мир был полон поразительных совпадений и тончайших подобий...

Следует проникать их, проникаться ими, обращаться ко снам, оракулам, волшбе, что позволяет воздействовать на природу и на ее силы, подвигая подобное подобным.

Умберто Эко. Маятник Фуко

Что же сетовать не неизвестность, когда нет
неизвестности...

Марк Аврелий

Глава 1

Экипаж императорской галеры совершил невозможное – корабль доставил Лонга и Флавиния к берегам Италии за три дня. Правда, помог свежий попутный ветер, но в любом случае, матросы, работавшие на веслах, умаялись так, что не могли встать с банок.

Когда вдали почудилась присыпанная желтизной, береговая дымка, Флавиний выпустил почтового голубя, и уже под вечер корабль встретило посыльное судно, на которое перегрузили укрытого с ног до головы Бебия Корнелия Лонга, и вслед за ним также укутанного с головой Флавиния.

На этом настоял сам Бебий.

Императорская галера повернула к северу, в сторону Остии, а посыльное судно, набрав хороший ход, к полуночи добралось до небольшой бухты, охраняемой легионерами, откуда под усиленным конвоем Бебия Лонга и Флавиния доставили на императорскую виллу в Ланувии.

Здесь их уже ждали. Прежде чем разрешить отдохнуть, Антонин потребовал отчета – где Присциан?

Флавиний смешался, и, поклонившись, отступил на шаг.

Бебий занял его место.

– Государь, я распорядился оставить Присциана в Таррацине. По моему разумению его рано везти в Рим.

Император изумленно взглянул на Лонга, а наследник, ожидавший чего угодно, только не признания в вызывающем нарушении ясно выраженного повеления принцепса, воскликнул.

– Бебий, ты с ума сошел? Как можно было оставлять в Испании нашего злейшего врага?!

Император уселся в кресло и, не повышая голоса, предложил.

– Объяснись, Лонг.

Бебий не спешил с ответом – сначала взял себя в руки, потом, помимо воли, неожиданно обратился к тому, кому поклонялся Эвтерм: «... спаси и сохрани, спаси и сохрани!» Еще успел обвинить себя в глупости, в сердцах махнуть рукой – а-а, будь что будет, и только потом четко выговорил.

– Государь, доставить Присциана в столицу – это огромный риск! Мы не все знаем о планах заговорщиков и, боюсь, не знаем самого главного...

– Еще больший риск оставлять его в Испании! – перебил его наследник.

– Подожди, Марк, – охладил его император. – Пусть договорит. Бебий, я тоже не понимаю, в чем опасность доставки Присциана в Рим.

– Да, могли, но могли и промахнуться! Не надо недооценивать Аттиана. Вряд ли здесь, в Риме, нам удалось скрыть его арест. Я так рассудил, сенатор – большой плут, у него в столице много сторонников, поэтому ему сразу могли бы донести о том, что изменника привезли в Рим. Это позволило бы ему опять оказаться на шаг впереди нас. У него появилась бы реальная возможность скрыть все улики, или, что еще хуже, поднять мятеж. Ни ты, господин, ни Марк, ни тем более я не имеем точных данных на этот счет. На что делают ставку оппозиционеры? Или на кого?..

Император промолчал.

Марк Аврелий воскликнул.

– Но в Испании Присциан вдвойне опасен!

– Я уверен, у Аттиана в Испании есть люди, которые сообщают ему все новости. Если легат исчезнет, они могут насторожиться. А тут, пожалуйста! – вот он, Присциан собственной персоной. Разъезжает по Тарракону в коляске. Да, видок у него прескверный, но это он.

Он!!!

Как бы ни был хитер Аттиан, но присутствие племянника в Испании озадачит его. Эта неясность ситуации может спутать карты заговорщикам, а нам даст зазор во времени.

Государь, в Испании Присциан полностью под нашим контролем! За ним надзирает привезенный Флавинием чревовещатель и чародей. Он не выпустит его из рук, за этим проследит наместник Секст Барбар. Временно

назначенный легатом по случаю болезни Присциана, трибун Луций Пудент верен тебе, император. Он будет землю грызть, чтобы удержаться на этой должности. Кроме того, в легионе есть люди, которые выполняют свой долг невзирая на ни что.

– Но если его племянник в Испании, как мы узнаем, что замышляет Аттиан?

Бebий машинально оттер пот со лба.

– Это в том случае, если Присциан был посвящен в планы заговорщиков. А если нет? Если этот повеса, похабник и завсегдагай трактиров всего лишь запасной вариант? Государь, позволь зачитать фрагмент из письма Аттиана. Флавиний, начни...

Флавиний, прятavшийся в углу комнаты, вышел вперед.

– Господин, письмо датировано осенью прошлого года.

«...вчера Катилий Север вновь заговорил о Марке Аврелий и о том, что нам жизненно необходимо сохранить его как символ преемственности власти. Якобы Марк уже не мальчик, хотя, конечно, без опытных помощников ему не обойтись. Недостатка в них не будет.

Я постарался обернуть это дерзкое заявление в шутку, объяснив, что сначала надо добыть зверя...»

– Теперь второй отрывок, – приказал Бebий.

«...судьба Марка менее всего волнует меня. Особенно после того, как «тюфяка» отправят на покой.

На вечный покой!

Только тогда и только тогда встанет вопрос о судьбе наследника. Я не считаю эту проблему особенно важной. В нашей многоходовке она занимает второстепенное место. Куда более меня волнует твоя судьба, Присциан. Боги отметили тебя при рождении. Тем не менее не стоит раньше срока затрагивать эту тему – ни сейчас, ни в будущем. Молнии сверкают внезапно. Они способны ослепить всякого, кто не успел закрыть глаза.

Или отвернуться...»

Марк Аврелий не смог скрыть изумления.

– Негодяи сговариваются за моей спиной?

Император усмехнулся, постучал ладонями по подлокотникам.

– Чему ты удивляешься, Марк! Бebий, – обратился он к Лонгу, – это очень важное заявление. Ты полагаешь, Аттиан ведет двойную игру?

– Уверен, государь. Катилию он обещает одно, Присциану другое. Интересно, что посулил он Руфу из Антиохии?

Марк Аврелий резко заявил.

– Мой воспитатель Катилий Север никогда не поднимет руку на императора!

– Да, если с императором ничего не случится, – возразил Бebий. – Ну, а если императором станешь ты, Марк? Во всей этой дурнопахнущей истории Север рассчитывает на тебя, Марк. Всякий другой расклад грозит ему смертью. Аттиану не нужны соправители.

– Я сам спрошу у него! – воскликнул юноша.

– Рано! – внезапно оборвал его Антонин.

– Как бы не опоздать...

– Нельзя терять самообладание, Марк. Не так уж плохо мы почитали отеческих богов, чтобы какая-то кучка заговорщиков, поддавшихся живущим в их душах демонам, сумела бы овладеть Римом, его славой.

– Но надо же что-то делать!

– Конечно.

Император шумно поднялся с кресла, прошелся по комнате.

– М-да, в этом что-то есть. Верно, что нам не удалось до конца проникнуть в планы оппозиционеров, а это означает, что мы можем сильно промахнуться. Может, Аттиан, как раз и мечтает, чтобы мы с тобой, Марк, потеряли голову от страха и, как прежние тираны, такие как Домициан, обрушились на Город с репрессиями?..

Он остановился у окна и, как бы обращаясь к самому себе, добавил.

– Это будет катастрофа! Провал всей политики «добродетельной силы». Мы должны любой ценой избежать схватки. Не предотвратить, и именно *избежать*, что означает вырвать измену с корнем без шума и к удовольствию подданных. Поверь, такие представления очень забавляют публику, особенно если зрителям ничего не грозит. Я не могу доставить этому гнусному старикашке предсмертное наслаждение увидеть разгул страстей, казни, взбаламученные провинции. Вот что, Бебий... Рано или поздно – скорее рано, чем поздно, – в Рим придется доставить Присциана. Ты заварил эту кашу, ты этим и займешься. Когда пробьет час!.. Пока отправляйся домой, тебя ждет Матидия.

Он повернулся к наследнику.

– Ты, Марк, свяжись с Лупой. Не беда, если об этом узнают заговорщики, ведь Бебий должен был что-то нарыть в Испании. Вот об этом и посоветуйся с Люпусианом.

Теперь пора пригласить сюда нашего несмышлениша Луция. Что мы ему скажем? А вот что – Марк, не изводи мою дочь Фаустину! Вышли шлюху из дворца. Чтобы к моему приезду, ее духу на Палатине не было. Скоро праздник посвященный Венере, (с 1 по 15 апреля) а также апрельские вакханалии. Я устрою пир, посвященный примирению между тобой и Фаустиной. Надеюсь, примирение состоится? Я буду суров...

Марк замедленно кивнул.

– И вот что еще. Ты должен погулять с Бебием по городу – запросто, как обычно. Посетить игры в Колизее, поучаствовать в священных церемониях.

* * *

По дороге в Рим Бебий, уже в коляске, не без злорадства поинтересовался.

– Ты тоже увяз в сосуде Венеры? Кто она? И причем здесь Фаустина? Вы же только помолвлены, она еще ребенок.

Марк вздохнул, потом кивнул.

– Увяз и по уши! Сам себе поражаюсь – насколько ласки медового горшка захватывают воображение. Жаль, что это случилось со мной так поздно.³⁷ Эта женщина чрезвычайно обольстительна. Чего только она не умеет!

– Кто она?

– Бендита, вольноотпущенница Скулария Тавра, хозяина театра на Марсовом поле. Патрон решил сдать ее в аренду своему старшему компаньону. Она умоляла пощадить ее, ведь этому старому развратнику уже далеко за семьдесят, но хозяин остался глух к ее мольбам. Поскольку дело припахивает, Скуларий решил обставить все как похищение и нанял разбойных людей. Или рабов самого этого старикашки.

Отправили вечером. Бендита просила не увозить ее на ночь глядя – мол, она боится темноты, однако этому негодяю было наплевать на ее мольбы. Она предупредила – «...когда мольбы женщины остаются без ответа, может случиться всякое». И это случилось...

Я услышал крики, когда экипаж миновал Эмилиев мост и двигался по Аврелиевой дороге к городским воротам. Пришлось проучить негодяев.

– Да, занятая история.

– Я решил приютить ее.

– А как же хозяин?

– Он сам прибежал в Палатинский дворец и предложил мне пользоваться этой женщиной, сколько моей душе угодно, но взамен...

– Потребовал денег?

– Да. Я конечно мог кивнуть стоящему рядом сингулярию, чтобы тот взащей прогнал его, но порядок прежде всего. Раз я нанял Бендиту, я должен оплатить расходы за то время, которое она пробудет у меня. Я поинтересовался – на какой срок ты согласен... оставить ее у меня. Знаешь, что ответил этот негодяй? «Да на сколько угодно!..»

– А причем здесь Фаустина. Она же еще ребенок, ей десять лет.

– Вот именно! У нее еще месячные не начались, а она устроила мне дикую сцену ревности. Я попытался объяснить, что люблю ее, что она мне дороже всех женщин мира, но ты пока не женщина и как только станешь ею, мы тут же сыграем свадьбу. Пришлось приласкать ее. Я погладил ее по спине. Ты знаешь, Бебий, она ласкова как кошка и порой мне мерещится, что сам всемирный разум свел нас.

Он помолчал.

Бебий, так и не сообразив, кто же ласков как кошка – Фаустина или мировой разум, – не решился нарушить тишину.

Неожиданно Марк поинтересовался.

– А как у тебя с Матидией.

Бебий вздохнул.

– Все вовлекает и вовлекает. И откуда у молодых римлянок эта неумная страсть?

Марк засмеялся.

– Оттуда же, откуда у всех женщин.

Бебий вздохнул.

---

³⁷ И то, что я не воспитывался дольше у наложницы деда, и что сберег юность свою, и не стал мужчиной до поры, но еще и прихватил этого времени. (Марк Аврелий. Наедине с собой. Кн. I, 17.

- Беда в другом... Ты смеяться будешь.
- Не буду, Бебий. Ты всегда был мне как старший брат.
- Не знаю, как поступить. Ты знаешь Храбрия, раба Лупы. В Египте он спас мне жизнь. В общем, во время охоты на Присциана мы привлекли местную рабыню, некую Атизию. Что там между Храбрием и Атизией случилось, не знаю, но я имел глупость пообещать Храбрию, если дело с Присцианом сладится, помочь ему встретиться с Атизией.
- Дал слово? – уточнил Марк.
- Бebий кивнул.
- Так выполняй!
- Это такое пустяшное дело...
- Пустяковых дел не бывает, Бебий! Мировой разум следит за всеми – и за патрициями, и за плебеями, и даже рабами самого низкого пошиба. Не позволяй себе совершить постыдный поступок и тебе не будет совестно перед лицом вселенской души.
- Но они рабы!!
- И что! – возмутился Марк Аврелий. – Разве любовь к ближним замыкается на подобных тебе? Разве Храбрый не ближний? Разве помочь ему не твой долг, а поскольку я втравил тебя в это дело, мой тоже. Я помогу тебе, тем самым заглажу некоторую неловкость с Фаустиной. Завтра я буду встречаться с Лупой.
- Назначь встречу у меня дома. Я хотел бы взять Храбрия с собой в Испанию.
- Нет, он нужен здесь! – отрезал Марк. – Такими бойцами не разбрасываются, а у нас впереди приезд Секунда. Они знают друг друга.
- Если я попрошу Лупу дать ему вольную и записать в вольноотпущенники, та поддержишь меня?
- Да. Слово наследника много значит.
- Вот и я о том же.
- Они рассмеялись.

Глава 2

Известие о гибели британской армии во главе с наместником Квинтом Лоллием Урбиком как гром поразило столицу. Оно долетело до Рима за день до начала апрельских Лумерий – игр, посвященных мертвым.

С утра несколько старух-кликуш заголосили на форуме, будто в окрестностях Рима свинья родила поросенка с ястребиными когтями. Следом статуя Победы в Субуре без всякой явной причины рухнула с пьедестала, причем упала лицом вниз, как бы склоняясь перед врагами. Приметы, конечно, не радовали, но населению хватило разума ограничиться пересудами, если бы впавшие в исступление кликуши не начали пророчить близкую гибель императора.

По распоряжению Антонина, их угомонили без крови. Для восстановления спокойствия император, поспешивший из Ланувия, приказал в праздничный день собрать на форуме народ и сам прочитал с высокой трибуны очистительную молитву, которую повторяло за ним все собрание.

Казалось, беду отвели, и не пришлось властям, как при Домициане, по старому обычаю живыми закапывать в землю сумасшедших старух. Сенат воспрянул духом и вотировал особую признательность императору за усердие к религиозным церемониям.

И тут, как снег на голову – в Британии разгромлен Урбик!

Скоро выяснилось, что весть о гибели британских легионов оказалась фальшивкой, но цепь, на которой в Аиде держали злобного Цербера, оборвалась, и в самый разгар Лумерий город заполонили тени, вместе с которыми на улицы столицы начали выползать гигантские сгустки тьмы, пытавшиеся объять *свет*.

Зловещие призраки не ограничивались *лишними времени* (intempesta) часами между полуночью и первыми петухами (около трех часов ночи), но стали нападать на прохожих и в поздних сумерках, и при рассветных зорях.

Антонин вызвал префекта города Катилия Севера и сделал ему внушение за недостаточность мер по наведению порядка в городе. Патрули, уточнил принцепс, «ведут себя беззубо, скапливаются в центре и на площадях». Префект, как обычно, начал ссылаться на нехватку вигилов³⁸ в полицейских и пожарных когортах, на гнев богов, на распущенность нравов, призывающих горожан жертвовать жизнью, засиживаясь на пирах и в дружеских компаниях, в тавернах и лупанариях.

В конце Катилий обещал принять все возможные меры и неожиданно с намеком взглянул на присутствовавшего при разговоре Марка Аврелия.

После того как префект удалился, Тит Антонин вызвал Флавиния и потребовал послать гонца к управляющему гладиаторской школы в Лавинии Публию Осторию с приказанием немедленно прибыть в столицу с отрядом хорошо вооруженных бойцов.

– Успеть к вечеру, – добавил императору. – Ступай.

Затем обратился к наследнику.

– Свяжись с Лупой. Пусть выделит своих людей для патрулирования городских улиц. Передай, что моим распоряжением им дозволено задерживать подозрительных лиц и в случае необходимости применять оружие. Задержанных доставлять в городской преторий. Уточни с Лупой места патрулирования его людей и пусть они держат связь с моими гладиаторами. Префекта предупреждать не будем. Если его патрули придут на помощь, хорошо. Нет – будем разбираться.

* * *

Осторий прибыл в Рим в составе хорошо вооруженного отряда из двух десятков гладиаторов. С Храбрием, командиром пятерки выделенных бойцов, они встретились в усадьбе Лупы.

Обнялись, пошептались...

Храбрый осмотрел оружие гладиаторов и приказал заменить копья, дротики и трезубцы на малозаметное ручное оружие. Поскольку среди гладиаторов оказалось несколько даков, они помогли выбрать товарищам

---

³⁸ Корпус вигилов (лат. Vigiles буквально «бодрствующие»), был организован для предотвращения и тушения пожаров. Было создано 7 когорт (из расчёта 14 районов Рима), по 500 человек (позднее по 1 000) в каждой.

изогнутые наружу дакийские мечи, которые можно было спрятать на спине, а также длинные кинжалы, напоминавшие серпы. Также были отобраны умелые лучники, прятавшие небольшие испанские луки под плащами. Кто-то поинтересовался – сети использовать можно?

Храбрый кивнул, затем объяснил, что тени не так страшны, как ими пугают. Не обращайтесь на их устрашающие вопли и крики. Они все люди, по крайней мере, те, с кем ему приходилось сталкиваться. Главное, не терять голову и постараться сблизиться с призраком. Если встретится гигант, облаченный в сгусток тьмы, его следует доставать из луков.

– Главное, не поддаваться панике.

– А что, – спросил один из гладиаторов, – будет паника? Мы рассчитывали на восторженные крики спасенных римских красоток, на их бескорыстную благодарность, на овации публики.

– Будет паника, – успокоил его Храбрый. – Будут и крики. Римские красавицы тоже будут...

Все засмеялись.

Ближе к вечеру, отряд пересек мост через Тибр и, минуя форум, вышел к амфитеатру Флавиев (Колизею) и баням Тита. До Виминальского холма и Эсквилина добрались уже в темноте. Разделились надвое и двинулись вверх по Субуре и Кипрской улице.

К тому часу город словно вымер.

Осторий отметил, если возле форума и Палатина было тесно от вигилов из городских полицейских когорт – стражники разве что себе на хвост не наступали, – то чем дальше в жилые кварталы, патрули встречались все реже и реже.

Улицы набухали зловещими предчувствиями, тишину нарушало лишь журчание воды в канавкам, по которым спускали нечистоты. Неожиданно неподалеку раздался истошный крик.

Гладиаторы бросились в узкий, извилистый проулок и выбежали на площадь, к которой сходились несколько улиц. Посреди площади возвышалась статуя Геркулеса, убивающего палицей двуглавого пса Орфа. За статуей располагался небольшой храм в честь героя. На его ступенях в жаровнях, установленных на треножниках, пылали угли. Возле памятника на коленях стоял запоздавший путник, несколько едва угадываемых бесформенных призраков держали его за руки.

Гладиаторы бросились к прохожему. Державшие за руки мрачные создания отпрянули и начали отступать за памятник, и тут же за спиной отсвечивающего мраморной белизной Геркулеса стало разрастаться гигантское бесформенное облако, гасившее редкие звезды, испуганно заглядывавшие в неширокий прогал, образованный площадью.

Низкорослые тени истошно закричали, их поддержал зловещий басовитый надрывный вой.

Гладиаторы отпрянули.

Храбрый обнажил меч и, приказав лучникам обстрелять возвышавшееся над памятником облако, бросился на помощь путнику.

Видно стрелы угодили в цель. Зловещий вой внезапно оборвался, послышался надрывный болезненный стон, который издает раненое животное.

Гладиаторы бросились в атаку, тени бросились наутек. Облачный призрак неожиданно скомкался и поспешно скрылся за углом храма. Храбрый бросился за ним. В руки гладиаторов попал один-единственный нападавший. Когда с его головы сдернули капюшон, он оказался обычным негодяем.

Посланный за подмогой гладиатор, вернувшись, передал ответ начальника ближайшей центурии вигилов, чтобы «разбирались сами», у него, мол и своих забот хватает, затем объяснил «гражданину», что его бойцы так далеко не ходят. Нет команды...

Пришлось самим доставлять захваченного преступника в городскую префектуру. К удивлению Остория, эдил, дежуривший в ту ночь, не обратил никакого внимания на бандита. Более того, он даже попытался задержать Остория. Заявил, что разгуливать по городу с оружием имеют право только бойцы его когорт, что это распоряжение самого префекта, а на всяких содержателей гладиаторских школ ему наплевать.

Осторий осторожно взял его за плечо, с силой стиснул и предупредил, что у него тоже приказ. Самого императора – «навести на улицах порядок, для чего задерживать преступников, при необходимости применять оружие, а тем, кто способствует разгулу посягательств на жизнь и кошельки граждан, напомнить о их обязанностях», – так что спорить с ним, с управляющим императорской школой гладиаторов, будет «себе дороже».

То-то удивился Осторий, когда чиновник, сплунув, заявил, что у него «свое начальство» и слушать всяких «управляющих» ему недосуг. Правда, бойцов Остория он приказал отпустить, а захваченного бандита запереть в карцер.

Там же в начале Субуры гладиаторов нагнал Храбрый.

На вопросительный взгляд Остория развел руками.

– Ушел, гад! Растворился во тьме где-то возле храма Юноны Светоносной.

– Поищи его логово, Храбрый. Может дать тебе в подмогу пару моих храбрецов?

– Не стоит привлекать внимание. Я его знаю, этот огрызок тьмы очень хитер. Мне приходилось с ним встречаться.

Утром Флавиний, явившись в префектуру, обнаружил, что всех задержанных подозрительных лиц чиновник приказал выпустить.

– Так распорядился префект, – развел руками магистрат.

– Ты допросил их? – поинтересовался Флавиний.

– Зачем? Неужели ты предлагаешь мне руководствоваться не словами моего начальника, а какого-то ублюдка-ланисты! У меня на руках четкий приказ – «сохранять спокойствие в городе» и «не ввязываться ни в какие переделки».

* * *

Когда император услышал о результатах ночного рейда, он приказал вызвать наследника, а Бебию Лонгу передать, чтобы тот сегодня же – немедленно!! – отправлялся в Испанию за Присцианом.

Оставшись с наследником наедине, Тит положил руку на плечо семнадцатилетнего юноши.

Заглянул в глаза.

– Как только Бебий привезет Присциана, тебе придется откровенно поговорить с Катилием Севером. Это выходит за всякие рамки. Понимаю, это трудно, ведь Катилий был твоим воспитателем, и, по твоим словам, достойно исполнял обязанности.

Марк погладил подбородок, потом с горечью признался.

– Понять не могу, как он отважился? Зачем доверился Аттиану?

– Да, это интересный вопрос, но я не о том. Ты представитель высшей власти и веди себя как достойный наследник Адриана. Ничего личного, все для пользы дела! Ни каких сантиментов, увещеваний, воспоминаний. Ты должен добиться от него откровенного признания. Он должен рассказать все, что знает о заговоре. Я понимаю, это трудно...

– Я справлюсь, отец... – ответил Марк Аврелий. – Я исполню долг, возложенный на меня Адрианом. Ты воспитал меня...

Тит Антонин перебил его.

– Марк, не говори красиво. Постарайся довести до разума Катилия, что добро злом не исправишь, и то, чему он поддался, недостойно гражданина.

Глава 3

За весь путь до Тарракона вот о чем ни разу не пожалел Бебий Корнелий Лонг – о том, что ввязался в эту историю с Храбрием и Атизией.

Казалось, пустяк – надавить на Секста Барбара, напомнить о его обещании во всем помогать посланцу императора, но мысль о возможности – необходимости! – соединить влюбленных согревала душу. Ему чудилось, что помощь в таком немудренном деле как бы уравнивает его соучастие в жестоких –*государственных!* – интригах, в которых никогда и ни к кому нельзя испытывать жалость. Пусть он угодил в эту западню не по своей воле, пусть исполнение долга превыше всего, пусть безопасность многих стоила жизни прощелыги Присциана, ввязавшегося в эту паскудную историю и собственной рукой подписавшего себе смертный приговор, и тем не менее....

...наступит день, и он объявит Присциану – тебе предписано отравить себя или, если струсил, мне придется погубить тебя мечом. Потом мне же придется выступить свидетелем, будто изменник скончался от апоплексического удара!

Никакие отговорки, что все законно, что во имя благоденствия Рима так и надо поступать с изменниками, не спасали Бебия от несвоевременных сомнений. В который раз, уже не стесняясь, в противовес выутюженным философским истинам, он повторял: «...спаси и сохрани, спаси и сохрани».

За что ему этот жребий? Да, Присциан горлохват, развратник и сволочь, но ведь человек.

Ровня...

Они встречались в Риме...

«...избавь от греха, ведь ты же всемогущ, как утверждает Эвтерм!...».

Всю жизнь смеялся на этих занудными заклинаниями, а как только приперло, вспомнил...

Он знал Антонина, знал Марка, и не мог позволить себе выглядеть в их глазах «тюфяком», чурающимся ответственности, плюющим на благоденствие подданных, на политику «мягкой силы», провозглашенную Траяном, требовавшего от подданных сегодня стать лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня. Этот путь в царство Разума открывал захватывающие перспективы. Он всем сердцем, всей душой желал, чтобы состоялась земная благодать. Пусть все люди станут как братья. Смущало только бессознательное и мощное нежелание лишать жизни своего ближнего.

Но ведь другого пути нет быть не может! Он не может бросить в беде лучших из всех известных ему правителей.

Другое дело Храбрый и Атизия. Душа пела, вспоминая о них.

Почему? Ответь, распятый?

Это напоминание являлось как бы отдушиной – ведь нужна человеку хотя бы какая-нибудь отдушина! Вспоминался Храбрый и его дрогнувший голос, когда при прощании Бебий упомянул, что помнит насчет Атизии.

Он сказал – «благодарю, господин!»

Удивительно, но никаких препятствий со стороны наместника Бебий не встретил. Грубоватый Сект принял Лонга со всеми подобающим почестями, как обычно встречают магистрата, причисленного к «кружку друзей царя». У Бебия такой прием вызвал неподдельное изумление – как, когда и каким образом Секст Барбар проведаль, что Лонг вошел в фавор.

Секст Барбар засмеялся:

– Что, понравилась красотка? Они здесь, в Испании, все симпатяшки. Я не возражаю.

Отпуск Атизии на волю был совершен без всяких формальностей, «домашним способом». Сект в присутствии свидетелей уведомил Атизию per epistolam (письмом), что она «свободна». Свидетели заверили акт своими подписями, на девушку напялили на нее фригийский колпак – «символ свободы», и Филомуз проводил перепуганную девушку на императорскую галеру

Присциана в компании с чревоушателем, оказавшимся редким любителем крепкого вина, доставили на галеру перед самым отплытием, за полночь. Там Присциан и чревоушатель продолжили застолье.

Когда бывшего легата поместили в каюту, он неожиданно трезвым голосом поинтересовался у Бебия.

– Везешь на казнь?

Бебий не удержался и слукавил, за что потом долго проклинал себя.

– Как будешь вести себя. Выложишь все без утайки, возможно, тебе сохранят жизнь.

– Ага, сохранят, – засмеялся Присциан.

В последнюю очередь на галеру доставили гонца, сообщившего о разгроме Урбика.

С гонцом Бебий поговорил отдельно. Тот сначала запырился – утверждал, что прибыл точно из Британии. Вел себя дерзко, угрожал. Пришлось пригрозить ему раскаленными на жаровне щипцами. Когда понял, что с ним не шутят, стал сговорчивее и сослался на своего хозяина, городского префекта Катилия Юлия Севера.

Услышав это имя, Бебий едва сумел скрыть изумление.

...вместе с воспитателем они с Марком гуляли по Городу, посещали сады, где Катилий показывал им замечательные памятники, посвященные римским героям. На их примере Катилий наставлял юнцов в добродетелях.

И на тебе!

Бебий в деталях расспросил гонца, кто распорядился отправить его в Испанию, откуда он выехал, как миновал заставы. Выяснилось, что мчался он из Рима через Массилию. То, что он должен был объявить в Испании, выучил наизусть. Присциану же должен был передать письмо.

– ...очень важное письмо. Не знаю от кого. В случае опасности первым делом я должен был его уничтожить.

Бебий ознакомился с посланием. Оно было от Аттиана и полностью выдавало старого сенатора в заговоре. Там также были имена, к которым Присциан мог обратиться в случае надобности.

Теперь можно было принимать самые решительные меры к заговорщикам. Как конкретно Антонин Пий решил подавить заговор, он не знал, но состояние Марка представлял отчетливо. Катакомбы римской власти чем дальше, тем чувствительнее затягивали его лучшего друга, который все меньше становился другом и все более цезарем. На этот путь неотвратимо сворачивал и он.

Тогда к чему было увлекаться высшим, когда низшее властно подчиняло его себе.

Голова трещала от сомнений.

* * *

Бебий вернулся в Рим в десятый день майских ид (25 мая).

К тому моменту Люпусиан дал согласие освободить Храбрия с условием, что тот будет по-прежнему служить ему. С Атизией он встретился в доме Лонгов, оттуда, поблагодарив Бебия, они отправились на съемную квартиру.

Вечером Бебий пришел к Эвтерму и выложил все, что наболело за время поездки в Испанию, потом спросил – как унять досаду на самого себя?

Как, оставаясь наедине с собой, чувствовать себя человеком?

Эвтерм, состарившийся, подкашливающий, посоветовал ему поговорить с местным епископом.

– ...может, он подскажет что-то разумное, ведь ты любишь обращаться к Разуму за советом, а тут, видишь, не помогает. Я советую тебе укрепиться в вере, тогда и мне будет легче уйти из жизни. Я знаю тебя, Бебий, у тебя незамутненная душа, ты скорбишь – светло скорбишь, так что отважься. Прими крест, а-а?..

Бебий досадливо махнул рукой.

– Не торопись, – попросил Эвтерм. – Хочешь, я подсоблю тебе? Открой душу, а-а?

Бебий вышел.

Глава 4

На следующий день, когда император и наследник остались одни, Антонин предупредил.

– Дальше тянуть нельзя! Ты ознакомился с показаниями гонца?

Марк Аврелий кивнул. Он был мрачен.

Тит положил руку на ему плечо.

– Тебе уже семнадцать и ты обязан исполнить свой долг. Теперь самый удобный момент поговорить с префектом. Марк, это трудно.

Наследник с горенью признался.

– Понять не могу, как он отважился?.. Ради чего? Почему доверился Аттиану?..

– Да, это важный вопрос, но я не о том. Ты представитель высшей власти и веди себя так, чтобы на небесах никто не смог упрекнуть бы упрекнуть его, что ошибся в выборе. Ничего личного, все для пользы дела! Никаких сантиментов, увещеваний, воспоминаний к Катилию не применять! Ты должен заставить его быть откровенным. Пусть расскажет все, что знает о заговоре.

– Я справлюсь, отец, – ответил Марк. – Я выполню долг, возложенный на меня Адрианом. Ты воспитал меня...

Тит Антонин перебил его.

– Марк, не говори красиво. Если он расскажет все, что знает и даст обязательство сотрудничать с властью, мы будем более чем снисходительны. Только не вздумай что-то обещать ему.

– Но... – и после паузы. – Понял, государь.

* * *

Катилия Севера вызвали во дворец к вечеру, когда город, тонувший в напалзавшей с востока, всепоглощающей Тьме, все отчетливее замирал от страха.

Марк встретил бывшего наставника доброжелательно. Рассказал, что всегда рад человеку, не жалевшему ни сил, ни времени, чтобы внушить ему тягу к возвышенному и пренебрежение к порокам.

Мрачно-выглядевший префект немного расслабился и не без вздоха признал, что это были «золотые денечки».

– ...ты был очень любознательный мальчик. Теперь вырос, окреп. Боюсь, Тит Антонин недооценивает тебя.

Марк прервал префекта.

– О императоре мы поговорим позже, а пока я хотел бы услышать, какие меры были приняты для успокоения встревоженных горожан. Что сделала префектура для пресечения зловещих слухов? Как твои люди обеспечивают общественный порядок в ночное время?

Север начал перечислять дополнительные когорты, высланные в помощь несущим караульную службу вигилам, где расставлены добавочные посты...

– Сколько преступников задержано? – перебил Марк.

Префект города задумался.

– Я точно не помню...

– А как насчет вожака преступной шайки, изображающего из себя посланца вселенской тени?

– Ты о чем?

– Почему твой квестор отпустил задержанных Осторием преступников? Он сослался на твой приказ «не ввязываться ни в какие переделки».

– Что, Флавиний наступал? – возмутился префект. – Марк...

– Не называй меня Марком, – оборвал его наследник. – Мой титул тебе известен и прошу исходить из сложившейся субординации. Ты – префект города, я – цезарь, и остаюсь им до той самой минуты, пока ты не сообщишь во всех подробностях, какие меры были предприняты для поимки государственного преступника Сацердаты и его прихвостней.

Префект оторопел.

Марк прежним тоном продолжил.

– Катилий, у нас сложилось мнение, что ты пренебрегаешь своими обязанностями. Возможно, ты устал и утратил прежнюю хватку?

– Марк... цезарь, я...

Марк вновь невозмутимо и холодно прервал его.

– ...тем более недопустимо перебивать цезаря, префект! На первый раз я прощаю тебя. Итак, если ты полон сил, в чем причина вызывающего пренебрежения с которым ты и твои подчиненные ведете себя с людьми императора? Твой квестор позволил себе выгнать из префектуры доверенного человека принцепса, выгнать с позором. Завтра же его уволить. Ты понял?

– Цезарь, он был отличным центурионом...

– Возможно. Скажи, это ты отдал приказ «не ввязываться в переделки»?

– Я совсем другое имел в виду.

– Да или нет?!

– Я отдал приказ сохранять спокойствие в городе...

– Не ввязываясь в решительное противодействие преступникам? Довольно странный способ обеспечить спокойствие в городе, не находишь? Возможно, причина в чем-то другом? Может, дело в том, что ты слишком доверился своим друзьям в сенате, которые нашептывают тебе неуместные и, главное, несвоевременные мысли – зачем, мол, спешить с исполнением своих обязанностей, если вопрос о смене власти со всей очевидностью будет решен до майских Лемурий?

Катилий ошеломленно молчал.

Марк прошелся по залу, сел и не предложил сесть префекту.

– Я жду, – напомнил Марк.

– Я не понимаю, цезарь, что ты хочешь от меня? В мои обязанности входит соблюдение порядка в Городе, и я прикладываю все силы, чтобы достойно исполнить их.

Он нервно шагнул ближе.

– Цезарь, я хотел поговорить о другом – о том, что ждет тебя и всех нас в будущем. Вспомни, я всегда учил тебя – долг превыше всего...

– Давай обойдемся без нравоучений, префект! Они портят мои прежние впечатления о тебе. Помнится, ты всегда убеждал, что Рим слишком грандиозен и всеобъемлющ, чтобы мы могли позволить себе внутренний разлад, мятежи, тем более гражданскую войну.

– Я и сейчас утверждаю это!

Он встал и решительно приблизился к префекту. Ткнул в него указательным пальцем.

– Тогда почему ты допустил бесчинства так называемых «огнедышащих теней»? Почему не принял решительные меры для поиска негодяев, пытающихся погреть руки на разгуле преступных элементов? Почему твой квестор отпустил свидетеля? Более того, заведомого преступника! Вместо того, чтобы допросить его со всей строгостью, он сослался на твой приказ? Неужели те же друзья посоветовали вести себя пренебрежительно – мол, все равно «тюфяку» скоро конец, зачем стараться. Ты снюхался не с теми друзьями, префект. Они приведут тебя к гибели.

– Это слишком серьезное обвинение, чтобы выслушивать его из твоих уст. Марк, я хочу спасти тебя. Ты находишься в страшной опасности...

– Вот как?

– Я пришел спасти тебя от этого слабовольного зануды, вымученного ночными кошмарами Адриана. Он строит козни против тебя! Такой расклад, который сложился в высшей власти, не может закончиться ни чем иным, как твоей смертью.

– Замолчи или я не смогу ничем помочь тебе! Ты на своей шее испытываешь, так ли нерешителен Антонин. И так... – он вернулся и сел в кресло, – ты настаиваешь, что заговор существует и он направлен против меня? Приведи факты.

– Пока фактов нет. Он действует осторожно, прикрываясь нелепыми законами о якобы «благожелательной» силе. По тенью добрых намерений, чтобы все поверили в его верность законам, установленным прежним императором.

– Что же плохого в законах Адриана?

Катилий не смог сдержать раздражение.

– Зачем давать поблажки рабам? Кто распорядился, чтобы наказание господином своего раба, пусть даже и до смерти, должно приравниваться к обыкновенному убийству? Кто допустил, чтобы рабы, искавшие убежища в храмах, у статуй императора от гнева своих господ, не возвращались прежним хозяевам? Дело дошло до того, что обвиняемые не должны рассматриваться как виновные до окончания судебного процесса. Это теперь он называет милосердием?! Или, например, закон наследования, в который теперь включено рассмотрение пожеланий дочери на выбор супруга. Мы верили, что он одумается, но мы ошиблись.

Мы верим в тебя, Марк. Ты не позволишь пришлым чужакам и сыновьям рабов захватить власть. Мы верим, что ты продолжишь линию Траяна и восстановишь справедливость, которая всегда спасала Рим.

– Значит, вот что вас не устраивает? Политика «благожелательной силы», которой придерживался Траян?

– Он другое имел в виду!..

– И ты берешься судить о том, что имел в виду великий Траян?! Ты – а не император! – Марк Аврелий даже привстал, потом неожиданно успокоился и сел. – Однако зачем удаляться в политические дебри. Ты нарушил присягу, и я до сих пор не могу понять – зачем?

– Мы решили спасти тебя, Марк! Ты – наша надежда...

Марк задумался – вид у него стал совсем грустный.

– Значит, твоих друзей заботит исключительно мое благополучие? Кто подсказал тебе эту гнилую идею? Кто эти «друзья»?

Катилий уже не мог сдержать раздражения.

– К чему ты клонишь, цезарь? Ты требуешь, чтобы я поступился узами дружбы и рассказал о истинных патриотах Рима, которым не безразлична его судьба. Я никогда не был предателем!...

– А как насчет присяги императору?

– Я всегда строго выполнял его указания...

Марк встал и подошел к окну, из которого открывался вид на внутренний дворик, где возле одной из колон стояли двое. Один из них был в кандалах, другой – преторианский гвардеец из стражи дворца.

Он подозвал префекта.

– Подойди сюда. Взгляни на того человека, – он указал на задержанного.
– Не твой ли это гонец, которого ты послал к Присциану.

Катилий, приблизившийся к окну, отпрянул, судорожно вскинул руки.

– Тебя неправильно информировали! Я знаю, кто это сделал и кому это на руку.

– Кому же?

– Тому, кто даже в минуты кризиса готов на все, чтобы только удержать в руках верховную власть. Прикидываясь незлобивым и нерешительным, он и тебя пытается сделать бездумным заложником своих потаенных замыслов. У него нет ни стоящей мысли, ни настоящей энергии. Его так называемая *склонность к согласию* не доведет Рим до добра.

– В какие «минуты кризиса»? Ты договаривай, префект, иначе я буду вынужден отстранить тебя от должности за оскорбление императора. Надеюсь, ты не забыл, чем грозит преступнику закон об оскорблении величества?

Катилий заметно побледнел. Не таким он представлял себе разговор с наследником, на котором решительно настаивал Аттиан. Сенатор авторитетно, не допуская сомнений заявил, что дело сделано и с известием о разгроме Урбика Рим восстанет, и к тому моменту следует заручиться поддержкой цезаря. Это обязательное условие...

Молча взирая на своего раба, посланного в Испанию в Присциану, Катилий вытер пот со лба.

...Аттиан еще напомнил – «надо поторопиться, Катилий! Все должно быть закончено до начала Лемурий – праздника в честь мертвых».

Марк прошелся по комнате.

Катилий, отставая на полшага, неотрывно следовал за ним. Он не верил своим глазам – этот малыш, в мальчишестве такой покладистый и доверчивый, которого за уши надо было оттащить от книг, вдруг превратился в долговязого, невозмутимого, с холодными глазами юнца, набравшегося дерзости обвинять своего воспитателя в измене.

Катилий предполагал, что без выяснения отношений не обойтись – будут страсти, выкрики, уговоры, возможно, слезы, но чтобы так, разгуливая по залу, тихим голосом, презрительным тоном, с предъявлением свидетеля.

Страх вполз в сердце, а цезарь между тем продолжил.

– Либо ты выкладываешь все, что знаешь о своих друзьях и их гнусных угрозах, либо тебя отведут во внутреннюю тюрьму и там ты выложишь все. Если не добровольно, так под пытками. Марк Корнелий Присциан поможет тебе.

Корнелий отшатнулся.

– Разве легат здесь? Он же должен быть в Испании, ждать...

Префект прикусил язык.

Марк замер. Потом, заметно помрачневший, вернулся в кресло и упавшим, чуть дрожащим голос, произнес.

– Ты выдал себя, Катилий, и это самый страшный удар, который я испытал в жизни. Наставник, с такой помпой воспевавший приверженность к исполнению долга, оказался подлым изменником. Ты, который рассказывал мне о Регуле Марке Атилии, подвергнувшись страшной казни в Карфагене.³⁹

...ты, который поведал мне о Сцеволе, бесстрашно положившим руку в огонь, чтобы доказать стойкость римского духа;

...ты, восторгавшийся выдержкой и стойкостью Цезаря, сумевшим взять Ализию, находясь в окружении врагов. Не надо! – Марк выставил руку, словно отвергая всякие оправдания, – употреблять высоких слов, призывов и напоминаний, не надо слез в голосе. Ты выдал себя... Ты примкнул к банде заговорщиков, из корыстных побуждений собирающихся разрушить государство.

Марк Аврелий решительно встал и подошел к столу, на котором лежали какие-то бумаги.

– Здесь, – он указал на стол, – собраны неопровержимые доказательства твоей вины. Всего этого вполне достаточно, чтобы сенат постановил зверским образом лишит тебя и твоих сыновей жизни, а жену и дочерей отправить в ссылку.

– Ты не посмеешь!.. – закричал префект.

– Ты же посмел!

---

³⁹ Регул попал в плен в карфагенянам. Там ему предложили вернуться в Рим и убедить своих соотечественников согласиться на их условия. В Риме однако он решительно убеждал сограждан отказаться от позорного мира. Чтобы не прослыть клятвопреступником, вернулся в Карфаген и был подвергнут мучительной казни. Его поместили в ящик, утыканный гвоздями, и Регул умер от бессонницы.

– Но я же... в твоих интересах! Как же тогда призывы к благожелательной и поощряющей добродетели силе, которыми так долго пичкала нас высшая власть?

– Ты о чем, Катилий? Эти призывы не распространяются на таких, как ты.

– Почему?

– Потому что ты всегда горячо, всей душой поддерживал эту политику. Как оказалось, только на словах. Ты всегда знал, что представляет из себя Аттиан, подло умертвивший лучших полководцев Рима.

Катилий не сдержался – закричал!

– Убить их ему было приказано Адрианом, спутавшимся с мерзким гречонком!

– Ты же отказался, когда Плотина предложила тебе «уладить этот вопрос».

– Я не дурак!

– А теперь счел себя умным! Решил – пора?! Позабочусь о Марке... а там видно будет. Почему бы самому не стать правителем, прикрываясь мной как ширмой? Сознайся, ты именно это имел в виду, когда только что громогласно предупреждал меня об опасности. Удивляюсь, как ты не побоялся поддаться гнусным страстям в угоду мелкому тщеславию и зависти. Ты завидовал Антонину, которого прежний император выбрал в наследники.

– ...нет, это не так! Я искренне хотел помочь тебе.

– Не лги! Зная Аттиана, ты не мог довериться ему. Как тебе в голову пришло связать свою судьбу и судьбу своей семьи с этим средоточием коварства.

Марк усмехнулся.

– Чтобы внести ясность, хочу показать тебе записи, сделанные отцом Бебия Корнелия Лонга после разговора с Аттианом.

Читай вот здесь.

«...Ларций спросил, неужели надо было так подло расправляться с полководцами и, хотя он не ладил с Адрианом, ему трудно поверить, чтобы тот поступил так необдуманно, лишив Рим выдающихся военачальников. Им тоже нашлось бы дело, в любом случае, держать их на привязи было куда более полезно для государства, чем убийство.

...знаешь, что ответил Аттиан. Он заявил – может быть, но нам какая от этого выгода? Если с Адрианом что-то случится и кто-то из этой своры придет к власти, тогда нам с тобой крышка».

Катилий, ты знал об этом?

– Нет, Марк!!

– Не лги! Если не знал, то догадывался. Я помню твою настороженность, которую ты испытывал в отношении Аттиана.

– Это дела давно минувших дней...

– Нет, префект, это самое жгучее сегодня.

Цезарь сделал паузу, длинную, усилившую страх, все сильнее сжимавший сердце префекта...

– Послушай, что Аттиан написал своему племяннику.

«...вчера Катилий Север вновь заговорил о Марке Аврелии и о том, что нам жизненно необходимо сохранить его как символ преемственности власти. Якобы Марк уже не мальчик, хотя, конечно, без опытных помощников ему не обойтись, и недостатка в них не будет.

Я постарался обернуть это дерзкое заявление в шутку, объяснив, что сначала надо добыть зверя...»

«...судьба Марка менее всего волнует меня. Особенно после того, как «тюфяка» отправят на покой.

На вечный покой!

Только тогда встанет вопрос о судьбе наследника. Я не считаю эту проблему особенно важной. В нашей многоходовке она занимает второстепенное место. Куда более меня волнует твоя судьба, Присциан. Боги отметили тебя при рождении. Тем не менее не стоит раньше срока затрагивать эту тему – ни сейчас, ни в будущем. Молнии сверкают внезапно. Они способны ослепить всякого, кто не успел закрыть глаза.

Или отвернуться...»

Вот тебе еще одна цитата. Речь идет о начальнике сирийских легионов Квинтилии Руфе. Знаешь, на какой крючок Аттиан поймал этого сумасшедшего сумасброда?

«...с твоей решимостью, с твоим видением мира только ты можешь встать во главе Рима и повести его граждан к новым свершениям и подвигам».

Значит, еще один претендент на трон? А как же я, твой воспитанник? Меня, значит, побоку...

– Нет. Мы договорились с Аттианом... Ты сменишь Антонина, когда... Если с ним что-нибудь случится. Ты, Марк!!!

– И ты ему поверил? А кем же он назначит тебя?

Катилий, разбитый и покрасневшийся, ответил сходу.

– Регентом! До твоего совершеннолетия...

– А он что же, такой благородный, уйдет в тень?

– Нет, он возглавит «совет друзей императора».

– Кто, Аттиан?! Ты с ума сошел?! Этот «совет» не просуществует и месяца, как ты, я и все, кто так или иначе не устраивают этого негодяя, будут казнены. Зная его недюжинные фантазии, я представляю, какая смерть нас ждет.

– Он дал мне слово! Без меня он ноль. Я стану заодно и префектом претория.

Марк рассмеялся – он просто не мог сдержаться! Успокоившись, он поинтересовался у воспитателя.

– Но ведь так не бывает, Катилий! Что затмило тебе глаза? Жажда власти? Ты пошел на поводу у нелепых мечтаний? Ты поддался грызущей тебя зависти? Ты забыл, как возвысил тебя Траян?

Итак, ты расскажешь все сам или устроить тебе очную ставку с Присцианом? – цезарь сделал паузу. – Ты сейчас напишешь все, что знаешь о заговоре, потом мы поговорим конкретно о каждом пункте.

– Я должен подумать.

– Думай здесь. Либо ты даешь показания здесь и сейчас, либо мы предаем это дело огласке и тогда император и я ничем не сможем помочь тебе.

– Ты стал жесток, Марк.

– Если ты, Катилий, полагаешь, что все эти тайные интриги доставляют мне удовольствие, ты ошибаешься. Итак, выбирай – выйти отсюда префектом города или не выйти вовсе.

Катилий размышлял недолго.

– Хорошо, я расскажу все, что знаю. Я не вижу причин брать на себя вину Аттиана и всей его своры.

Марк предупредил.

– Гарантией твоей искренности будет исполнение приказа – в три дня отыскать логово Сацердаты и арест его и его банды. Твои «друзья» непременно заинтересуются, о чем ты договорился с наследником. Сообщишь им, что я не сказал «да», но и не отверг твои предложения. Также упомянешь о приказе поймать Сацердату.

– Хорошо. Но...

– Что «но»?..

– Как ты узнал? Неужели этот философствующий бабник Бебий Лонг сумел?..

– Он исполнил свой долг.

– Опасайся женщин, – менторским голосом предупредил префект.

* * *

Ознакомившись с зафиксированными писцом показаниями префекта города, Тит Антонин помрачнел.

– Катилий правильно рассудил – своя шкура дороже. Сразу после поимки Сацердаты следует собрать сенат и тихо осудить этих негодяев. Только очень тихо! Нам нельзя стирать грязное белье на виду у публики.

Марк помедлил, потом как на духу признался.

– Отец! Не могу понять Катилия! У него было все, что он мог бы пожелать, а он пустился в грязную авантюру с такими же недоумками, как и он. Они же все – бездумные рабы страстей. Какая «благожелательная» сила смогла бы переделать их? Сила закона? Авторитет власти? Палка центуриона, которой следовало бы бить их по головам? Стоило только Аттиану пощекотать их тщеславие, поманить их мечтой о власти, и они забыли обо всем. О Разуме, осторожности, страхе за свои семьи!

Он всхлипнул, замолчал.

После паузы этот мучительный вопрос заставил Марка продолжить

– Отец, я хотел бы снять с себя бремя ответственности за них. Нет-нет, я понимаю, кто-то должен взять на себя их грехи и принудить к добродетели.

Император задумался – принялся расхаживать по залу.

Марк опомнился.

– Отец, не беспокойся, эта минута слабости пройдет. Я справлюсь. Мне просто надо побыть одному.

Император подошел к нему, положил руку на плечо.

– Ты повзрослел, сынок. У меня было два родных сына, они умерли в малолетстве. Я хотел бы, чтобы они выросли такими, как ты.

– Благодарю, отец!

– Как насчет этой женщины?

– На днях я верну Бендиту хозяину.

* * *

Префекту Северу тоже хотелось побыть одному, поразмышлять над случившимся. Растерянности не было – только горечь и опустошение.

...хотелось прямо от форума, вот так плавно покачиваясь, в удобных носилках, которые тащили четверо громадных далматинцев, отправиться на пригородную виллу в Вейях, попариться, отдохнуть возле бассейна, полакомиться язычками фламинго, но это все были пустые мечтания. От Марка бегством не отделаешься.

Особенно от Аттиана.

...мысленно хлестал себя по щекам, упрекал за доверчивость, за то, что, будучи начитанным человеком, пренебрег правилами философии, но более всего за то, что человек, чью подноготную он знал досконально, сумел соблазнить его, да так ловко, что можно было диву даваться.

...но каков Марк! Ему только семнадцать, а он уже освоил менторский тон. Разговаривает бесстрастно, как глас судьбы. И с кем? Со своим воспитателем...

...если выбирать между Аттианом и Марком, конечно, стоит держаться Марка. Он обещал – «без видимых последствий».

Можно ли ему верить?

...Аттиану ни на асс!..

...м-да, разговор предстоит непростой, с уловками. Этот интриган – мастер ставить подножки, но в этом случае... Почему бы не попробовать обвести его вокруг пальца? Пусть поможет в поисках Сацердаты. Три дня – срок небольшой.

Хотелось воздать Аттиану тем же...

...если Аттиан изначально торговал титулом цезаря, предлагая его Присциану или Руфу, или кому-то еще, следовательно, песенка Севера, префекта города, знатного патриция, богатого человека, спета.

В любом случае!..

Но Марк оставил ему выбор...

Высунувшись из носилок, он приказал двигаться в сторону Эсквилина.

Аттиан встретил его радушно, предложил освежиться ароматной калдой.

По давно выработанной хитроумной привычке хозяин никогда первым не интересовался, с чем пришел гость. Этим приемом он владел в совершенстве. Разговор предпочитал заводить о пустяках, о мелких хозяйственных хлопотах... Пусть посетитель сам свернет на главное, тогда Аттиан естественным образом становился судьей, советчиком, доброжелателем...

На этот раз Северу было наплевать на приемчики.

Он сразу, не присаживаясь, приступил к делу.

– Мне даны три дня на розыск Сацердаты.

– Так ищи.

– Я не знаю, где он прячется.

– Так найди и арестуй его.

Север усмехнулся, устроился в кресле, отхлебнул вкуснейшей в Риме калды и не без презрения поинтересовался.

– Ты не знаешь, где скрывается Сацердата? Смешно! Аттиан, ты затеял скверную игру.

– Марк дал согласие?

– Нет, но и не возразил. Такие дела с ходу не решаются.

Аттиан развел руками.

– Тогда и говорить не о чем. Полагаю, нам не следует рисковать. Думаю, есть смысл отложить мероприятие. Если мы не можем сделать все тихо, без шума, то и начинать не стоит.

– Значит отложить? Разве мы так договаривались? Я обязательно добьюсь ответа.

– Вот когда добьешься, тогда и поговорим. Что для нас важнее всего? Судьба государства, не так ли? Давай будем исходить из этого постулата...

– А до той поры я могу искать логово Сацердаты?

– Конечно.

– Где оно находится?

– Не знаю, но следует поискать на той стороне Тибра.

Эта ложь решила дело.

«...на той стороне реки? Неужели?! Может, стоит поискать в Субуре? Витразин упоминал о Циспийском холме. Значит, старый плут решил направить меня на ложный след?..»

«...этот продаст не задумываясь. И меня, и Марка, и племянника в компании с Руфом».

* * *

Как только Север покинул Аттиана, тот вызвал своего домоправителя и велел немедленно доставить к нему Сацердату.

– Но время позднее, – попытался было возразить прокуратор.

– И что?

– В городе неспокойно. На улицах орудуют тени.

– Возьми побольше охрану. Внимания к себе не привлекай.

Аттиан отвернулся и с удовольствием опустошил большой стеклянный кубок с калдой.

...доставленному за полночь Сацердате освежающего напитка не досталось.

Разговор был короток

– Север получил приказ в три дня отыскать тебя. Так как твое местонахождение известно слишком многим, смени логово. И учти, у тебя в запасе только три дня. Если не выполнишь, что тебе было приказано, тебя ждет жуткая смерть. Ты станешь не нужен и я не буду прикрывать тебя. Ты все понял?

– Да, господин.

– Ступай.

* * *

В ту же ночь Храбрый, сузивший круг поисков до квартала, в котором располагалась усадьба Манилии, обнаружил странную процессию, с тыльной стороны подбиравшуюся к дому вольноотпущенницы.

Замер.

Потом осторожно приблизился, расположился в подворотне.

Кто были эти люди, столпившиеся у потайного входа, разглядеть не сумел, впрочем, сердце подтвердило – это те, кого он искал.

Взялся за ручку меча, спрятанного под плащом.

Время капало долго, нудно, будто оливковое масло, стекающее с доньшка.

Наконец, из дома вышли тени и среди них огромного роста, чуть прихрамывающий призрак.

Это был он, посланец тьмы.

В этот момент кто-то подтолкнул его в спину, прошептал.

– А ну-ка, убирайся отсюда!

Храбрый моментально прикинулся пьяным, повернулся и скрылся в подворотне. Впрочем, он не унывал – логово вскрыто, и завтра же его накроют люди Остория.

Утром он узнал у домоправителя Манилии, что постояльцы покинули усадьбу.

Это была скверная новость. С другой стороны Храбрый точно выяснил, кого следует искать.

Ватия, польстивший на кубок вина в ближайшей забегаловке, снисходительно объяснил, что главный у них Антиарх, а его помощников зовут Викс и Исфаил.

– Исфаил – это такой громадный?

– Ага, настоящий великан, вот только после поездки в Египет стал прихрамывать. Там еще одна сучка пасется. Пальчики оближешь! Правда в

последнее время я ее не видел. Видно, Антиарх сдал ее в аренду. Кому – не знаю.

– А где старикан сейчас.

Ватия пожал плечами.

– Привел его Витразин, а куда они ночью подались, мне не докладывают. Собрали вещички и тю-тю.

Храбрый насторожился.

– Ты хочешь сказать, что он ушли навсегда?

– Именно это я и хочу сказать.

...итак, его зовут Исфаил, его хозяина Антиарх. Надо бы сообщить Осторию или Флавинию. И проследить за Витразином... Без него здесь не обошлось

Глава 5

«На днях» растянулось и на завтра, и на послезавтра, и на послепослезавтра, как, впрочем, и обещание Севера отыскать логово Сацердаты.

Бендита рыдала не переставая. Молила сжалиться над ней и не возвращать хозяину. Просила поселить где-нибудь в городе:

...ты же цезарь! Найди укромный уголок, где мы могли бы встречаться. Не оставляй меня!

...позволь моему дяде посетить дворец. Он заберет и укроет меня...

На эту малость Марк согласился. Приготовил подарки. Знакомиться с дядей не пожелал. Разрешил ему доступ, о чем приказал своему спальнику Феодоту предупредить стражу.

Феодот даже рот открыл от изумления, потом спросил.

– За дядей приглядывать?

– Чем может навредить какой-то старикашка? Ну, приглядывай...

– Сообщить Флавинию?

– Как пожелаешь.

Феодот не знал, что и подумать!

Предчувствия были самые скверные. Посторонний человек в пределах тщательно охраняемого дворца и – поступай, как знаешь! Это было так непохоже на Марка, отличавшего если не мелочностью, то скрупулезным отношением к своим обязанностям. Не важно к каким – к чтению, постижению истины или выполнению требований внутреннего распорядка. Энтузиазм молодости превращал их соблюдение во что-то, напоминающее ритуальную игру.

Флавиний равнодушно выслушал спальника. Поинтересовался – что известно об этом дяде?

Ответ Феодота удивил его.

– Как так «ничего»? Он проживает в Риме?

– Да.

– Как его зовут?

– Антиарх.

– И о нем ничего неизвестно?

– То-то и оно.

Флавиний задумался, побарабанил пальцами по столу

– Антиарх, Антиарх!.. Где-то я слышал это имя. Ладно, поговорю с Севером. Цезарь дал ему три дня, чтобы вымести темную нечисть с улиц Рима. А об этой сучке что-нибудь известно?

– Тоже ничего. Мне, по крайней мере.

– Хорошо. Ладно, это дело не спешное. Сам знаешь, что у нас творится. Кликуш развелось, дальше некуда, что ни утро, то новые дурные знамения. Вчера мы живьем закопали двоих в землю, но толку чуть. На улицах по-прежнему орудуют тени, что ни ночь – новые жертвы. Тут еще последняя галера с хлебом из Египта запаздывает. Город взбудоражен до предела. Того и гляди, крышку сорвет... Ладно, сообщи страже имя этого таинственного дяди. Когда он появится, тебя предупредят. Встретишь, проводишь – и до свидания!

– У меня на сердце беспокойно.

Флавиний побарабанил пальцами по столу.

– Ладно, я постараюсь разыскать Гегезипа. Этот сириец – мастак просвечивать людишек и с ходу определять, у кого и по какой причине беспокойно на сердце.

На том и расстались.

Осторий, услышав от Храбрый, что его бывший противник на арене Витразин пристроил Антиарха у Манилии, заметно повеселел.

– ...он же помог им скрыться, – торопливо добавил Храбрый.

– Все равно, он что-то должен знать. Этого я быстро растрясусь, выложит все. Он всегда был труслив. Сам-то как?

– Перебрался с Атизией на съемную квартиру. Сыграли свадьбу. Был Бебий Лонг, из твоих Сегимунд. Ты отсутствовал в городе, а то и тебя пригласил бы...

– Ладно, сочтемся...

* * *

Дядя явился на следующий день. С ним был мальчик лет тринадцати.

Преторианец из дворцовой стражи провел их в сады Адониса, откуда можно было попасть в подсобные помещения дворца Флавиев и оттуда по служебной галерее на половину цезаря.

Феодот встретил гостей у входного портика.

Старикашка выглядел вполне безобидно, мальчишка тоже, правда, лицо у него было какое-то изношенное, не по-детски обмякшее.

– Следуйте за мной, – приказал спальник.

Он привел их в дальний закуток, где в анфиладе трех комнат со сводчатым потолком и двумя узкими окошками, затянутыми слюдой,

располагалась Бендита. В помещении было сумрачно, размытые тени едва угадывались на выложенном каменными плитками полу.

При виде дядюшки женщина расплакалась.

Феодот, немного успокоившийся при виде безобидного старика и малолетнего брата Бендиты, счел возможным оставить их одних. Предупредил, чтобы до полудня они покинули дворец.

Старик схватился за голову – как ты жесток, добрый человек! Как бессердечен!.. Какие обязанности выполняешь?

– Спальник.

– И ты, дарующий отдых, гонишь нас на улицу как каких-то бродяг! Или ты забыл, как моя племянница изо всех сил ублажала цезаря, одаривала его неземными ласками! Видишь, как она страдает. Смилуйся и позволь ей проститься с цезарем, иначе я не отвечаю за ее жизнь.

– С цезарем она уже простилась. Старик, будь благоразумен – не навязывайся и не требуй больше того, что она получила. Нам сейчас не до сантиментов. Слышал, наверное, что в городе творится. Последняя галера с хлебом из Египта запаздывает.

Старик принялся хлестать себя по щекам

– Вот несчастье так несчастье! Что же теперь с нами будет! На что будем жить! Умоляю, напомни господину, что надо быть щедрее. Мало того, что моя племянница умрет от тоски, так еще она может погибнуть от голода.

– Оказывается, ты редкий сквалыга, старик! – засмеялся Феодот. – Решил срубить по крупному?

– Ты скверно думаешь обо мне, спальник! – дрожащим голосом простонал старик. – Больше всего меня заботит судьба Бендиты.

– Ладно, оставайтесь до вечера, – согласился Феодот.

Сердце у него успокоилось – что можно ждать от этого хлипкого старикашки, решившего не упускать счастливый случай. Не каждый день такому прохвосту удается словить золотую птицу.

– Умоляю тебя, добрый человек! Передай наследнику, что эта женщина, не увидевшись с ним, помрет с горя. Хотелось бы взглянуть и на императора. Слава о его божественных добродетелях разнеслась по всему свету. Пусть на прощание благословит мою племянницу. Его благословение сулит удачу.

– А ты хваткий старикашка! – засмеялся Феодот.

В следующее мгновение тень старика каким-то странным образом потемнела, обрела четкие контуры. Спальник уставился на нее, соображая, как это могло быть?

...света в комнате вроде не прибавилось?..

Он поднял голову, вопросительно глянул на старика. Неожиданно Антиарх овладел его взглядом и, не делая паузу, настойчиво потребовал.

– Передай!

Феодот почувствовал легкое головокружение, однако сумел отвести взгляд. Он перевел дух и неожиданно согласился.

– Ладно, передам.

* * *

Далее все происходило легко и весело.

Феодот с удивительной бесцеремонностью и пренебрежением к сословным предрассудкам, пританцовывая прошел сквозь императорские покои, скорым шагом миновал канцелярию-преторий, в котором работало несколько разинувших рты вольноотпущенников, приблизился к двустворчатой двери, ведущей в зал, в котором Антонин Пий беседовал с Марком и Бебием, – приоткрыл одну из створок и, сам не ожидая от себя такой смелости, заглянул внутрь.

– Тебе чего? – спросил император, обратив внимание на раба, посмеявшегося без вызова сунуть голову в его кабинет.

Только тогда Феодота отпустило и, перепуганный до смерти, он едва вымолвил.

– Господин!..

Марк Аврелий, ошеломленный внезапным появлением спальника, его неподвластным разуму безрассудством, направился к нему.

– Ты что, с ума сошел!!

– Господин! – срывающимся голосом выкрикнул Феодот. – Пришел дядя...

– Какой дядя?

– Бендиты...

– Ну и что?

– Он просит, чтобы ты простил Бендиту, если что не так... Просит о личной встрече.

– Ты лишился рассудка, Феодот? Какой дядя! Какое прощение! Какая встреча!

– Я позволил им остаться до вечера...

– Ладно, пусть остаются. Я, может, загляну на прощание.

Спальник осторожно затворил за собой дверь.

– Что там? – поинтересовался Тит.

Марк Аврелий в расстроенных чувствах признался.

– Явился дядя... этой женщины. Просит, чтобы я еще раз простился с ней, а то она плачет

Тит Антонин засмеялся.

– Плачет? Да-а, это уважительная причина! Впрочем, я бы тоже заплакал, прощаясь с таким молодцом, как ты. Я хотел бы взглянуть на нее. Придержи Феодота...

Он обратился к Лонгу.

– Итак, Бебий, ты все понял. В случае, если завтра не будет галеры из Египта, прикажешь открыть мои личные склады и с помощью городских фрументариев начнешь выдавать зерно, предназначенное для плебса. Без задержек и бюрократического произвола. Строго по спискам! Пресекай всякого рода наезды, которые очень любят представители богатых городских кварталов. Запомни – строго по списку и по очередности.

Бебий молча поклонился.

Император повернулся к Марку.

– А теперь пойдем посмотрим на твою красавицу. Лонг, пойдем с нами.

* * *

Следуя за Феодотом, они добрались до обшарпанной лестницы, по которой спустились в галерею, окружавшую внутренний дворик. Там, возле фонтана, изображающего Геракла, расплескивающего воду, обнаружили Луция Вера в компании с каким-то незнакомым мальчишкой, бурно обсуждавшими победу «зеленых» в последних забегах на ипподроме. Оказалось, оба являлись страстными поклонниками этого клуба.

Отрываться от этого увлекательного занятия они не захотели. Луций даже рукой махнул – отвяжитесь! Император, пребывавший в отличном расположении духа, молча указал на них – вот сорванцы! Дальше, пройдя служебным портиком, добрались до комнат, который занимала женщина, вскружившая голову Марку.

Вошли не постучавшись.

Феодот окинул взглядом Бендиту, затем обратил внимание на старика. Лицо у того неестественно вытянулось – по-видимому, он узнал императора, чьи скульптурные изображения переполняли Город.

Внезапно в комнате вспыхнули висевшие на стене факелы, и в их колеблющемся свете тень старика, при появлении императора уменьшившаяся до размерам коврика под ногами, ожила, начала выдвигаться в направлении императора.

Сам Антиарх, по-кошачьи грациозно поднявшись со стула, небрежно поклонился, затем резко выпрямился. Глаза его необыкновенно расширились, в них вспыхнули адские огоньки. Он подобострастно подкрался к императору и громким пронзительным голосом членораздельно выговорил.

– В Египте восстание! Взбунтовались буколы! Хлеба не будет!...

Лицо у императора вытянулось. Его глаза тоже неестественно расширились, закатились.

Он замер ...

Феодот, почувствовавший одолевающий его ужас, через силу попытался заслонить императора, однако и его члены сжал столбняк.

Марк Аврелий внезапно повалился на пол.

Бebий, ошеломленный встречей с погибшей на его глазах Пантеей, шагнул было к ней, однако секундой позже его тоже одолело бессилие. Он замер с изломанной гримасой на лице.

Император со счастливой улыбкой на лице неожиданно осел и, потеряв сознание, упал на спину. Его голова звучно ударилась о каменную плитку на полу.

Старик, на мгновение отвлекшийся на сопровождавших Тита людей, змеино улыбаясь, приблизился к Антонину. Его тень распространилась до уровня груди императора.

Неожиданно за дверью послышались выкрики, топот, удары. Следом створки с грохотом распахнулись, и в комнату вбежал Флавиний.

Увидев недоброе, он попытался поднять шум, однако старик, отведя взгляд от императора, уперся в него взглядом. Вольноотпущенник на

мгновение замешкался, замотал головой, потом опустил голову и, с трудом справляясь со страхом, нагоняемым препятствующей ему силой, поспешил к императору.

...лицо Антиарха испуганно исказилось, тень ужалась до черного пятна и вползла под плащ хозяина. Зрачки приняли прежние размеры. Он стремительно бросился к дверям. За ним, задрвав тунику до середины бедер, припустилась Бендита.

Выбежав в канцелярию, они помчались к лестнице. Вприпрыжку спустились во внутренний дворик. Здесь возле фонтана обнаружили игравших в камешки Викса и Луция.

– Виск, надо сматываться! – повысил голос старик.

– Как?

– Как хочешь, иначе...

Луций поинтересовался.

– Вы на бегá?

– Да, – ответил старик, – на ипподром. Очень спешим.

– Ха, – заявил Луций, – я знаю короткий путь, там и стражи-то нет. Один раздолбай у порога.

– Проведешь? – спросил старик.

– Раз плюнуть! Уж как мне надоели эти преторианцы!..

– Хороший мальчик, – похвалил старик и погладил его по голове. – Как тебя зовут?

– Я – Луций Вер, – гордо заявил мальчишка, – наследник римского империума.

Старик отдернул руку, Виск закрыл лицо руками. Бендита всхлипнула

– Жаль, – посетовал опомнившийся старик, – что я спешу, а то взял бы тебя с собой.

– На бегá?

– Да, только это будет длинный забег. На всю жизнь...

– Здóрово. Тогда за мной.

Луций довел их до неприметной двери, возле которой, развалившись на грязном стуле, спал пожилой стражник.

Луций распахнул дверь.

Старик, Виск и Бендита выбежали на улицу. В этот момент стражник проснулся. Луций набросился на него – спать на посту! Прикажу казнить!..

Сацердата на мгновение подивился невероятной картине – восьмилетний пацан выговаривает рослому гвардейцу – затем возблагодарил Хри́ста и со всех ног бросился к Бычьему рынку.

«...взять бы Луция с собой... на всю жизнь... Эх, времени нет!»

Глава 6

Первым пришел в себя Флавиний.

Он тут же послал одного из столпившихся на пороге вольноотпущенников из императорского претория, за Гегезипом,

ожидавшим принцепса в его покоях. Другого – за калдой и разбавленным вином.

...первым делом сириец осмотрел императора. К тому моменту Марк Аврелий и Феодот уже пришли в себя.

– Голова раскалывается, – признался цезарь.

– Сейчас принесут калду и вино, – заверил Флавиний.

Бebий, который только теперь отчетливо осознавший, что встретил покойницу, содрогнулся от угнетающей, сдиравшей всякие праздничные одежды с прежних истин растерянность, ведь встречу с погибшей Пантеей никак нельзя было объяснить ни с точки зрения философии, ни с точки зрения убежденности в целительном всесии вселенского Разума.

Он с трудом разжал челюсти и, едва справляясь с ужасом, выдавил из себя.

– Эт-то Пан-тея!..

Марк, покрепче, помоложе, отмахнулся.

– ...подожди с Пантеей! Что с императором?

Император был плох.

Гегезип, склонившийся над ним, пальцами раздвинул принцепсу веки. Глаза оказались лишенными зрачков. Они были как бы стертые колдовством негодяя, или закатились под лоб. Человек, притащивший калду и вино, поставил кувшины на пол и присел рядом с Гегезипом. Попытался подсказать, что у них на Кавказе таких, лишенных разума и зрачков несчастных, жрецы обливают холодной водой. Сириец, не оборачиваясь, негромко, но веско приказал.

– Заткнись! Уйдите все!!

– Нет! – решительно возразил Марк Аврелий.

– Тогда встаньте за спину и молчите.

Гегезип долго, испытующе вглядывался в глаза императора, потом хлестко, наотмашь ударил его по щекам.

Потом еще раз.

И еще...

Затем завыл истошно, пронзительно до боли в ушах, пока лицо императора не скривилось, и зрачки, вопреки неясной удерживающей их силе, с трудом выползли из-под верхних век. Следом в них обозначился – пусть и на самом донышке! – отчетливый смысл.

Гегезип принялся заунывно бормотать молитву на греческом и еще на каком-то непонятном языке – скорее всего, персидском. Потом принялся вперебой повторять фразы.

Наконец император сделал глубокий вздох.

– Что со мной? – пробормотал принцепс.

– Ты был на грани бездны, господин. Я успел во время. Если бы этот негодяй смог взять тебя подбородок и заставить закинуть голову, тебе уже никогда не обрести сознание. Разум бы оставил тебя.

– Да кто посмел!.. – хрипло, глотая звуки, воскликнул император.

Гегезип усмехнулся

– Антиарх. Этот негодяй способен на все.
– Немедленно отыскать! – воскликнул Марк. – Поднять на ноги преторианские и полицейские когорты. Допросить Катилия.

– Остановись! – уже вполне членораздельно прервал его Тит. – Не спеши... Не впадай в безумство. Власть не дает право на безрассудные поступки. Сначала возблагодарим богов за то, что они спасли нас...

Он подтянулся и сел, привалившись спиной к стене.

Так и замер, словно заснул.

Все застыли в ожидании.

Гегезип на цыпочках отошел в сторону.

Наконец Тит Антонин с трудом пошевелил пальцами на одной руке, потом на другой.

– Марк, – нормальным голосом приказал император, – распорядись, чтобы все оставались на местах. Никто не должен знать, что здесь произошло. Рабов и вольноотпущенников запереть в охраняемом помещении – и никаких свиданий! Вы тоже не имеете права покидать дворец. И под страхом смерти держите языки за зубами. Флавиний, слышишь – под твою ответственность. Теперь отставьте нас с наследником!

Все, кроме Марка, направились к выходу.

– Лонг, останься – приказал принцепс и с трудом поднялся на ноги.

Когда они остались одни, император с помощью Марка и Бебия с трудом добрался до кресла. Долго молчал, потом уже прежним глуховатым баском напомнил.

– Позовите Гегезипа!

Бебий выглянул в коридор и пригласил сирийца.

Тот вбежал и с порога и заискивающе запричитал.

– Император, ты угоден Творцу! Но голову надо обмыть холодной водой.

– Хорошо, – согласился император.

После того как омовение закончилось, Гегзип вновь затараторил.

– ...Отец-демиург, я не позволил демонам тьмы овладеть твоей душой. О-о, драгоценнейший, как ты добродетелен! Как всезнающ!.. Даже вселенская Тьма отступила перед тобой. Твоей божественной благодатью скрепляется Римская держава...

Антонин Пий скривился.

– Не говори красиво, знахарь.

Он обратился к молодым людям.

– Сейчас этот человек, – он указал на Гегезипа, – расскажет все, что ему известно о Антиархе, потом мы решим, как поступить. Повторяю, никто не должен знать, что случилось во дворце. Это условие должно быть выполнено неукоснительно. За разглашение – смерть! Ясно! Теперь о том, какие вести должны разлететься по Риму. Флавиний?..

Вольноотпущенник вбежал в комнату

– Да, государь...

* * *

Слухи о том, что император лишился разума и провалился в бездну, мгновенно разнеслись по Риму.

Одни утверждали, что принцепс уже обратился в бога, другие – что жизнь едва теплится в нем; третьи настаивали – человека, настолько угодного небожителям, не так-то просто сбить с толку, тем более в полдень, в самый неурочный час для разгулявшихся по Риму теней.

По распоряжению префекта претория на форуме по несколько раз в день объявлялось о состоянии здоровья императора.

На третьи сутки ближе к полудню был зачитан рескрипт, назначавший Марка Аврелия Антонина временным хранителем империи и «отцом народа».

В городе началась тихая паника. Страху подбавило и внезапное объявление, требующие сенаторов на чрезвычайное заседание. Явиться следовало не позже двух часов после объявления.

Собрались раньше, так как все члены сената толпились на форуме, лихорадочно воспринимая каждую – пусть самую бредовую! – новость, приходящую из Палатинского дворца. Что касается внеочередного заседания, все пришли к единодушному выводу – дела принцепса совсем плохи и с минуты на минуту надо ждать смены власти.

Заседание открыл префект претория, объявивший, что чрезвычайные события, случившиеся в Городе, вынуждают его ввести в зал караул преторианцев. Голоса – «это неслыханно!», «не позволим!», «произвол!!!», «где император?» – он как бы не услышал и передал слово префекту города.

Поднявшись, Катилий Севере первым делом объявил, что император Цезарь Тит Элий Адриан Антонин Август Пий попросил его объявить заседание открытым. Неотложные государственные дела вынуждают принцепса задержаться.

Крики – «какие дела?», «что важнее: заседание отцов народа или текущая мелочевка?» – привели Катилия в замешательство. Он сделал шаг назад к своему креслу и так и не смог сообщить о заговоре.

На помощь пришел Марк Аврелий. Он поднялся и объявил.

– В настоящее время император занимается проверкой поступивших сведений о антигосударственном заговоре, в котором участвуют некоторые высокопоставленные и авторитетные лица.

Раздались возгласы – «какой заговор?!», «кто участвует?»...

Цивика Барбар, дядя Луция Вера, с места выкрикнул.

– Это подлая провокация! Где император? Почему его нет в зале? Почему он прячется от сенаторов?

Его поддержали несколько человек.

Деций Валерий Гомул выбежал на площадку перед возвышением, на котором располагались должностные лица.

– О каких заговорщиках идет речь? Назови имена! Кто здесь, – он обвел рукой переполненный зал, – заговорщик?

– Ты! – заявил Марк Аврелий и указал на него пальцем.

Гомул замер.

Марк Аврелий повернулся к Катилию и тихо предупредил.

– Либо сейчас, либо никогда.

Катилий все никак не мог справиться со ступором.

Гомул, почувствовав растерянность власти, вновь ожил.

– Отцы-сенаторы!..

Шум в зале нарастал, что грозило взрывом страстей, которые могли сломать весь заранее продуманный сценарий.

В этот момент из бокового прохода вышел император и не торопясь, величаво направился к своему месту.

Шум в зале стих.

Император уселся в курульное кресло, предназначенное для принцепса и, указав пальцем на Гомула, подтвердил.

– Да, Деций, ты и есть один из главных заговорщиков.

Сенатор замер.

Появление императора, живого и невредимого, резко изменило настроение в зале.

Сразу осмелел Катилий. Он шагнул вперед и объявил о раскаянии. Только по недомыслию он принял участие антигосударственном заговоре, во главе которого – он указал пальцем – стоит известный сенатор Публий Ацилий Аттиан.

Гомул трусцой поспешил занять свое место. Даже грозный Цивика, стараясь казаться незаметным, опустился на сидение.

* * *

Все дальнейшее заняло не более часа.

Были зачитаны выдержки из писем, рассылаемыми Аттианом в провинции – исключительно Аттианом! – признания Присциана и Руфа, в которых упоминался только прежний префект города, а также заявление гонца в Испанию, сознавшегося в том, что весть о разгроме Урбика была лживой.

Практически единодушным голосованием утвердили наказания государственным преступникам. Аттиана, его племянника и воинского начальника в провинции Сирия Квинтилия Руфа сенат приговорил к смертной казни. В постановлении было особо указано, что «отцы-сенаторы, дабы сохранить честь и достоинство «*Senatus populusque Romanus*⁴⁰ обязывает их собственными руками исполнить приговор».

Аттиан с помертвевшим лицом выслушал вердикт – худшего наказания для себя он и придумать не смог бы. Даже быть удушенным руками палача казалось предпочтительнее, чем самоубийство. Это была более чем щедрое возмездие за все злодеяния, интриги и подлости, которые он совершил в жизни.

Дела его сообщников, так и не объявленные на заседании, Антонин Пий амнистировал собственным повелением.

Это решение сенаторы встретили бурной овацией. Аплодировали все, особенно старались Деций Валерий Гомул, Марк Цивика Барбар, Теренций Генциан и Платорий Непот.

---

⁴⁰ Отцов-сенаторов и римского народа.

Глава 7

Удивительно, но после странного, шокирующего решения сената ограничиться тремя смертями, резко сократился поток доносов, особенно анонимных, запрещенных Траяном, а также слезливых жалоб, просьб о вспомоществовании, которыми была завалена императорская канцелярия. Заметно уменьшилась и количество судебных тяжб о дележе собственности и наследств.

Спустя неделю город утих окончательно. Сгинули тени и прочие ночная нечисть, затаились стриги и лемуры. Даже бандиты, прятавшиеся в Помптинских болотах и в Невиевой роще, находившейся в паре лиг от Города, умерили пыл и начали обходить город стороной. На улицы теперь дежурили все назначенные полицейские когорты, в которых насчитывалось около трех тысяч человек, которые совместно с пожарниками-вигилами взялись за исполнение своих обязанностей.

Сократилось число пожаров городе, о чем радостно завопили старухи на форуме.

* * *

Откладываемая казнь приговоренных заговорщиков состоялась в разное время.

Первым оказался Аттиан .

Катилий Север с трудом дождался негласного приказа императора и сразу, в сопровождении двух преторианских центурионов, которые в случае чего должны были помочь сенатору расстаться с жизнью, – поспешил к Аттиану.

Поторопиться его заставило осознание шаткости своего положения. Катилий понимал, что шансов сохранить третий по значению в государстве пост, у него не было, оставалось только сохранить хотя бы осколки честного имени, а то мало ли – сегодня простили, а завтра... Он помнил свой последний разговор с Марком. От этих философов, озабоченных исполнением долга, всего можно ждать.

Но, если признаться, эти соображения вовсе не были главной причиной спешки. Он сгорал от нестерпимого, до дрожи в кончиках пальцев, желания свести счеты.

Он так и сказал Аттиану.

– Жду не дождусь, когда ты исполнишь назначенное. Теперь я понимаю Марка Регула, который откусил ухо на голове казненного по его доносу претора Красса Фругия. Ты, Аттиан, можешь не беспокоиться. Мне твои уши ни к чему, мне вполне достаточно разглядывания твоей мертвой туши.

– Это доставит тебе радость? – спросил Аттиан.

– Еще какую!

– А мне нет.

– Ничего, стерпишь.

– Да уж, постараюсь. Может, мы сумеем договориться, Катилий? Никто и никогда не услышит обо мне. А труп я уже приготовил. Это мой прокуратор, он очень похож на меня. Для того и держал. Так как?

– Нет. Пей самую вкусную в мире калду, и покончим на этом. У меня сегодня еще много дел.

* * *

Следующим пришел черед Присциана. К бывшему легату был послан Бебий Корнелий Лонг.

...услышав повеление, Бебий даже в лице сменился.

– Государь!

– Знаю, это нелегко, но так надо!!

Уже дома, крепко набравшись неразбавленного вина, Бебий признался зашедшему к нему проститься Авидию Кассию – «...теперь мне не будет покоя».

– Почему? – удивился Авидий, возвращавшийся в Сирию с предписанием проследить за исполнением приговора, вынесенного Руфу Квинтилию. – Бебий, что за бабьи слезы?

В Сирию Авидий возвращался в чине третьего трибуна легиона. Это был значительный прыжок в военной карьере, к тому же эта должность приписывала его к всадническому сословию.

– Присциан предрекал, будто я стану его палачом...

Авидий засмеялся

– Вот нашел причину. Да я сам бы с удовольствием снес голову этому знатного отпрыску. Они все такие спесивые, – злорадно добавил он. – Думают только о себе...

– А ты не думаешь? – спросил Бебий.

– Я думаю только о том, как исполнить долг.

– А я вот думаю о себе, – признался Лонг.

Ночью он явился к Эвтерму и поделился душевной смутой.

Тот ответил.

– А ты бы отказался.

– Как это? – не понял Бебий.

– Вот так.

– Опала – это еще не самая худшая из бед.

– Самая худшая из бед, если ты погубишь свою душу. Отказаться трудно, я знаю. Со мной тоже такое бывало.

...когда я отправился на поиски Антиноя. Я тогда тоже слабаком оказался. Мне, чтобы спастись, надо было послужить Господу нашему Иисусу Христу, а я вернулся в Рим, к язычникам.

...вот послушай, жил в Киликии в городе Тарсе жестокий и неуступчивый сборщик податей. Звали его Савл. Больше всего на свете он ненавидел моих единоверцев. Как-то раз он отправился в путь, и в пути его сразил ослепительный свет, сошедший с небес. Три дня он провел в слепоте, а когда прозрел, обратился к Господу нашему Иисусу Христу и уверовал.

Ему хватило смелости порвать с прошлым и отправиться в путешествие по миру.

Так и бродил, пытаясь донести до эллина, иудея, римлянина, фракийца германца слово Божье.

Так он стал Павлом.

Значит, можно уйти? Как считаешь? Можно смириться с опалой...

Вот и мне бы уйти...

* * *

И месяца не прошло, как Эвтерм взбудоражил Рим безумным поступком.

Однажды, ни с того ни с сего, он отправился на гладиаторские игры, куда вовек не ходил.

Там просмотрел три боя, закончившиеся вничью – кровью даже песок не очень запачкали. Затем на арену вышли двое – самнит и парфянин. Это были достойные противники. Когда самнит сбил парфянина с ног и нанес ему предупреждающий удар в плечо, он как победитель вскинул меч.

Ждал недолго.

По рядам с нарастающей силой понеслось – «До-бей е-го! До-бей е-го!!»

Зрители исступленно тыкали большими пальцами в землю.

Вдруг громогласный хор стих.

Публику насмешил какой-то старикашка, перелезший через ограду и поспешивший к победителю. Немногие узнали в нем прокуратора Лонгов Эвтерма.

Добравшись до бойцов, старик, обращаясь к зрителям, закричал.

– Люди, будьте милосердны! Ведь вы же люди!!

Публика замерла, потом с нарастающей силой по рядам вразнобой понеслось – «До-бей е-го! До-бей е-го».

Все громче и громче.

Потом голоса зрителей слились в единый хор.

– О-бо-их! О-бо-их!

* * *

После похорон Эвтерма Бебий неделю ходил сам не свой, потом признался Матидии, которая была на сносях – «...решил креститься».

– Пойдешь со мной?

Женщина, ошеломленная и растерянная, отрицательно покачала головой.

– Мы же станем изгой, а у нас хозяйство? Власть не потерпит измены родным пенатам. Вмиг налетят негодяи, все отберут.

– Отпустишь?

Матидия зарыдала и выбежала из комнаты.

Уже ночью Бебий признался.

– В Египте восстание. Меня отправляют усмирять восставших. Я откажусь...

Матидия повернула голову в сторону мужа.

Тот объяснил.

– ...не-ет, в обязанности мне вменяется «просвещать заблудших», «внушать уважение к добродетельной силе», «принуждать завтра стать лучше, чем сегодня».

Он усмехнулся.

– «Принуждать» восставших к «добродетелям», сажая их на кол, это очень логичная формулировка, не находишь? Особенно в этом случае...

– Подумай о маленьком, – попросила Матидия. – У нас будет маленький.

– Подумал... Император предупредил – пока супруга не родит, могу оставаться в Риме. Буду сидеть здесь, в юдоли печали. Как Эвтерм.

Матидия зарыдала.

– Ты – господин. Тебе решать.

* * *

Случилось все буднично.

Бebий дождался рождения ребенка, на ступенях храма взял его на руки, что означало официальное признание младенца гражданином Рима, и назвал Бебием, – так настояла Матидия.

На следующий день от должности префекта Египта отказался.

– ...душа не позволяет. Марк. Оказывается, у меня есть душа. Знай, я крестился, а отщепенец не может быть римским магистратом.

Потом признался.

– Хочу жить, куда глаза глядят.

Марк ответил не сразу, потом сурово предупредил.

– Выбрось эти глупости из головы, иначе я не посмотрю, что мы были друзья.

Когда Марк поведал эту историю императору, тот распорядился.

– Пусть живет, как хочет.

Наследник растерялся, принялся объяснять – мол, «негоже римскому патрицию пренебрегать долгом. Если все начнут жить по собственному разумению... Значит и мне можно?»

– Тебе нельзя!

Император сделал паузу, потом объяснил.

– Всех не остановишь, да и немногие уйдут.

– Но если... Государство рухнет!

– Уймись, Марк! Не тебе и не мне судить Лонга, так что не тревожь его досужими распоряжениями и угрозами. Я бы тоже ушел, но не могу. Долг удерживает. И тебя удерживает. Ты еще молод, горяч и уперся в истину, что именно ты избран хранить и управлять государством. Конечно, мы обречены на исполнение долга, и это великая честь, но не теряй голову и задумайся о том, что существует долг и повыше, поважнее этой прокаженной суеты. Именно его исполнил Бebий. Ему и так придется не сладко, рано или поздно он может лишиться головы, но только не по моему приказу. Это его выбор, а к выбору человека следует относиться с уважением, чего и требует от нас доброжелательная сила.

Он неожиданно и прерывисто вздохнул, вытер выступивший на лбу пот и подвел итог.

– Когда все приучатся с уважением относиться друг другу, когда все сердцем уяснят, что все важно – и мысли, и душа, и тело, и радости, и горе, и надежды; когда возобладает мечта о согласии, тогда и наступит *золотой век* – и никак иначе.

Не слушай пустоголовых.

Их не счесть!

Ты командуй, распоряжайся, расследуй, суди, – у тебя это хорошо получается, но не забывай, о чем я предупредил. И жить тебе тогда станет трудно и весело, и смешно, и приятно чуть-чуть.

Дерзай, Марк!..

Postscriptum

Золотые годы правления Антонина Пия, а их потомки насчитали более двух десятков лет (а с годами Адриана около полувека) странным образом распространились и на соседние государства. Особенно на восток, где Риму много раз приходилось сталкиваться с буйными парфянами, сгорающими между двух огней армянами, а также царями Иберии и Колхиды.

В правление Антонина Пия иберийский (древнегрузинский) царь Фарасман II посетил вместе с женой Рим, где был принят с почётом. Император подарил ему некоторые земли в окрестностях Кавказа. В Лазике по велению Пия правителем был назначен Пакор. Царь был дан и колхам, живущим по берегам Черного моря. Своим авторитетом Антонин заставил отступить от восточных границ империи Осроенского царя Абгара.

Парфянский царь Вологез III, подготавливавший войну против Рима, начал её только при его преемниках – Марке Аврелии и Луции Вере.

На северо-западе дунайские племена квадов с согласия Антонина Пия получили нового царя, что было отмечено монетами с надписью «REX QUADIS DATUS».⁴¹

Греческий философ II века Элий Аристид так охарактеризовал Рим эпохи Антонина:

«Лучше всех ты доказал расхожее мнение, что земля – мать и общая отчизна всех людей. Ныне действительно и грек, и варвар легко может странствовать как со своим добром, так и без него, куда пожелает, как если бы он просто переходил из одного отечества в другое. И его не пугают ни Киликийские ворота, ни узкие песчаные дороги сквозь Аравию к Египту, ни неприступные горы, ни бескрайние реки, ни дикие племена. Ибо для безопасности ему достаточно быть римлянином, а точнее, одним из тех, кто живёт под твоей властью».

* * *

Катилий Север так и не сумел отыскать Сацердату, после чего его незамедлительно отправили в отставку.

---

⁴¹ «Царь, данный квадам».

Удалось только разузнать, будто руками этой банды была совершена зверская расправа над Храбрием и его беременной женой Атизией, переехавших в трехэтажный доходный дом-инсулу на Велабре.

Их зарезали после полуночи, в самое жуткий час, когда теням раздолье.

...говорят, их видели в разные времена, в разных местах. Встречали их в Англии, где они в каком-то дурном сне явились Ч. Метьюрину, а ранее буквально оккупировали белый свет в готических романах.

Появлялись они и в России, о чем упомянул А.К.Толстой в своей повести «Упырь». Поговаривают, будто Ильф и Петров описали их появление в послереволюционной Одессе в юмористическом ключе. Там они пытались овладеть «золотым теленком», принудив миллионера Корейку раскаться.

Безнадежное, должен заметить, занятие...

Михаилу Афанасьевичу Булгакову «посчастливилось» встретиться с ними в Москве, на Патриарших прудах.

Они возникли из ничего, из тени, отбрасываемой деревом, из дрожащего, раскалившегося в знойный день, воздуха.

Необузданное, должно быть, воображение было у тех, кому повезло встретиться с этой компаний, не так ли?